

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

МГПУ

Международное научное издание
№4/2016

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО
SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

Международное научное издание
2016 г. Том 7. № 4

Московский государственный психолого-педагогический университет

Moscow State University of Psychology and Education

«СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО»

Международный научный журнал

Включен в перечень ВАК. Включен в РИНЦ

Главный редактор

Наталия Толстых

Ответственный секретарь

Елена Виноградова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

О.А. Гулевич, Е.М. Дубовская, Ю.М. Забродин, В.Н. Куницына,
В.А. Лабунская, А.П. Оконешникова, Н.К. Радина, Т.Г. Стефаненко,
О.Е. Хухлаев, Н.М. Швалева, Т.И. Шульга (Россия), Е.И. Головаха (Украина),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель

Александр Донцов

Заместитель председателя

Наталия Толстых

Заместитель председателя

Вера Лабунская

Члены редакционного совета

Ю.М. Забродин, В.Н. Куницына, Т.Г. Стефаненко, Т.И. Шульга (Россия),
Е.И. Головаха (Украина), В. Дуаз (Швейцария), Ф. Зимбардо (США),
И. Маркова (Великобритания), Л.А. Пергаменщик (Беларусь),
А.А. Файзуллаев (Узбекистан), К. Хелкама (Финляндия)

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический
университет»

Все права защищены. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций
возможны только с письменного разрешения редакции.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.

Тираж 1000 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теория конструкторов разного уровня Н. Либерман и Я. Троупа
И.В. Кривошеина, А.А. Котов 5

Теоретико-эмпирические подходы к исследованию отношения
к этнолукизму
В.А. Лабунская 19

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Нарушение структуры социальной идентичности в результате
социальной эксклюзии
И.Ю. Суворова 34

Доминирующие ценности семейной целенаправленности в зависимости
от некоторых социально-демографических факторов
Н.В. Нозикова 56

Проявления кризиса трех лет в связи с особенностями
детско-родительского взаимодействия
Ю.Ю. Уланова, В.Е. Василенко 68

Структура границ Я у детей 2–10 лет
О.В. Силина 83

Влияние стажа работы на жизнеспособность профессионалов
социальной сферы
Т.Ю. Лотарева 99

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА

Экспериментальное исследование эффективности применения
виртуального коммуникативного тренинга в системе психологического
сопровождения безработных
Р.М. Айсина 117

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

Разработка пробной версии опросника на определение переживания
исключения из социальной системы
И.Ю. Суворова 132

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Хронотоп современного российского города. Рецензия на монографию
Н.К. Радиной «Город в пространстве и времени: проблемы
территориальной идентичности в контексте социально-экономических
изменений». Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2015. 344 с.
Н.Н. Толстых 147

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО» В 2016 г.** 153

CONTENTS

THEORETICAL RESEARCH

- Construal-Level Theory of Psychological Distance (by N. Liberman, Y. Trope)
I.V. Krivosheina, A.A. Kotov 5
- Theoretical and empirical approaches to the study of attitude
to the discrimination of the ethnolookism
V.A. Labunskaya 19

EMPIRICAL RESEARCH

- The distortion of social identity structure as a result of social exclusion
I.Yu. Suvorova 34
- Dominant values of family purposefulness depending on some
socio-demographic factors
N.V. Nozikova 56
- Manifestations of the “3 year old child’s crisis” in relation to characteristics
of the parent-child interaction
Y.Y. Ulanova, V.E. Vasilenko 68
- The structure of the boundaries I for children 2–10 years
O.V. Silina 83
- The effect of work experience on the social sphere professionals’ resilience
T.Yu. Lotareva 99

APPLIED RESEARCH AND PRACTICE

- Efficacy of Virtual Communication Training for Psychological Support
to Unemployed: Randomized Controlled Trial
R.M. Aysina 117

METHODOLOGICAL TOOLS

- The development of trial questionnaire on social exclusion
I.Yu. Suvorova 132

CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

- Chronotope of the modern Russian city.
Review of the monography of N.K. Radina “The city over space and time:
the problem of the territorial identity in the context of socio-economic change”.
Nizhny Novgorod: DEKOM, 2015. 344 p.
N.N. Tolstykh 147

INDEX OF ARTICLES PUBLISHED IN THE JOURNAL OF SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY IN 2016

153

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теория конструкторов разного уровня Н. Либерман и Я. Троупа

И.В. КРИВОШЕЙНА*,
Москва, Россия, krivosheina.irina@gmail.com

А.А. КОТОВ**,
Москва, Россия, akotov@hse.ru

Теория конструкторов разного уровня Н. Либерман и Я. Троупа часто упоминается в англоязычных источниках по социальной психологии. При этом она используется для объяснения различных феноменов и в когнитивных исследованиях памяти, восприятия и категоризации. В статье описываются основные постулаты теории, касающиеся связи психологической дистанции и уровня конструктора. Представлены краткие описания и основные результаты ключевых исследований разных тематик в рамках теории. Подчеркивается важность теории конструкторов разного уровня для области социального познания. Основные понятия теории служат удобными средствами для описания и объяснения разных феноменов социального познания. Описываются ключевые исследования в рамках теории, посвященные таким феноменам, как фундаментальная ошибка атрибуции, предсказание социальных событий, поведенческие намерения, самоконтроль, цели и средства осуществления действия. В заключение обсуждаются вопросы, остающиеся открытыми на современном этапе развития теории.

Ключевые слова: теория конструкторов разного уровня, психологическая дистанция, категоризация, социальное познание.

Для цитаты:

Кривошейна И.В., Котов А.А. Теория конструкторов разного уровня Н. Либерман и Я. Троупа // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 4. С. 5–18. doi:10.17759/sps.2016070401

* *Кривошейна Ирина Владимировна* — магистрант программы «Прикладная социальная психология», департамент психологии, Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия, krivosheina.irina@gmail.com

** *Котов Алексей Александрович* — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник НУЛ когнитивных исследований, Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия, akotov@hse.ru

Введение

Люди воспринимают непосредственно момент «здесь и сейчас», но также постоянно представляют предметы, ситуации, явления, находящиеся за пределами настоящего времени и места. С помощью этих образов человек не только может выходить за пределы текущего пространственно-временного измерения, но, например, делать предположения о намерениях другого человека. Мы применяем эту способность к анализу мира вокруг нас. Вспоминая прошлое, мысленно переносясь в будущее, люди создают возможные сценарии развития событий, ставят себя на место другого человека. Я. Трупп и Н. Либерман предположили, что такое мысленное «путешествие» по психологической дистанции подчиняется определенным правилам [26]. В предложенной ими теории конструкторов разного уровня (Construal Level Theory — далее теория КРУ) это правило отражает взаимосвязь между психологической дистанцией и особенностями мысленных образов, репрезентаций: чем больше дистанция, тем более абстрактный образ конструируется, или, с другой стороны, более абстрактный образ приписывается более отдаленной дистанции. Теория получила широкое эмпирическое подтверждение на разном материале [26], но практически не отражена в русскоязычных источниках по социальной психологии и психологии категоризации. Целью нашего обзора является описание главных положений теории КРУ и ключевых исследований, выполненных на ее основе. Важной особенностью данной теории является ее междисциплинарность. Она объясняет характерные черты мысленных образов и репрезентаций при разных психологических дистанциях, в области

как социальной, так и когнитивной психологии.

Представляется важным обозначить роль теории КРУ для сферы социальной психологии. В данной теории социальная дистанция выделяется в качестве отдельной психологической дистанции, что уже позволяет оценить ее связь с разными конструктами и их разными уровнями. Это открывает перспективы для различных исследований в этом направлении. Кроме того, теория КРУ является новым и интересным инструментом для описания одного из основных феноменов социальной психологии — фундаментальной ошибки атрибуции, что будет подробнее описано ниже.

Стоит отметить, что теория конструкторов разного уровня имеет не только теоретические, но практические приложения. Например, она нашла применение в потребительских исследованиях и разработке маркетинговых приемов [7; 19]. Понятие психологической дистанции также используется для объяснения экологических установок и поведения. Люди воспринимают экологические проблемы (например, глобальное потепление) как удаленные во времени, а также часто и в пространстве, с чем связана их меньшая активность в решении таких проблем [22].

В первой части обзора мы обсуждаем базовые понятия теории — «психологическая дистанция» и «уровень конструктора» и их взаимосвязи. В следующих частях — основные положения теории конструкторов разного уровня и ключевые исследования, выполненные в ее рамках в области когнитивной психологии (исследования восприятия и памяти) и социальной психологии (в частности, социального познания). В заключительной части обзора мы оценим дальнейшее раз-

витие теории КРУ, а также трудности, с которыми она сталкивается на текущем этапе своего развития.

Основные понятия теории конструкторов разного уровня

Согласно теории конструкторов разного уровня Н. Либерман и Я. Троупа, в ходе жизни мы формируем репрезентации различных объектов и событий [26], которые, помимо актуальной категоризации, служат цели выхода за пределы текущей ситуации и тем самым отражают «психологически» отдаленные объекты. Под *психологической дистанцией* (psychological distance) авторы теории понимают субъективное представление о том, что нечто находится близко или далеко от человека, его текущего местоположения и настоящего времени. Психологическая дистанция характеризуется наличием так называемой эгоцентрической точки отсчета, которой является сам человек, и любой репрезентируемый объект может быть удален от него в разных аспектах: времени, пространстве, социальной дистанции и вероятностном плане (hypotheticality).

Согласно теории КРУ, мы выходим за пределы текущей ситуации с помощью создания психологических конструкторов разного уровня, благодаря которым любое событие или объект можно представить на разных уровнях абстрактности. Конструкторы низкого уровня конкретны, относительно неструктурированы и включают в себя второстепенные, производные от существенных свойств события или объекта (см. пример ниже). Конструкторы высокого уровня представляют собой более общие, схематичные, лишённые контекстуальной информации пред-

ставления, которые содержат только суть понятия [26]. Например, «средство для общения» — это конструктор более высокого уровня по сравнению с конструктором «мобильный телефон». В первом случае в конструктор не включается такое (второстепенное) свойство, как тип дисплея (простой или сенсорный). Аналогично, в конструктор «веселое времяпрепровождение» не входит такое свойство конструктора «игра в мяч», как наличие мяча. Таким образом, переход к конструктору более высокого уровня подразумевает под собой потерю специфичных, уникальных деталей, присущих конструктору более низкого уровня, которые не являются существенными с точки зрения конструктора более высокого уровня. Ключевой характеристикой конструкторов высокого уровня является то, что при их изменении меняется смысл события. Изменения в конструкторах низкого уровня к таким переменам не приводят [27].

Таким образом, уровни конструкторов относятся к тому, *что* именно случилось; в то время как психологическая дистанция помещает репрезентацию этого на отрезок, где точкой отсчета является сам человек, *когда* событие случилось или случится, *где* оно случилось/тсся, *с кем* оно случилось/тсся и *случилось/тсся ли вообще* [26]. Рассмотрим взаимосвязь между психологической дистанцией и уровнем конструктора.

Согласно теории конструкторов разного уровня, все выделяемые авторами психологические дистанции схожи в своей основе, например, при описании времени используются пространственные метафоры (впереди, позади и т. д.) [5]. В исследовании Й. Бар-Анана и коллег [3] эта связь была проверена. Испытуемым демонстрировали картинки со стрелочками, расположенными ближе или дальше.

На стрелочках были написаны слова, соотносимые с близкой (например, *завтра, мы, определенно*) или отдаленной (например, *через год, они, возможно*) психологической дистанцией. В исследовании варьировались и проверялись все типы дистанций: пространственная, временная, социальная и вероятностная. Испытуемым нужно было как можно быстрее нажать на одну из двух кнопок, обозначающих, находится ли объект ближе или дальше. В другом эксперименте нужно было как можно быстрее нажать на кнопку, соответствующую слову на стрелочке. В обоих случаях испытуемые отвечали быстрее, если сочетание на картинке было конгруэнтным (например, в случае, если стрелочка, где написано «Мы», находится близко, — и пространственная, и социальная дистанция является короткой).

Схожие результаты были получены и при изучении других психологических дистанций. Например, степень вежливости человека связана с социальной дистанцией. В исследовании Е. Стефан и ее коллег [25] оказалось, что при прайминге с помощью конструкта высокого или низкого уровня испытуемые обращались к воображаемому собеседнику с большей или меньшей степенью официальности соответственно. Кроме того, при варьировании степени официальности сообщения (официальный или простой разговорный стиль) испытуемые потом предпочитали соответственно более или менее отдаленное место для будущего разговора.

К. Фидлер с коллегами [8] впервые проверили взаимосвязь всех четырех дистанций одновременно. В первой части исследования они просили испытуемых представить возможные события в их жизни в связи с определенными, данными в задании, глаголами и оценить их «отдаленность» с помощью четырех дистанций. На-

пример, испытуемый должен был представить некое событие, связанное с глаголом «заботиться», а затем поставить оценки по четырем дистанциям для этого воображаемого события. Оценки по всем четырем дистанциям положительно коррелировали, что свидетельствует о том, что их можно объединять в рамках общего термина психологической дистанции и рассматривать как феномены одного порядка.

Насколько взаимосвязь между конструктами и дистанцией является осознанной? Могут ли выявленные закономерности проявляться и на неосознаваемом уровне регуляции действий? Для проверки этого исследователи [4] использовали имплицитный ассоциативный тест, в котором испытуемым предлагается отнести к одной из категорий (например, белый — приятный и черный — неприятный) разные слова. Считается, что скорость нажатия одной из кнопок (отнесения к одной из категорий) является показателем имплицитной связанности двух понятий для человека. Участникам исследования давалось задание как можно быстрее нажать на кнопку, которая соответствует одной из двух пар: конгруэнтной или неконгруэнтной. Испытуемые быстрее реагировали на конгруэнтные сочетания конструктов и дистанции (например, «год» — «овощ», «секунда» — «огурец»). Этот эффект был обнаружен с использованием разных психологических дистанций — временной, пространственной, социальной. Таким образом, основное положение теории подтвердилось на уровне автоматической ассоциации.

В этой части обзора мы представили базовые понятия теории КРУ. В целом, основные положения данной теории сводятся к положительной корреляции между величиной психологической дистанции и степенью абстрактности кон-

структа. Данная зависимость распространяется на любые виды субъективно переживаемых дистанций и проявляется на широком диапазоне действий (от осознанных суждений до автоматических реакций). В следующей части мы приведем примеры использования положений теории КРУ для объяснения разнообразных эффектов из области когнитивной и социальной психологии.

Теория КРУ в исследованиях восприятия и памяти

В физическом мире мы действительно видим общую картину при отдаленной дистанции и детали — на более близком расстоянии. Согласно теории конструктов разного уровня, такие же особенности существуют и при конструировании мира человеком в его репрезентации. Это предположение было проверено в целой серии исследований Н. Либерман и Й. Фёрстер [16] с использованием задачи Навона (Navon task). В ней испытуемым предъявляются буквы, которые сами состоят из мелких букв, и испытуемых просят ответить на вопрос, например, «Была ли буква Х на экране?», при этом данной буквой являлась либо общая, составленная из других букв, буква (глобальный признак), либо те, из которых состояла большая буква (локальный признак). В исследовании Н. Либерман и Й. Фёрстер испытуемых сначала просили написать эссе о завтрашнем дне или о дне в следующем году, которое выступало в качестве прайминга, а затем предъявляли задачу Навона. Оказалось, что в зависимости от временного промежутка, заданного в качестве темы для эссе, испытуемые быстрее реагировали либо на общую букву (при эссе об отдаленном временном промежутке), либо

на буквы, из которых она состоит (эссе о близком промежутке). Те же результаты были получены и при прайминге с использованием пространственной и социальной дистанций [16]. В другом исследовании этих двух авторов было найдено обратное влияние: прайминг с помощью глобальных или локальных признаков влияет на восприятие психологической дистанции всех типов [15].

Кроме того, Й. Фёрстер [9] с коллегами проверили, повлияет ли прайминг временной психологической дистанции на выполнение задачи на завершение гештальта (Gestalt Completion Task). Это задание заключается в необходимости увидеть общую картинку или гештальт, составленную из более мелких деталей. То есть если человек сумеет абстрагироваться от отдельных деталей картинки, он увидит общую картинку. Оказалось, что испытуемые, которых просили подумать о промежутке их жизни через год, успешнее решали подобные задачи, чем те, кого просили подумать о промежутке их жизни на следующий день.

Также оказалось, что испытуемые формируют более широкие категории при прайминге с помощью более отдаленной психологической дистанции. Например, в исследовании Н. Либерман и коллег, когда испытуемые думали о каком-то событии, например, походе в более отдаленном временном промежутке, они объединяли связанные с этим событием вещи (например, спальный мешок, ботинки, шляпа и т. д.) в более широкие категории, формируя таким образом меньше групп [17]. В случае с использованием в качестве прайминга вероятностной дистанции наблюдался тот же эффект [28].

Помимо объектов в репрезентацию могут входить и действия, для которых также существуют конструкты высоко-

го уровня (например, учиться) и низкого уровня (например, читать учебник). Такие конструкты для действий тоже связаны с психологической дистанцией. Например, в одном исследовании испытуемым был дан список действий (например, «смотреть телевизор», «читать научную книгу») [18]. Испытуемых просили представить, что они занимаются этой деятельностью на следующий день или через год, и описать это. Согласно результатам контент-анализа, оказалось, что для описания этой деятельности через год использовались категории более высокого порядка. Например, описывая деятельность «читать научную книгу», испытуемые говорили о «расширении своих горизонтов». А при описании этой же деятельности на следующий день, они использовали более частные признаки, а именно, «перелистывать страницы». Такой же результат в отношении действий был получен и на материале других психологических дистанций: пространственной [10] и социальной [20].

При использовании модифицированной версии опросника личных действий Р. Валлахера и Д. Вегнера (Behavior Identification Form) [18], который оценивает различия в интерпретации действий, оказалось, что испытуемые чаще выбирают описания действий, относящиеся к категориям высокого уровня, если представляют это действие в отдаленном будущем, и описания действий, относящиеся к категориям низкого уровня, если представляют его в ближайшем будущем. Опросник представлял собой набор из нескольких утверждений, к которым были предложены интерпретации. Например, оплата аренды жилья интерпретировалась как «сохранение места жительства» (конструкт высокого уровня, так как отвечает на более сущност-

ный вопрос «почему?») или как «подписание чека» (конструкт низкого уровня, так как отвечает на более конкретный вопрос «как?»).

В других исследованиях подтвердилось, что связь работает и в обратном направлении. Например, в исследовании прокрастинации Ш. Маккри и коллег [21] испытуемым давался для заполнения опросник, задания которого были сформулированы с помощью конструктов высокого уровня (вопросы о том, какие личностные черты нужны для определенного поведения) или низкого уровня (вопросы о том, какие шаги нужно предпринять для реализации определенного поведения). Было доказано, что формулировка утверждений с помощью конструктов более низкого уровня способствовала тому, что испытуемые быстрее выполняли работу по заполнению опросника и лучше соблюдали срок ее выполнения.

В исследовании личных воспоминаний также проявилась зависимость между уровнем конструкта и дистанцией до события в памяти [24]. В данном эксперименте испытуемых просили припомнить случаи, когда они помогали кому-то (конструкт низкого уровня) или проявляли такую черту, как отзывчивость (конструкт высокого уровня). В результате оказалось, что конструкт высокого уровня вызывал более старые (отдаленные) воспоминания по сравнению с конструктом низкого уровня. Данный эксперимент схож с другим экспериментом о влиянии речи как посредника в конструировании воспоминаний об эмоциональных событиях [12]. В данном исследовании дистанция до негативного события в памяти задавалась инструкцией описать это событие с помощью глаголов или совершенного вида («Что произошло?»), или несовершенного («Что

происходило?»). Автор исследования показал, что использование глаголов совершенного вида как бы отдаляло неприятное событие в памяти и приводило к тому, что оценки данного события были более низкими (близкими к негативному полюсу шкалы) по сравнению с описанием событий с помощью глаголов несовершенного вида. Обратное соотношение наблюдалось при оценке позитивных событий — описание в форме глаголов несовершенного вида увеличивало их эмоциональные оценки. Таким образом, речь может рассматриваться как регулятор, применяемый как в коммуникации, так и в метакогнитивных процессах для манипуляции семантическим содержанием репрезентации или уровнем конструкта и психологической дистанцией [1; 2].

Теория КРУ и социальное познание

Теория конструктов разного уровня предлагает также и объяснение фундаментальной ошибки атрибуции — склонность объяснять поведение других людей их личностными характеристиками, а не характеристиками ситуации [14]. В терминах теории КРУ это можно описать по-другому: люди склонны объяснять поведение других людей с помощью конструктов высокого уровня (общих личностных черт), а свое поведение — с помощью конструктов низкого уровня (ситуационные факторы) [26].

В первом исследовании на эту тему М. Хендерсона и коллег [13] испытуемым нужно было оценить потенциальное поведение другого студента, который, как сообщали, живет либо далеко, либо близко (разная пространственная дистанция), на основе эссе, где он выразил свои взгляды на определенный вопрос.

При этом испытуемым в одном случае сообщали, что студенту дали задание в эссе написать определенным образом (а он сам при этом мог думать противоположным образом), а в другом — что студента просили выразить свое собственное отношение. Оказалось, что при оценке потенциального поведения студента при большей пространственной дистанции испытуемые отвечали, что его поведение согласуется с выраженными в эссе взглядами независимо от того, попросили ли его так написать или это было его собственное мнение. А при пространственной близости испытуемые при выполнении задания, когда студента попросили написать определенным образом, оценивали его поведение как в меньшей степени согласующееся с выраженными в эссе установками: в меньшей степени приписывали выраженные в эссе мысли ему самому, его личным взглядам. Таким образом, большая дистанция способствует большей выраженности фундаментальной ошибки атрибуции, т. е. склонности приписывать поведение человека его диспозициям. В схожем исследовании, проведенном Ш. Нассбаум и коллегами [23] с временной дистанцией, были получены аналогичные результаты.

Различия в предсказании будущего зависят не только от удаленности события или объекта во времени, но и от пространственной дистанции. Например, М. Хендерсон и коллеги попросили студентов Нью-Йоркского университета сделать прогноз относительно некоторых аспектов развития Нью-Йоркского кампуса этого университета и кампуса во Флоренции в 2005 г. (например, сколько сделано копий на копировальном устройстве), основываясь на информации 1999–2004 гг. На протяжении 1999–2003 гг. наблюдалась увеличивающаяся или снижающаяся тен-

денция, но 2004 год всегда отличался, т. е., наблюдалось существенное отклонение от общей тенденции. Студенты предпочитали делать прогноз, соответствующий основной тенденции (1999–2003 года) чаще при описании отдаленного кампуса, а при прогнозировании развития более близкого кампуса в большей степени обращали внимание на отклонение в последнем году. То есть пространственная удаленность способствует использованию конструкторов более высокого уровня, в данном примере — на основе общего тренда, чем конструкторов более низкого уровня — отклонения от него [13].

Поведенческие намерения, выраженные в конструкторах высокого или низкого уровней, также связаны с разными видами психологической дистанции. Ценности обычно рассматриваются как некие абстрактные конструкторы, которые обеспечивают стабильность и значение в меняющихся обстоятельствах. В исследовании Т. Эйала и коллег оказалось, что ценности как пример конструкторов высокого уровня, в большей степени коррелируют с соответствующими поведенческими намерениями в отношении отдаленного будущего, чем в отношении близкого будущего или настоящего [6]. Однако при этом было обнаружено, что показатель осуществимости определенного поведения был более сильным предиктором поведения, чем ценности, в отношении событий ближайшего будущего. Например, ценность «доброжелательность» (*benevolence*) предсказывает поведенческое намерение стать волонтером в отдаленном, но не в ближайшем будущем. В ближайшем же будущем показатель по данной ценности не был связан с этим поведенческим намерением; оно зависело лишь от того, насколько удобно время волонтерской работы (показатель осуществимости).

Ситуации проявления самоконтроля также связаны с психологической дистанцией. Согласно позиции некоторых исследователей [см., например: 11], в таких ситуациях происходит борьба между противоположными мотивами, например, желанием пойти гулять с друзьями и необходимостью готовиться к занятию. По мнению К. Фаджито и коллег, данные ситуации можно описать через понятия теории КРУ как конфликт между конструкторами высокого уровня (первичные цели, основные мотивы) и низкого уровня (второстепенные мотивы, не связанные с основной целью) [11]. В исследовании было обнаружено, что прайминг с использованием конструкторов более высокого уровня повышает самоконтроль [11].

Теперь обратимся к понятиям средств и цели действия. Н. Либерман и Я. Троуп предположили, что репрезентация цели действия («почему?») относится к конструкторам высокого уровня, а репрезентация средства («как?») — к конструкторам низкого уровня [18]. Таким образом, согласно теории КРУ, люди в большей степени обращают внимание на цель действия или его желательность при планировании в отдаленном будущем и на средства действия или его осуществимость при его планировании в ближайшем будущем. Это предположение было проверено в исследовании, где испытуемым нужно было выбрать одно из заданий, чтобы выполнить его через неделю или спустя 9 недель (на выполнение дается одна неделя в обоих случаях). Было два варианта: неинтересное, но легкое задание и интересное, но сложное задание. Результаты исследования подтвердили исходное предположение: испытуемые чаще выбирали интересное и сложное задание для выполнения в отдаленном будущем.

В данной части статьи мы рассмотрели эксперименты из когнитивной и со-

циальной психологии, в которых находят подтверждение положения теории КРУ. Несмотря на различия в тематике данных экспериментов, их объединяет то, что все они указывают на роль уровня конструкта как удобного средства для уточнения восприятия и собственных действий, и поведения других людей. При этом, такие факторы, как речь и мотивация, оказываются задействованы в процессе регуляции предсказаний событий на различных дистанциях с помощью уровней используемых конструктов.

Заключение

Мы описали лишь некоторые, наиболее показательные, исследования по данной теме, однако, основываясь на них, можно понять, что теория конструктов разного уровня Н. Либерман и Я. Троупа применима к широчайшему кругу явлений, поскольку понятия уровня конструкта и психологической дистанции охватывают обширный круг феноменов. Вместе с тем, необходимо обозначить спорные, требующие дальнейшего исследования и разъяснения моменты рассматриваемой теории. Как ни странно, но в теории КРУ остается непроясненным вопрос сопоставления свойств конструктов на далекой и близкой психологической дистанции. Дело в том, что для более близких объектов по всем типам психологических дистанций информации, как правило, больше, чем для отдаленных объектов [7]. И даже если количество информации было бы равным для отдаленных и близких объектов, по мнению К. Фидлера, человек для объектов и событий в близкой перспективе может сам произвольно дополнить имеющуюся информацию своими личными предположениями, бли-

жайшим прошлым опытом, воображаемыми сценариями, сомнениями, эмоционально-насыщенными ассоциациями в большей степени, чем в отношении объектов и событий отдаленного будущего. Частично этим может объясняться разница в выборе уровня конструкта для того или иного объекта. Получается, что влияние психологической дистанции на уровень конструкта может быть не столь автоматическим, как это представляется ее авторам, а опосредованным объективным количеством информации и возможностями ее увеличения, которые, как мы отмечали выше, предоставляются самими свойствами речи [12; 5].

Также на данный момент не понятно, что конкретно будет происходить, если в одной и той же ситуации у разных психологических дистанций будут разные показатели [7]. То есть, например, мы можем думать о незнакомом нам человеке (далекая социальная дистанция) в событии, отстоящем на небольшой временной промежуток от настоящего времени (близкая временная дистанция). Теория КРУ пока не предлагает оснований для прогноза репрезентации и принимаемых решений в таких случаях.

Сами авторы теории КРУ отмечают, что требуется изучение индивидуальных различий в способности «путешествовать» по психологической дистанции (например, способность встать на место другого или способность предпочитать более далекие цели близким). Особенно интересным представляется изучение особенностей и, в целом, способности совместно «перемещаться» по психологической дистанции у нескольких членов группы [26].

В совокупности, изложенные в данном обзоре положения теории конструктов разного уровня и вопросы к ней на

современном этапе ее развития, с нашей точки зрения, говорят о перспективности включения данной теории в изучение широкого круга различных психоло-

гических явлений — от категоризации до вынесения суждений о социальных событиях, — и поиска лежащих в их основе общих закономерностей.

Благодарности

Авторы благодарят О.А. Гулевич и Т.Н. Котову за просмотр текста статьи и ценные замечания относительно терминов и высказанных в статье идей.

Финансирование

Публикация подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г. и при частичной финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 15-06-02233 А «Автоматическая активация действий с предметами: механизмы контроля и условия возникновения».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Котов А.А., Котова Т.Н.* Название объектов помогает дошкольникам запоминать новую информацию о категории // Вопросы психологии. 2016. Т. 3. С. 138—147.
2. *Котов А.А., Котова Т.Н.* Произношение имен объектов и категориальный эффект восприятия // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 3. № 10. С. 75—86.
3. *Bar-Anan Y., Liberman N., Trope Y., Algom D.* Automatic processing of psychological distance: Evidence from a stroop task // Journal of experimental Psychology: General. 2007. Vol. 136. Is. 4. P. 610—622.
4. *Bar-Anan Y., Liberman N., Trope Y.* The association between psychological distance and construal level: Evidence from an implicit association test // Journal of experimental Psychology: General. 2006. Vol. 135. Is. 4. P. 609—622.
5. *Casasanto D., Boroditsky L.* Time in the mind: Using space to think about time // Cognition. 2008. Vol. 106. P. 579—593. doi:10.1016/j.cognition.2007.03.004
6. *Eyal T., Sagristano M., Trope Y., Liberman N., Chaiken S.* When values matter: Expressing values in behavioral intentions for the near vs. distant future // Journal of Experimental Social Psychology. 2009. Vol. 45. Is. 1. P. 35—43.
7. *Fiedler K.* Construal level theory as an integrative framework for behavioral decision-making research and consumer psychology // Journal of Consumer Psychology. 2007. Vol. 17. Is. 2. P. 101—106. doi:10.1016/S1057-7408(07)70015-3
8. *Fiedler K., Jung J., Wänke M., Alexopoulos T.* On the Relations Between Distinct Aspects of Psychological Distance: An Ecological Basis of Construal-Level Theory // Journal of Experimental Social Psychology. 2012. Vol. 48. P. 1014—1021. doi:10.1016/j.jesp.2012.03.013
9. *Förster J., Friedman R.S., Liberman N.* Temporal Construal Effects on Abstract and Concrete Thinking: Consequences for Insight and Creative Cognition // Journal of Personality and Social Psychology. 2004. Vol. 87. Is. 2. P. 177—189.
10. *Fujita K., Henderson M., Eng J., Trope Y., Liberman N.* Spatial distance and mental construal of social events // Psychological Science. 2006. Vol. 17. P. 278—282. doi:10.1111/j.1467-9280.2006.01698.x
11. *Fujita K., Trope Y., Liberman N., Levin-Sagi M.* Construal levels and self-control // Journal of Personality and Social Psychology. 2006. Vol. 90. P. 351—367. doi:10.1037/0022-3514.90.3.351

12. *Hart W.* Unlocking past emotion: verb use affects mood and happiness // *Psychological Science*. 2013. Vol. 24. Is. 1. P. 19–26.
13. *Henderson M., Fujita K., Trope Y., Liberman N.* Transcending the «Here»: The Effect of Spatial Distance on Social Judgment // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. Vol. 91. Is. 5. P. 845–856.
14. *Jones E.E., Harris V.A.* The attribution of attitudes // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1967. Vol. 3. Is. 1. P. 1–24.
15. *Liberman N., Förster J.* Distancing from experienced self: How global-versus-local perception affects estimation of psychological distance // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. Vol. 97. P. 203–216. doi:10.1037/a0015671
16. *Liberman N., Förster J.* The Effect of Psychological Distance on Perceptual Level of Construal // *Cognitive science*. 2009. Vol. 33. Is. 7. P. 1330–1341.
17. *Liberman N., Sagristano M., Trope Y.* The effect of temporal distance on level of mental construal // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2002. Vol. 38. P. 523–534. doi:10.1016/S0022-1031(02)00535-8
18. *Liberman N., Trope Y.* The role of feasibility and desirability considerations in near and distant future decisions: A test of temporal construal theory // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998. Vol. 75. Is. 1. P. 5–18.
19. *Liberman N., Trope Y., Wakslak C.* Construal Level Theory and Consumer Behavior // *Journal of consumer psychology*. 2007. Vol. 17. Is. 2. P. 113–117.
20. *Liviatan, I., Trope, Y., Liberman, N.* Interpersonal similarity as a social distance dimension: Implications for perception of others' actions // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2008. Vol. 44. P. 1256–1269. doi:10.1016/j.jesp.2008.04.007
21. *McCrea S., Liberman N., Trope Y., Sherman S.* Construal level and procrastination // *Psychological Science*. 2008. Vol. 19. № 12. P. 1308–1314. doi:10.1111/j.1467-9280.2008.02240.x
22. *Newell B., McDonald R., Brewer M., Hayes B.* The psychology of environmental decisions // *Annual Review of Environment and Resources*. 2014. Vol. 39. P. 443–467. doi:10.1146/annurev-environ-010713-094623
23. *Nussbaum S., Trope Y., Liberman N.* Creeping dispositionism: The temporal dynamics of behavior prediction // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2003. Vol. 84. Is. 3. P. 485–497.
24. *Semin G., Smith E.* Revisiting the past and back to the future: Memory systems and the linguistic representation of social events // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. Vol. 76. Is. 6. P. 877–892.
25. *Stephan E., Liberman N., Trope Y.* Politeness and Psychological Distance: A Construal Level Perspective // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2010. Vol. 98. № 2. P. 268–280. doi:10.1037/a0016960
26. *Trope Y., Liberman N.* Construal-Level Theory of Psychological Distance // *Psychological Review*. 2010. Vol. 117. № 2. P. 440–463. doi:10.1037/a0018963
27. *Trope Y., Liberman N.* Temporal construal // *Psychological Review*. 2003. Vol. 110. P. 403–421. doi:10.1037/0033-295X.110.3.403
28. *Wakslak C.J., Trope Y., Liberman N., Aloni R.* Seeing the Forest When Entry is Unlikely: Probability and the Mental Representation of Events // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2006. Vol. 135. P. 641–653. doi:10.1037/0096-3445.135.4.641

Construal-Level Theory of Psychological Distance (by N. Liberman. Y. Trope)

I. V. KRIVOSHEINA*,
Moscow, Russia, krivosheina.irina@gmail.com

A. A. KOTOV**,
Moscow, Russia, akotov@hse.ru

H. Liberman's, and J. Trope's Construal-Level Theory of Psychological Distance is widely known in the English sources of social psychology. Wherein, it is used to explain various phenomena and cognitive memory research, perception and categorization. The review describes the basic tenets of the theory, concerning the relationship of psychological distance and the level of constructs. A brief description and basic key studies of different topics within the theory are included. The importance of the theory constructs at different levels of social cognition is stressed. Basic concepts of the theory are given to describe and explain various phenomena of social cognition. The key researches in the field of the theory are described to deal with such phenomena as the fundamental attribution error, the prediction of social events, behavioral intentions, self-control, goals and means of action. In conclusion, issues that remain unsolved at the present stage of development of the theory are discussed.

Keywords: *Construal-Level Theory, Psychological Distance, Categorization, Social Cognition.*

Financing

The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics in 2016, and partially supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), grant 15-06-02233 A, "Automatic activation of actions with objects: control mechanisms and conditions of occurrence".

REFERENCES

1. Kotov A.A., Kotova T.N. Nazvanie ob"ektov pomogaet doshkol'nikam zapominat' novuyu informatsiyu o kategorii [Naming of objects contributes to memorizing new in-

For citation:

Krivosheina I.V., Kotov A.A. Construal-Level Theory of Psychological Distance (by N. Liberman. Y. Trope). *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2016. Vol. 7, no. 4, pp. 5–18. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2016070401

* *Krivosheina Irina V.* – MSc Applied Social psychology, Department of Psychology, National Research University 'Higher School of Economics', Moscow, Russia, krivosheina.irina@gmail.com

** *Kotov Alexey A.* – PhD (Psychology), Senior Researcher, Laboratory for cognitive research, Department of Psychology, National Research University 'Higher School of Economics', Moscow, Russia, akotov@hse.ru

- formation about a category for preschoolers]. *Voprosy psikhologii [Psychology questions]*, 2016. Vol. 3, pp. 138–147.
2. Kotov A.A., Kotova T.N. Proiznoshenie imen ob"ektov i kategorial'nyi effekt vospriyatiya [Pronouncing names of objects and categorical effect of perception] *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of Higher School of Economics]*, 2013. Vol. 3, no. 10, pp. 75–86.
  3. Bar-Anan Y., Liberman N., Trope Y., Algom D. Automatic processing of psychological distance: Evidence from a stroop task. *Journal of experimental Psychology: General*, 2007. Vol. 136. Is. 4, pp. 610–622.
  4. Bar-Anan Y., Liberman N., Trope Y. The association between psychological distance and construal level: Evidence from an implicit association test. *Journal of experimental Psychology: Genera*, 2006. Vol. 135. Is. 4, pp. 609–622.
  5. Casasanto D., Boroditsky L. Time in the mind: Using space to think about time. *Cognition*, 2008. Vol. 106, pp. 579–593. doi:10.1016/j.cognition.2007.03.004
  6. Eyal T., Sagristano M., Trope Y., Liberman N., Chaiken S. When values matter: Expressing values in behavioral intentions for the near vs. distant future. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2009. Vol. 45. Is. 1, pp. 35–43.
  7. Fiedler K. Construal level theory as an integrative framework for behavioral decision-making research and consumer psychology. *Journal of Consumer Psychology*, 2007. Vol. 17. Is. 2, pp. 101–106. doi:10.1016/S1057-7408(07)70015-3
  8. Fiedler K., Jung J., Wänke M., Alexopoulos T. On the Relations Between Distinct Aspects of Psychological Distance: An Ecological Basis of Construal-Level Theory. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2012. Vol. 48, pp. 1014–1021. doi:10.1016/j.jesp.2012.03.013
  9. Förster J., Friedman R. S., Liberman N. Temporal Construal Effects on Abstract and Concrete Thinking: Consequences for Insight and Creative Cognition. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2004. Vol. 87. Is. 2, pp. 177–189.
  10. Fujita K., Henderson M., Eng J., Trope Y., Liberman, N. Spatial distance and mental construal of social events. *Psychological Science*, 2006. Vol. 17, pp. 278–282. doi:10.1111/j.1467-9280.2006.01698.x
  11. Fujita K., Trope Y., Liberman N., Levin-Sagi M. Construal levels and self-control. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. Vol. 90, pp. 351–367. doi:10.1037/0022-3514.90.3.351
  12. Hart W. Unlocking past emotion: verb use affects mood and happiness. *Psychological Science*, 2013. Vol. 24. Is. 1, pp. 19–26.
  13. Henderson M., Fujita K., Trope Y., Liberman N. Transcending the “Here”: The Effect of Spatial Distance on Social Judgment. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2006. Vol. 91. Is. 5, pp. 845–856.
  14. Jones E.E., Harris V.A. The attribution of attitudes. *Journal of Experimental Social Psychology*, 1967. Vol. 3. Is. 1, pp. 1–24.
  15. Liberman N., Förster J. Distancing from experienced self: How global-versus-local perception affects estimation of psychological distance. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2009. Vol. 97, pp. 203–216. doi:10.1037/a0015671
  16. Liberman N., Förster J. The Effect of Psychological Distance on Perceptual Level of Construal. *Cognitive science*, 2009. Vol. 33. Is. 7, pp. 1330–1341.

17. Liberman N., Sagristano M., Trope Y. The effect of temporal distance on level of mental construal. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2002. Vol. 38, pp. 523–534. doi:10.1016/S0022-1031(02)00535-8
18. Liberman N., Trope Y. The role of feasibility and desirability considerations in near and distant future decisions: A test of temporal construal theory. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1998. Vol. 75. Is. 1, pp. 5–18.
19. Liberman N., Trope Y., Wakslak C. Construal Level Theory and Consumer Behavior. *Journal of consumer psychology*, 2007. Vol. 17. Is. 2, pp. 113–117.
20. Liviatan, I., Trope, Y., Liberman, N. Interpersonal similarity as a social distance dimension: Implications for perception of others' actions. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2008. Vol. 44, pp. 1256–1269. doi:10.1016/j.jesp.2008.04.007
21. McCrea S., Liberman N., Trope Y., Sherman S. Construal level and procrastination. *Psychological Science*, 2008. Vol. 19, no. 12, pp. 1308–1314. doi:10.1111/j.1467-9280.2008.02240.x
22. Newell B., McDonald R., Brewer M., Hayes B. The psychology of environmental decisions. *Annual Review of Environment and Resources*, 2014. Vol. 39, pp. 443–467. doi:10.1146/annurev-environ-010713-094623
23. Nussbaum S., Trope Y., Liberman N. Creeping dispositionism: The temporal dynamics of behavior prediction. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2003. Vol. 84. Is. 3., pp. 485–497.
24. Semin G., Smith E. Revisiting the past and back to the future: Memory systems and the linguistic representation of social events. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. Vol. 76. Is. 6, pp. 877–892.
25. Stephan E., Liberman N., Trope Y. Politeness and Psychological Distance: A Construal Level Perspective. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2010. Vol. 98, no. 2, pp. 268–280. doi:10.1037/a0016960
26. Trope Y., Liberman N. Construal-Level Theory of Psychological Distance. *Psychological Review*. 2010. Vol. 117, no. 2, pp. 440–463. doi:10.1037/a0018963
27. Trope Y., Liberman N. Temporal construal. *Psychological Review*, 2003. Vol. 110, pp. 403–421. doi:10.1037/0033-295X.110.3.403
28. Wakslak C.J., Trope Y., Liberman N., Aloni R. Seeing the Forest When Entry is Unlikely: Probability and the Mental Representation of Events. *Journal of Experimental Psychology: General*. 2006. Vol. 135, pp. 641–653. doi:10.1037/0096-3445.135.4.641

Теоретико-эмпирические подходы к исследованию отношения к этнолукизму

В.А. ЛАБУНСКАЯ*,
Ростов-на-Дону, Россия, vlab@aanet.ru

В статье утверждается, что запрет со стороны общества на проявления этнолукизма как «обыденной» дискриминационной практики, направленной на представителей этно-культурных групп с определенным типом внешнего облика, приводит к актуализации маскируемых, скрываемых форм данного вида дискриминации. Это обуславливает актуальность перехода к изучению непрямых способов выражения этнолукизма. Ранее разработанная автором «этно-социально-психологическая эмпирическая модель изучения отношения к этнолукизму», оставаясь базовой, является недостаточной для объяснения феномена вариативного, избирательного «отношения к этнолукизму». Широкие вариации в уровнях принятия дискриминационного поведения Другого, значительный разброс показателей взаимосвязей между включенными в данную модель факторами как внутри изучаемых групп, так и между ними привели к разработке второй модели, получившей название «субъектная эмпирическая модель изучения отношения к этнолукизму». Создание такой эмпирической модели обусловлено объяснительными и прогностическими возможностями принципа субъектности, а также взаимосвязями уровня субъектности человека с его бытием, с различными способами и формами взаимодействия человека с другими людьми.

Ключевые слова: дискриминация, внешний облик, лукизм, этнолукизм, эмпирическая модель, отношение, принятие/непринятие, субъектные характеристики.

Введение

В последнее время в публикациях отмечается тот факт, что с запретом на различные дискриминационные прак-

тики не уходит с авансены такой вид дискриминации, как лукизм — преследование людей на основе особенностей их внешнего облика. Интерпретации данного феномена представлены в ряде работ

Для цитаты:

Лабунская В.А. Теоретико-эмпирические подходы к исследованию отношения к этнолукизму // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 4. С. 19–33. doi:10.17759/sps.2016070402

* Лабунская Вера Александровна — доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии и психологии личности, Южный федеральный университет (ФГАОУ ВПО ЮФУ), Ростов-на-Дону, Россия, vlab@aanet.ru

[2; 7; 8; 12]. Напротив, распространенность явления и интерес к его изучению приводят к появлению новых терминов «Beautyism», «Lookphobia» [21; 22], не говоря о дифференциации разновидностей лукизма: дискриминация людей на основе их роста, веса и примыкающий к ним такой вид дискриминации, как «цветная дискриминация», дискриминация на основе деформаций различных компонентов, частей внешнего облика, дискриминация на основе введения дресс-кода и т. д. Мы все чаще сталкиваемся с тем, что можно было бы назвать «повседневным лукизмом» — «Lookism everyday». Термин введен нами по аналогии с термином «Sexism everyday» [22]. Обозначив данное явление, мы считаем, что, как и «Sexism everyday», «Lookism everyday» становится рутинной дискриминационной практикой, которая наносит ущерб человеку, довлеет над его личностью. В связи с этим изучение лукизма должно включать не только факторы, механизмы его актуализации, выбора форм проявления, но и исследование его последствий, которые в интегрированном виде могут способствовать появлению «сломленного, отвергнутого субъекта».

О взаимосвязи лукизма и этнической дискриминации

Работы зарубежных авторов, рассматривающие проблему «внешний облик — дискриминация» [18; 19; 21; 23; 25], включают, как правило, вывод о том, что лукизм имеет культурно-исторические корни, что данная дискриминационная практика не поддается регуляции со стороны социальных институтов, что предвзятость, предрассудки, в основе которых лежит внешний облик, неискоре-

нимы, их формирование неизбежно, что лукизм — это «факт жизни людей». Наличие таких выводов не означает, что не предпринимаются попытки ограничить действие лукизма. Одна из них касается определения требований к внешнему облику человека, участвующему, например, в собеседовании при приеме на работу: внешность следует рассматривать вне возрастных, половых, этнических и расовых характеристик, при ее описании не должны присутствовать параметры физического состояния, стиль одежды, она не должна быть связана с установлением каких-либо стандартов, способов личной гигиены [21]. Однако даже такие ограничения лукизма не приводят к позитивным результатам. Иными словами, отсутствует надежная защита от дискриминации на основе внешнего облика. Несмотря на фатальность выводов относительно неизбежности лукизма, поднимаются, например, вопросы о соотношении влияния физических и социальных характеристик на принятие решений [20]. Указанное исследование пытается ответить на вопрос, какие стереотипы используются для дискриминации людей. В нем подчеркивается, что сложились стереотипы, связанные с расой, полом, возрастом, ростом и весом, на основе которых осуществляется прием на работу. Оценка ставится заявителю чаще всего на базе именно этих стереотипов, а не на основе его навыков, знаний и способности выполнять работу. Проверая ряд гипотез, С. Кэйтс (S. Cates) и Х. Дэна (H. Dana) пришли к выводу, что оформление внешнего облика в значительной степени влияет на решение о принятии на работу [20]. Этот вывод лежит в одном русле с результатами работ, в которых подчеркивается влияние внешнего облика на систему социальных, межличностных отношений человека, на оценку им

различных сторон жизнедеятельности, на состояния и переживания [9; 10; 26; 27].

В объяснения феномена влияния внешнего облика на бытие человека, на его повседневную жизнь включается значимость, ценность внешнего облика, трактуемая посредством приписывания внешнему облику ответственности за все то, что происходит в жизни человека, и рассматриваемая как вид «инвестиций» в благополучие/неблагополучие человека [26]. Что добавляет включение значимости и ценности внешнего облика, его инвестиционной силы в понимание распространенности лукизма? Ответом могут служить, с одной стороны, результаты исследований, указывающие на то, что с возрастанием значимости внешнего облика усиливается влияние оценки внешнего вида на уровень тревоги, беспокойства, депрессии, которые определяют направление переработки появляющейся информации, формирование схемы внешнего облика и т. д. [26]. В этом случае снижение роли лукизма происходит за счет изменения знака оценки своего и чужого внешнего облика. С другой стороны, повышенная сензитивность к внешнему облику обусловлена стремлением человека к избирательному, целостному восприятию партнера по взаимодействию, результаты которого отражают важнейшие задачи бытия личности [9; 10].

Новизна нашей трактовки лукизма заключается в объединении культурно-исторического взгляда на лукизм, который проявляется в различных социально-культурных контекстах взаимодействия, с социально-психологическими интерпретациями значимости, ценности внешнего облика, его «инвестиционной» силы, связей внешнего облика с иными видами дискриминации

(сексизм, эйджизм, расизм, этническая, социальная дискриминация), с общепсихологическим механизмом, выраженным в стремлении человека к избирательному, целостному восприятию себя и Другого. В отличие от многих дискриминационных практик, лукизм как практика различения, дифференциации групп и отдельных людей осуществляется на основе характеристик, которые не обладают институциональным статусом, являются иррациональными, но имеют прямое отношение к таким проявлениям дискриминации, как ограничение, лишение прав и т. д.

Ранее мы уже отмечали, что лукизм как вид дискриминации связан, а порой и неотделим от других видов дискриминации, поскольку пусковым механизмом и гендерной, и возрастной, и этнической дискриминации выступает внешний облик человека или группы людей [6; 7; 8]. Мы подчеркивали, что представления о том, к какому этнокультурному типу относится человек, формируются, в первую очередь, на основе его внешнего облика. Подтверждением этому выводу служат результаты работ, указывающие на историчность «визуальных инсценировок этничности», на включенность характеристик внешнего облика в процесс создания образа этнической группы, а вместе с этим и появления этнических уничижающих кличек, прозвищ, в основе формирования которых во многих случаях лежат определенные особенности внешнего облика. В социально-психологической модели восприятия Чужого выделяются знания о Чужом, включающие непосредственно воспринимаемые особенности других людей (цвет волос, глаз, кожи, фигура, одежда) [16]. О том, что характеристики внешнего облика входят в структуру представлений «свой»–

«чужой», «друг»–«враг», косвенно свидетельствуют результаты исследования В.Д. Альперович [4], в котором показано, что образы «своих» и «чужих», врага и друга могут быть репрезентированы в позитивных и негативных зооморфных метафорах. В целом, по мнению О.И. Леонтович, внешний облик создает эффект наглядности, позволяет подразделить социальные и этнические группы на «видимые» и «невидимые» [11].

О взаимосвязи лукизма и этнической дискриминации говорят также распространённые в политической и повседневной коммуникации обозначения этнокультурных групп с помощью таких словосочетаний, как «лица кавказской национальности», «лица славянской внешности» [17]. Авторы пишут о том, что в последние годы различные общественные круги демонстрируют такой вид «коккетства», как «коккетливый, шуточный расизм», за которым стоит «новая волна расизма» [15]. Употребляемые словосочетания в обозначении этнокультурных групп не фиксируют принадлежность человека к определенной этнической группе, не указывают на антропологические особенности внешнего облика, а актуализируют стереотипы и предрассудки, которые выступают в роли когнитивно-эмоциональных компонентов дискриминационного поведения [6]. Эти стереотипы обуславливают субординацию людей по совокупности характеристик внешнего облика. Они являются вписанными в различные ситуации человеческого бытия феноменами, диктующими меру дискриминационного поведения и отношения к нему. Д.В. Погонцева, рассмотрев ряд зарубежных исследований, делает вывод о том, что расширяются сферы проявления этнолукизма в связи с увеличением численности

мигрантов из африканских и арабских стран на территории Европы [13]. Актуализация этнолукизма зависит от количества иммигрантов, отличающихся типом внешнего облика от жителей определенных регионов [24].

Все это указывает на необходимость изучения этнической, гендерной дискриминации и лукизма как совмещенных социокультурных, социально-психологических феноменов, среди которых мы выделяем этнолукизм, наделяя его основными характеристиками лукизма. Итак, этнолукизм — это «повседневная» дискриминационная практика, которая принадлежит к трудноискоренимым социокультурным реалиям, это дискриминация этнических групп на основе типа их внешнего облика, сконструированного в процессе обыденного межэтнического взаимодействия. Данные конструкты представлены, в частности, в интегрированных, обобщенных обозначениях этнокультурных групп, в таких словосочетаниях, как «лица кавказской национальности», «лица славянской внешности» и т. д.

Эмпирические модели исследования отношения к этнолукизму

Фиксируя феномен перехода от классических форм дискриминации к символическим, к «маскируемым», к косвенным, скрытым формам дискриминации, к бытовой в отличие от институциональной, к «множественной» дискриминации, к которым относится этнолукизм [6; 7; 8], обратим внимание на воспринимаемую дискриминацию. Этот феномен можно рассмотреть в нескольких плоскостях: 1) восприятие и оценка дискриминационных действий

«мишенями дискриминации»; 2) восприятие и оценка дискриминационных действий субъектом дискриминационного поведения; 3) восприятие и оценка наблюдаемого дискриминационного поведения, осуществляемого Другим. В нашей работе акцент сделан на третий аспект исследования этнолукизма — восприятие и отношение к этнолукизму как дискриминационному поведению Другого, направленному на представителей этнокультурных групп, отличающихся типом внешнего облика.

Первая эмпирическая модель — «этно-социально-психологическая эмпирическая модель изучения отношения к этнолукизму» — была разработана нами совместно с А.А. Бзезян [3]. Новизна подхода к построению данной эмпирической модели изучения этнолукизма заключается в следующем.

1. В центре разрабатываемой модели находится *отношение к этнолукизму*.

2. Мы обращаемся [6; 7; 8,] к обозначениям этнокультурных групп, указывающим на тип внешнего облика («Славянский тип внешнего облика», «Кавказский тип внешнего облика», «Азиатский тип внешнего облика» и т. д.), которые имеют косвенную связь с антропологическими классификациями, с описаниями физических и соматических особенностей, поскольку не включают четких этноразличительных признаков. Они сконструированы в процессе обыденного межэтнического, межкультурного взаимодействия, фиксируются и транслируются различными средствами массовой информации, а затем возвращаются в этническую, политическую и повседневную коммуникацию, способствуя актуализации этнолукизма.

3. За обозначениями этнокультурных групп, центрированных на внешнем обли-

ке, стоят разновидности этнических стереотипов и связанных с ними отношений, форм и способов взаимодействия с представителями этнических групп, тип внешнего облика которых соответствует обычным обозначениям. Таким образом, отношение к этнолукизму рассматривалось нами с позиций системно-структурного подхода, который на эмпирическом уровне был представлен равноуровневыми взаимосвязями между когнитивным («Appearance» стереотипы), эмоционально-ценностным и поведенческим компонентами отношения [3; 5; 6; 7; 8].

4. В классическом варианте любое отношение, в том числе и отношение к дискриминационному поведению Другого, имеет определенный знак и качество, которые выражаются в принятии или не принятии дискриминационного поведения Другого, рассматриваемого нами как вид готовности к осуществлению дискриминационных действий. Непринятие дискриминационного поведения Другого — это неодобрение его, несогласие с ним. Иными словами, интолерантное отношение к дискриминационному поведению Другого является проявлением позитивного отношения к тем, на кого направлены дискриминационные действия. В этой связи в создаваемой «этно-социально-психологической эмпирической модели изучения отношения к этнолукизму» в качестве коррелятов отношения к дискриминационному поведению Другого рассматривается уровень личностного принятия дискриминационного поведения, измеряемый на основе шкалы «согласие–несогласие» с дискриминационными действиями, направленными на представителей этнических групп в различных ситуациях взаимодействия [7; 8].

5. «Этно-социально-психологическая эмпирическая модель изучения отноше-

ния к этнолукизму» включает также взаимосвязанные характеристики ситуаций дискриминационного поведения: вид ситуации дискриминации («Оказание услуги», «Совместное проживание», «Прогулка по городу», особенности субъекта (этнические, социально-демографические, психологические) и объекта дискриминации — человека, на которого направлены дискриминационные действия и который принадлежит к определенной гендерной группе, имеет тип внешнего облика, ассоциированный с этнокультурными группами.

В рамках «этно-социально-психологической эмпирической модели изучения отношения к этнолукизму» разрабатывается комплекс методов, с помощью которых получены данные, указывающие на то, что отношение к дискриминационному поведению Другого (принятие/непринятие) зависит от сочетания трех групп факторов: 1) этнической принадлежности, типа этнической идентичности, эмоционально-оценочного отношения к этническим группам, «Appearance»-стереотипов субъекта принятия дискриминационного поведения Другого; 2) этнической принадлежности объекта дискриминации, обозначенной посредством типа внешнего облика (славянский, кавказский, азиатский типы внешнего облика), и его гендера; 3) вида обыденных ситуаций взаимодействия («Оказание услуги», «Совместное проживание», «Прогулка по городу») [2; 3; 6; 8]. В частности, в совместном исследовании с А.А. Беззян [3; 7] нами были получены данные, указывающие на то, что уровень принятия дискриминационного поведения Другого в различных ситуациях взаимодействия обусловлен сочетанием степени позитивности эмоционально-оценочного компонента отношения к эт-

ническим группам с мерой позитивности «Appearance»-стереотипов. Особенно отчетливо данная закономерность проявилась во взаимосвязях между эмоционально-оценочным компонентом отношения к этническим группам, «Appearance»-стереотипами мужчин и женщин, принадлежащих по типу внешнего облика к этим этническим группам, и уровнем принятия дискриминационного поведения Другого, направленного на представителей этих же этнических групп.

Вместе с этим большой объем данных, имеющихся в нашем распоряжении, полученных в процессе применения «этно-социально-психологической эмпирической модели изучения отношения к этнолукизму», указывает на широкие вариации в уровнях принятия дискриминационного поведения Другого, на значительный разброс показателей как внутри изучаемых групп, так и между ними. Кроме этого, они указывают на значимые, но не сильные взаимосвязи между теми факторами, которые включены в эмпирическую модель. Именно эти данные послужили толчком к разработке *второй модели*, получившей название **«субъектная эмпирическая модель изучения отношения к этнолукизму»**.

Первая модель — «этно-социально-психологическая эмпирическая модель изучения отношения к этнолукизму» остается базовой, но недостаточной для объяснения феномена вариативного, избирательного «отношения к этнолукизму». В отличие от этой модели, в которой в качестве предикторов отношения к этнолукизму рассматриваются традиционные факторы, представленные в этнической психологии (этническая идентичность, этнические стереотипы — «Appearance» стереотипы, отношение к этническим группам субъекта принятия/

непринятия этнолукизма, гендерная и этнокультурная принадлежность объекта дискриминации), во второй эмпирической модели усилен фактор субъектности. Разработка такой эмпирической модели обусловлена, прежде всего, объяснительными и прогностическими возможностями принципа субъектности, рассматриваемого в большом количестве современных исследований, а также взаимосвязями уровня субъектности человека с его бытием, раскрывающемся в числе прочего в различных способах и формах взаимодействия.

Следуя субъектному подходу, в данной эмпирической модели в качестве предикторов отношения к этнолукизму мы рассматриваем:

1. Систему отношений, сформировавшуюся у субъекта принятия/непринятия дискриминационного поведения Другого, которая обуславливает преобразовательную активность субъекта в сфере взаимодействия и позволяет отнести его к определенному типу субъектов общения.

2. Переживание социокультурного давления, обусловленного лукизмом. Переживания, вызванные столкновением социокультурных представлений о внешнем облике, которое порождает особый вид беспокойности внешним обликом (*Appearance concerns*) у представителей различных этнокультурных групп, отличающихся типом внешнего облика.

3. Сензитивность различных категорий людей к «отклонениям» в своем и чужом внешнем облике.

4. Индивидуальную манеру видения другого человека, сопряженную со значимостью определенных элементов в своем и чужом внешнем облике, в целом, — со значимостью Другого как субъекта восприятия и оценки внешнего облика.

5. Мету беспокойности и удовлетворенности своим внешним обликом и их связь с оценкой удовлетворенности жизнью и субъективного благополучия.

Перечень субъектных характеристик не ограничивается выше перечисленными, но именно данная совокупность субъектных характеристик определяет отношение к внешнему облику, следовательно, может оказывать влияние на принятие/непринятие дискриминационного поведения Другого, направленного на представителей этнокультурных групп с определенным типом внешнего облика. Об этом свидетельствует ряд исследований [4; 9; 10; 14]. В частности, в совместной с Ю.К. Пучковой [14] нашей работе проверялась гипотеза о различном влиянии выраженности видов социально-психологических трудностей общения у субъектов отношения к этнолукизму на уровень принятия ими дискриминационного поведения Другого, направленного на представителей этно-культурных групп, отличающихся типом внешнего облика, в различных ситуациях взаимодействия. С целью определения влияния выраженности различных видов социально-психологических трудностей общения на уровень принятия дискриминационного поведения Другого применялся метод ANOVA. Были получены данные, которые свидетельствуют о том, что интенсивность влияния социально-психологических трудностей общения на уровень принятия дискриминационного поведения Другого определяется, с одной стороны, тем, к какому виду относятся трудности общения, как глубоко они переживаются, а, с другой стороны, — тем, какой тип внешнего облика имеет объект дискриминации, к какой гендерной группе он принадлежит и к какой гендерной группе относится субъект принятия дис-

криминационного поведения Другого. Так, у мужчин — участников исследования увеличение выраженности социально-психологических трудностей общения приводит к повышению готовности к принятию дискриминационного поведения Другого, направленного на представителей этнических групп, отличающихся типом внешнего облика и гендера. У женщин — участниц исследования выраженность социально-психологических трудностей общения не оказывает существенного влияния на уровень принятия дискриминационного поведения Другого, но на отношение к этнолукизму влияет степень ценности для женщин внешнего облика и определение его «инвестиционной силы» в различные сферы жизнедеятельности. Приведенный фрагмент выполненного исследования указывает на то, что в обыденной жизни готовность к этнолукизму может изменяться в соответствии с опытом общения, переживания трудностей общения субъекта отношения к этнолукизму, в связи с тем, насколько значим для него внешний облик. В другой работе, выполненной нами совместно с Д.С. Кальмбаха [4], были обнаружены взаимосвязи между выраженностью компонентов враждебного отношения к другим людям и уровнем принятия дискриминационного поведения — этнолукизма. Готовность к этнолукизму повышалась вместе с увеличением выраженности цинизма и агрессивности.

«Субъектная эмпирическая модель изучения отношения к этнолукизму», дополняя «этно-социально-психологическую эмпирическую модель изучения отношения к этнолукизму», отражает новый взгляд на проблему отношения к этнолукизму как проблему психологии бытия человека, включенного в определенные социо-культурные контексты,

интегрирующего опыт переживания взаимосвязей между людьми.

Заключение

Таким образом, этнолукизм относится к культурно-историческим и этно-социально-психологическим феноменам. В основе неискоренимости этого вида дискриминационной практики лежит значимость, ценность внешнего облика, его связь с иными видами дискриминации (сексизм, эйджизм, расизм), выполнение им идентификационных и регулирующих функций в межличностном и межгрупповом общении на основе характеристик, которые не имеют институционального статуса, являются в определенном смысле иррациональными. Совокупность этноразличительных характеристик внешнего облика, указывающая на тип внешнего облика, имеет косвенную связь с антропологическими классификациями, с описаниями физических и соматических особенностей. Она фиксируется в обобщенных обыденных обозначениях типа внешнего облика, например, «лица кавказской национальности».

Запрет со стороны общества на проявления этнолукизма приводит к актуализации маскируемых, скрываемых форм данного вида дискриминационной практики, следовательно, обуславливает необходимость перехода к изучению непрямых способов выражения этнолукизма. В нашей работе данный способ представлен посредством исследования отношения к этнолукизму, демонстрируемого другим человеком в различных ситуациях взаимодействия. Отношение к этнолукизму как принятие/непринятие дискриминационного

поведения Другого, направленного на представителей этно-культурных групп с различным типом внешнего облика, указывает на меру готовности к осуществлению дискриминационных действий.

Теоретическая трактовка этнолукизма и отношения к нему в сочетании с базовыми факторами актуализации этнолукизма и изменения отношения к нему легли в основу разработки двух взаимодополняющих эмпирических моделей изучения этнолукизма: «этно-социально-психологической эмпирической модели изучения отношения к этнолукизму» и «субъектной модели изучения отношения к этнолукизму».

С практической точки зрения, каждая из этих эмпирических моделей изучения отношения к этнолукизму позволяет объяснять различия в уровнях принятия дискриминационного поведения в межгрупповом и внутригрупповом взаимодействии, намечает направления работы, снижающей уровень принятия дискриминационного поведения Другого. В рамках «этно-социально-психологической эмпирической модели изучения отношения к этнолукизму» практическая деятельность должна быть направлена в

сторону коррекции эмоционально-оценочного отношения к этническим группам, повышения степени позитивности «Appearance» стереотипов, осмысления типа этнической идентичности. В контексте «субъектной эмпирической модели изучения отношения к этнолукизму» вырисовывается направление практической работы, связанное с изменением значимости внешнего облика, сензитивности к отклонениям от традиционного для конкретного сообщества типа внешнего облика.

В целом, не отрицая повседневность этнолукизма, его встроенность в социокультурный контекст, не сомневаясь в том, что этнолукизм — это дискриминационная практика, возникающая в результате взаимодействия исторических, политических, социальных, психологических контекстов общественного развития, разделяя точку зрения на данный вид дискриминационной практики как трудно поддающейся регуляции со стороны социально-политических институтов, мы полагаем, что управление этим явлением возможно в результате социально-психологического развития субъектных свойств человека.

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №16-36-00049 «Социально-психологическая теоретико-эмпирическая модель исследования отношения к этнолукизму — практики дискриминации на основе обыденных обозначений типов внешнего облика»).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Альперович В.Д.* Образы «своих» и «чужих» людей, врага и друга в метафорах и представлениях личности // *Успехи современной науки и образования.* 2016. Т. 4. № 7. С. 96—102.
2. *Беззян А.А.* Лукизм и этническая дискриминация // *Северо-Кавказский психологический вестник.* 2012. № 10/3. С. 21—23.
3. *Беззян А.А.* Социально-психологические особенности отношения к дискриминации представителей этнических групп с различным типом внешнего облика: автореф. дисс. ... канд. наук. Р-н/Д. 2015. 23 с.

4. *Кальмбах Д.С.* Выраженность враждебности и ее влияние на отношение к этническим группам // Психология общения и доверия: теория и практика: Сборник материалов Международной конференции (УРАО, ПИ РАО, МГУ — 6–7 ноября 2014 г.). М.: Университет РАО. 2014. С. 29–30.
5. *Лабунская В.А.* Методология исследования взаимосвязей отношений, образов, форм обращений в контексте межэтнического общения // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: Сборник материалов юбилейной конференции. М.: Когито-Центр. 2015. Т. 3. С. 264–267.
6. *Лабунская В.А., Бзезян А.А.* Особенности «Appearance» стереотипов этно-культурных групп с различными типами внешнего облика // Успехи современной науки и образования. Международный научно-исследовательский журнал. 2016. Т. 2. № 9. С. 77–84.
7. *Лабунская В.А., Бзезян А.А.* Особенности дискриминационного отношения к представителям этнокультурных групп: гендерно-ситуационный анализ / Гендерные реалии 21 века: сб. научных статей / Под ред. Л.А. Савченко. Р-н/Д: ЮФУ. 2014. С. 130–134.
8. *Лабунская В.А.* От психологии внешнего облика А.А. Бодалева к построению эмпирических моделей изучения отношения к этнолукизму в обыденном общении // Лицо человека в пространстве общения. Гл. 5 / Под ред. В.А. Барабанщикова. М.: Московский институт психоанализа; Когито-Центр. 2016. С. 73–97.
9. *Лабунская В.А., Капитанова Е.В.* Самооценка и оценка внешнего облика членов студенческой группы как предикторы отношений межличностной значимости // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 1. С. 72–87. doi:10.17759/sps.2016070106
10. *Лабунская В.А., Капитанова Е.В.* Обеспокоенность и удовлетворенность студентов своим внешним обликом как предикторы самооценок его компонентов и характеристик // Российский психологический журнал. 2016. Т. 13. № 1. С. 167–183.
11. *Леонтович О.А.* Понятие о национальной идентичности. Физиологическая идентичность // Введение в межкультурную коммуникацию / О.А. Леонтович. М.: Гнозис. 2007 Г.л. 8. С. 145–157.
12. *Погонцева Д.В.* Виды дискриминации по внешнему облику [Электронный ресурс] // Психология и психотехника. 2013. № 9. С. 858–861. URL: http://www.nbpublish.com/ptmag/mag_contents_9_2013_25833.html. (дата обращения 24.08.2016).
13. *Погонцева Д.В.* Формы проявления этнолукизма (на примере современных зарубежных исследований) // Личность и бытие: человек как субъект социокультурной реальности: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / Под ред. З.И. Рябикиной и В.В. Знакова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т., 2016. С.112–114.
14. *Пучкова Ю.К.* Влияние оценок характеристик общения как затрудняющих его на уровень принятия дискриминационного поведения Другого // Материалы XLIV научной конференции преподавателей, аспирантов и студентов Академии психологии и педагогики ЮФУ (18–19 апреля 2016) / Под общ. ред. И.В. Абакумовой, П.Н. Ермакова, Ю.В. Обуховой. М.: КРЕДО, 2016. С. 452–455.
15. Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели...: сб. статей / Сост. и отв. ред. Е. Деминцева. М.: Новое литературное обозрение. 2013. 384 с.

16. Шефер Б., Скарабис М., Шледер Б. Социально-психологическая модель восприятия чужого: идентичность, знание, амбивалентность // Психология. 2004. № 1. С. 24–51.
17. Ярская В.Н. Язык мой – враг мой: расистский дискурс в российском обществе // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 46–53.
18. Adamitis E.M. Appearance matters: A proposal to limit appearance discrimination in employment // Washington. Law Review. 2000. № 75 (January). P. 195–223.
19. Bello J.D. Attractiveness as hiring criteria: Savvy business practice or racial discrimination? // Journal of Gender, Race & Justice. 2004. 483. P.504–505.
20. Cates S., Dana H. Discrimination in a Covert Methodology: An Analysis of Physical and Social Characteristics That Prohibit People from Becoming Employed // iBusiness. 2012. Vol. 4. №. 2. P. 178–184. doi:10.4236/ib.2012.42022.
21. Cavico F.J., Stephen C.M, Bahaudin G., Mujtab G. Appearance Discrimination, «Lookism» And «Lookphobia» In The Workplace [Электронный ресурс] // Journal Of Applied Business Research. 2012. Vol. 28. № 5. DOI: <http://dx.doi.org/10.19030/jabr.v28i5.7223>
22. Jawahar I.M., Mattsson J. Sexism and beautyism effects in selection as a function of self monitoring level of decision maker // Journal of Applied Psychology. 2005. № 90. P. 563–573.
23. Johnson S.K., Podratz K.E., Dipboye R.L., Gibbons E. Physical attractiveness biases in ratings of employment suitability: tracking down the «beauty is beastly» effect // Journal of Social Psychology. 2010. 150(3). P. 301–318. doi: 10.1080/00224540903365414
24. Kosic A., Phalet K. Ethnic categorization of immigrants: the role of prejudice, perceived acculturation strategies and group size // International Journal of Intercultural Relations: Special Issue: Attitudes towards Immigrants and Immigration. 2006. Vol. 30. № 6. P.7 69–782.
25. Malos S. Appearance-based Sex Discrimination and Stereotyping in the Workplace: Whose Conduct Should We Regulate? // Employ Response Rights J. 2007. Vol. 19. Is. 2, pp. 95–111. doi: 10.1007/s10672-007-9037-z
26. Moss T.P., Lawson V., White P. Salience and Valence of Appearance in a Population with a Visible Difference of Appearance: Direct and Moderated Relationships with Self-Consciousness, Anxiety and Depression // PLoS-Public Library of Science ONE. 2014. № 9(2). doi: 10.1371/journal.pone.0088435
27. Tartaglia S., Rollero Ch. The Effects of Attractiveness and Status on Personality Evaluation // Europe's Journal of Psychology. 2015. 11(4). P. 677–690. doi: 10.5964/ejop.v11i4.896

Theoretical and empirical approaches to the study of attitude to the discrimination of the ethno lookism

V.A. LABUNSKAYA*,
Rostov-on-Don, Russia, vlab@aaanet.ru

The article argues that the prohibition on the part of society displays ethno lookism as "ordinary" discriminatory practices aimed at representatives of ethno-cultural groups with a certain type of appearance, it leads to the actualization of masked, hidden forms of this type of discrimination. This determines the transition to the study of the relevance of non-straight ethno lookism ways of expression. Previously developed by the author, "ethno-socio-psychological model of an empirical study of the relationship to ethno lookism" remaining base is insufficient to explain the phenomenon of variable, selective "attitude to the ethno lookism". The wide variation in levels of adopting discriminatory behavior of another, significant variations in the relationship between the model included factors within the studied groups, and between them have led to the development of the second model, called "subjective empirical model to study the relationship ethno lookism". The creation of such an empirical model is due to explanatory and predictive capabilities of the principle of subjectivity, as well as the level of subjectivity relationships with its human being, with a variety of ways and forms of human interaction with other people.

Keywords: *discrimination, external appearance, Lookism, ethno lookism, empirical model, attitude, acceptance/non-acceptance, subject characteristics.*

Financing

The research was conducted with the financial support from Russian Foundation for Humanities (Project no. 16-36-00049 "Sociopsychological theoretical-empirical model of a study on the attitudes towards ethno lookism, i.e. discrimination which is based on everyday terms denoting the types of appearance").

REFERENCES

1. Al'perovich V.D. Obrazy "svoih" i "chuzhih" ljudej, vruga i druga v metaforah i predstavlenijah lichnosti [Images of "their" and "foreign" people, enemy and friend in metaphors and representations of identity]. *Uspехи sovremennoj nauki i obrazovanija [Achievements of modern science and education]*, 2016. Vol. 4. no. 7, pp. 96–102. (In Russ., abstr. in Engl.).

For citation:

Labunskaya V.A. Theoretical and empirical approaches to the study of attitude to the discrimination of the ethno lookism. *Sotsial'naja psikhologija i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2016. Vol. 7, no. 4, pp. 19–33. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2016070402

* *Labunskaya Vera A.* – Doctor in Psychology, professor, Department of Social Psychology, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, vlab@aaanet.ru

2. Bzejzan A.A. Lukizm i jetnicheskaja diskriminacija [Lukizm and ethnic discrimination]. *Severo-Kavkazskij psihologicheskij vestnik* [North Caucasian psychological Messenger], 2012, no. 10/3, pp. 21–23. (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Bzejzan A.A. Social'no-psihologicheskie osobennosti otnoshenija k diskriminacii predstavitelej jetnicheskikh grupp s razlichnym tipom vneshnego oblika. Avtopof. diss. kand. psihol. nauk. [The socio-psychological characteristics of attitudes towards discrimination against members of ethnic groups with a different type of external appearance. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Rostov-on-Don. 2015. 23 p. (In Russ.).
4. Kal'mbah D.S. Vyrazhennost' vrazhdebnosti i ee vlijanie na otnoshenie k jetnicheskim gruppam [The intensity of hostility and its influence on attitudes towards ethnic groups]. *Psihologija obshhenija i doverija: teorija i praktika: Sbornik materialov Mezhdunarodnoj konferencii (URAO, PI RAO, MGU- 6–7 nojabrja 2014.)* [*Psychology of communication and credibility: theory and practice: proceedings of the International Conference*]. Moscow: University Of RAO. 2014, pp. 29–30. (In Russ.).
5. Labunskaya V.A. Metodologija issledovanija vzaimosvjazej otnoshenij, obrazov, form obrashhenij v kontekste mezhjetnicheskogo obshhenija [Methodology of research relationships relationships, images, forms, references in the context of interethnic communication]. *Ot istokov k sovremennosti: 130 let organizacii psihologicheskogo obshhestva pri Moskovskom universitete: Sbornik materialov jubilejnoj konferencii.* [From the beginnings to the present: 130 years of psychological society at Moscow University: collection of materials of the Jubilee Conference]. Moscow: Cogito-Center, 2015. Vol. 3, pp. 264–267. (In Russ., abstr. in Engl.).
6. Labunskaja V.A., Bzejzan A.A. Osobennosti "Appearance" stereotipov jetnokul'turnyh grupp s razlichnymi tipami vneshnego oblika [Features "Appearance" stereotyping ethno-cultural groups with different types of appearance]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal uspehi sovremennoj nauki i obrazovanija* [International Journal of advances of modern science and education], 2016. Vol. 2, no. 9, pp. 77–84. (In Russ., abstr. in Engl.).
7. Labunskaja V.A., Bzejzan A.A. Osobennosti diskriminacionnogo otnoshenija k predstaviteljam jetnokul'turnyh grupp: genderno-situacionnyj analiz [Features in discriminatory attitudes towards members of ethno-cultural groups: a situational analysis of gender]. In L.A. Savchenko (ed.). *Gendernye realii 21 veka: sbornik nauchnyh statej* [Gender realities of 21 century: collected scientific articles]. Rostov-on-Don: JuFU. 2014, pp. 130–134. (In Russ.)
8. Labunskaja V.A. Ot psihologii vneshnego oblika A.A. Bodaleva k postroeniju jempiricheskikh modelej izuchenija otnoshenija k jetnolukizmu v obydenom obshhenii [From the psychology of appearance to build empirical models explore the relationship to jetnolukizmu in everyday communication]. In V.A. Barabanschikov (ed.). *Lico cheloveka v prostranstve obshhenija.* [Person in space communication] Moscow: Moscow Institute of psychoanalysis – Cogito Center. 2016. Ch. 5, pp. 73–97. (In Russ.).
9. Labunskaya V.A., Kapitanova E.V. Samoocenka i ocenka vneshnego oblika chlenov studencheskoj gruppy kak prediktory otnoshenij mezhlichnostnoj znachimosti [Self-assessment and evaluation of the appearance of the members of the student group as predictors of relationship interpersonal significance]. *Social'naja psihologija i obshhestvo* [Social

- psychology and society*]. 2016. Vol. 7, no. 1, pp. 72–87. doi:10.17759/sps.2016070106 (In Russ., abstr. in Engl.).
10. Labunskaya V.A., Kapitanova E.V. Obespekoiennost' i udovletvorennost' studentov svoim vneshnim oblikom kak prediktory samoocenok ego komponentov i harakteristik [Concerns and satisfaction of students to its appearance as predictors of self-evaluations of its components and characteristics]. *Rossiiskij psihologicheskij zhurnal [Russian psychological journal]*. 2016. Vol. 13, no. 1, pp. 167–183. (In Russ., abstr. in Engl.).
11. Leontovich O.A. Ponjatie o nacional'noj identichnosti. Fiziologicheskaja identichnost' [The concept of national identity. Physiological identity]. Leontovich O.A. *Vvedenie v mezhekul'turnuju kommunikaciju [Introduction to intercultural communication]*. Moscow: Gnozis, 2007. Ch. 8, pp. 145–157. (In Russ.).
12. Pogonceva D.V. Vidy diskriminacii po vneshnemu obliku [Kinds of discrimination on appearance] [Electronic resource]. *Psihologija i psihotekhnika [Psychology and psychological technique]*, 2013, no. 9, pp. 858–861. URL: http://www.nbpublish.com/ptmag/mag_contents_9_2013_25833.html (Accessed 24. 08. 2016). (In Russ., abstr. in Engl.).
13. Pogonceva D.V. Formy projavlenija jetnolukizma (na primere sovremennyh zarubezhnyh issledovanij) [Forms of jetnolukizma (on the example of modern foreign studies)]. *Lichnost' i bytie: chelovek kak sub#ekt sociokul'turnoj real'nosti: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. Krasnodar: Kubanskij gos. un-t. [Personality and Genesis: a man as a subject of socio-cultural reality: All materials. researcher, Scient. conf.] Krasnodar: Kuban State. UN-t.* 2016, pp. 112–114. (In Russ.).
14. Puchkova Ju.K. Vlijanie ocenok harakteristik obshhenija kak zatrudnjajushhih ego na uroven' prinjatija diskriminacionnogo povedenija Drugogo [Impact assessments the characteristics of communication as impeding it at the level of adoption of discriminatory conduct Another]. In I.V. Abakumovoi, P.N. Ermakova, Yu.V. Obuhovoi (ed.). *Materialy XLIV nauchnoi konferencii prepodavatelei, aspirantov i studentov Akademii psihologii i pedagogiki YuFU (18-19 aprelya 2016) [Proceedings XLIV Scientific Conference of teachers and students of psychology and pedagogy SFU Academy]*. Moscow: KREDO, 2016, pp. 452–455.
15. Rasizm, ksenofobija, diskriminacija. Kakimi my ih uvidel...: sb. statej [Racism, xenophobia, discrimination. What we saw...: sat. articles]. In E. Deminceva (ed.). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie 2013. 384 p. (In Russ.).
16. Shefer B., Skarabis M., Shleder B. Social'no-psihologicheskaja model' vosprijatija chuzhogo: identichnost', znanie, ambivalentnost' [Socio-psychological model of perception of someone else: identity, knowledge, ambivalence] *Psihologija [Psychology]*, 2004, no. 1, pp. 24–51. (In Russ., abstr. in Engl.).
17. Jarskaja V.N. Jazyk moj – vrag moj: rasistskij diskurs v rossijskom obshhestve [My tongue is my enemy: racist discourse in Russian society]. *Sociologicheskie issledovanija [Sociological researches]*, 2012, no. 6. pp. 46–53. (In Russ., abstr. in Engl.).
18. Adamitis E.M. Appearance matters: A proposal to limit appearance discrimination in employment. *Washington Law Review*, 2000, no. 75(January). pp. 195–223.
19. Bello J. D. Attractiveness as hiring criteria: Savvy business practice or racial discrimination? *Journal of Gender, Race & Justice*, 2004, 483, pp. 504–505.

20. Cates S., Dana H. Discrimination in a Covert Methodology: An Analysis of Physical and Social Characteristics That Prohibit People from Becoming Employed. *iBusiness*, 2012. Vol. 4, no. 2, pp. 178–184. doi:10.4236/ib.2012.42022.
21. Cavico F.J., Stephen C.M., Bahaudin G., Mujtab G. Appearance Discrimination, “Lookism” And “Lookphobia” In The Workplace. *Journal Of Applied Business Research*, 2012. Vol. 28, no. 5. DOI: <http://dx.doi.org/10.19030/jabr.v28i5.7223>
22. Jawahar I.M., Mattsson J. Sexism and beautyism effects in selection as a function of self monitoring level of decision maker. *Journal of Applied Psychology*, 2005, no. 90, pp. 563–573.
23. Johnson S.K., Podratz K.E., Dipboye R.L., Gibbons E. Physical attractiveness biases in ratings of employment suitability: tracking down the “beauty is beastly” effect. *Journal of Social Psychology*, 2010, 150(3), pp. 301–318. doi: 10.1080/00224540903365414
24. Kotic A., Phalet K. Ethnic categorization of immigrants: the role of prejudice, perceived acculturation strategies and group size. *International Journal of Intercultural Relations: Special Issue: Attitudes towards Immigrants and Immigration*, 2006. Vol. 30, no. 6, pp. 769–782.
25. Malos S. Appearance-based Sex Discrimination and Stereotyping in the Workplace: Whose Conduct Should We Regulate? *Employ Response Rights J*, 2007. Vol. 19. Is. 2, pp. 95–111. DOI 10.1007/s10672-007-9037-z.
26. Moss T.P, Lawson V., White P. Salience and Valence of Appearance in a Population with a Visible Difference of Appearance: Direct and Moderated Relationships with Self-Consciousness, Anxiety and Depression. *PLoS-Public Library of Science ONE*, 2014, no. 9(2). doi:10.1371/journal.pone.0088435.
27. Tartaglia S., Rollero Ch. The Effects of Attractiveness and Status on Personality Evaluation. *Europe’s Journal of Psychology*, 2015, 11(4), pp. 677–690. doi: 10.5964/ejop.v11i4.896

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Нарушение структуры социальной идентичности в результате социальной эксклюзии

И.Ю. СУВОРОВА*,
Москва, Россия, i.suvorova89@gmail.com

В статье рассматривается механизм взаимодействия человека и социальной системы посредством анализа его нарушения в результате социальной эксклюзии. Предполагалось, что в результате невозможности удовлетворить базовые социальные потребности человек обрывает символические связи с социальной системой, что приводит к нарушению структуры социальной идентичности и контроля над социальной реальностью. В исследовании принимали участие студенты третьего курса экологического факультета РУДН — 49 человек в возрасте от 18 до 22 лет (22 мужчины и 27 женщин). Эксперимент состоял в имитации социальной системы. Участникам эксперимента было дано задание обсудить и нарисовать город мечты. Дискуссия велась по определенным правилам, лишаящим некоторых участников возможности принимать участие в обсуждении. В результате была построена регрессионная модель, доказывающая влияние невозможности удовлетворить базовые социальные потребности на структуру идентичности ($R^2 = 0,195$; $p = 0,005$) и контроль над социальной реальностью ($R^2 = 0,251$; $p = 0,001$).

Ключевые слова: социальная эксклюзия, структура социальной идентичности, конструирование социальной реальности, удовлетворение базовых социальных потребностей, механизмы интернализации — экстернализации.

Для цитаты:

Суворова И.Ю. Нарушение структуры социальной идентичности в результате социальной эксклюзии // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 4. С. 34–55. doi:10.17759/sps.2016070403

* Суворова Ирина Юрьевна — соискатель степени кандидата психологических наук кафедры социальной и дифференциальной психологии, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия, i.suvorova89@gmail.com

Введение

Социальная эксклюзия представляет собой социально-психологический феномен, характеризующийся разрывом психологических и символических связей между человеком и социальной системой, когда человека не может разделить групповые ценности и удовлетворить базовые социальные потребности в данной социальной системе [32]. В различных психологических школах существует огромное количество исследований, свидетельствующих о том, что невозможность принять социальные ценности и выпадение из социальной системы приводят к нарушению структуры социальной идентичности, а также к искаженному конструированию социальной реальности. В когнитивной психологии — это исследования в рамках теории социальной идентичности А. Тэшфела, в которых было доказано, что невозможность разделить групповые ценности вызывает невозможность идентифицироваться с данной группой [34; 35]. Далее, в рамках социального конструкционизма [26; 27], было показано, что нарушение контакта человека с социальной реальностью ведет к нарушению конструирования социальной реальности и структуры социальной идентичности. В основе деятельностного подхода лежит утверждение о том, что представления о себе и предметном мире формируются в процессе взаимодействия человека с миром, которое опосредует формирование личностных смыслов в каждом наблюдаемом феномене [9]. В современных отечественных и зарубежных разработках в рамках социальной психологии и социологии демонстрируется, как стремительные социальные изменения влекут за собой кризис идентичности [1]. Тем не

менее, сами механизмы взаимодействия человека и социальной системы, а также роль нарушения этих механизмов при формировании внутренних личностных конструктов до сих пор не была изучена.

В основу данного исследования положены идеи социального конструкционизма, согласно которому внутренние конструкты личности и отражение социальной реальности формируются при взаимодействии человека с социальной системой посредством перехода внешних, социальных, конструктов во внутренний план личности [26]. В психологии — это теории К. Гегена и Р. Харре, основные идеи которых заключались в создании структуры Я через интернализацию социальных конструктов. В социологии — это социальный конструкционизм Т. Бергера и П. Лукмана, описавших конструирование социальной реальности через восприятие традиций, норм и ценностей [4].

Согласно Т. Бергеру и П. Лукману, социальная система представляет собой сеть социальных сил, на пересечении которых находится человек. Каждая точка в системе, характеризующаяся определенным уровнем власти и доступа к ресурсам, определяет человека как субъекта социальных отношений, функционирующего на четырех уровнях организации социальной системы: политико-юридической системы, включающей налоги, военную службу, повиновение законам; системы морали, обычаев и нравов; профессиональной системы, куда входит соблюдение должностных инструкций; круга личных контактов — семьи, друзей [4]. Будучи взаимосвязанными между собой, все четыре уровня организуют социальное пространство человека и отражаются в его сознании в виде сети конструктов.

Отражение занимаемого человеком места в обществе и осознание им своего нахождения в точке пересечения различных социальных сил, которая обусловлена принятием социальных ролей [36], называется идентификацией, а результат этого — социальная идентичность [4]. Т. Бергер описывает этот механизм следующим образом: в ходе действия происходит отождествление Я с объективным смыслом действия; совершающееся действие обуславливает самопонимание деятеля в данный момент и определяет его в объективном смысле, социально предписанном действию [4]. Здесь необходимо подчеркнуть сложное строение социальной идентичности, так как различные социальные роли и смыслы выстраиваются в иерархическую структуру [7]. Феномен, при котором человек не может создать свой образ и вписать себя в систему социальных отношений, когда структура его идентичности бедна и не имеет четкого иерархического строения, называется «диффузной идентичностью» [29]. В качестве причин, по которым человек не может встроиться в систему социальных отношений, до сих пор выделяли либо внешнюю — социально-экономическую депривацию [32], либо возрастные кризисы [29]. Однако ввиду того, что депривация не всегда является причиной социальной эксклюзии и кризис идентичности испытывают не только подростки, мы полагаем, что основополагающими являются внутренние, психологические причины, по которым человек намеренно или ненамеренно обрывает существующие социальные связи. В исследованиях, проведенных К. Амиот и командой [18], было обнаружено, что возможность удовлетворить базовые социальные потребности, такие как компетентность, принятие

и принадлежность, является условием для включения в социальную группу и формирования социальной идентичности [22; 23; 30]. Следовательно, невозможность их удовлетворить может привести к обрыву социальных связей и невозможности сформировать социальную идентичность.

Конструирование социальной реальности как результат взаимодействия человека и социальной системы изучено гораздо хуже, чем идентичность. А. Шюц, основоположник феноменологической социологии, обозначил «социальную перспективу» как ракурс, который имеет человек, находясь в определенной точке социальной системы [16]. Согласно А. Шюцу, каждый человек воспринимает социальную реальность, исходя из своих социальных ролей, доступа к власти, материальным и социальным ресурсам. Такое представление о взаимодействии человека с социальной системой позволяет сделать предположение, что конструирование реальности людей, исключенных из социальной системы, отличается от конструирования тех, кто является активным ее членом. Далее, если рассматривать включенных и исключенных людей по векторам доступа к власти и ресурсам [31], то отличием в конструировании реальности включенных и исключенных может быть степень контроля над социальной реальностью. Предполагается, что степень контроля над реальностью у исключенных людей будет ниже. Более того, анализ литературы [2; 3; 25] позволил выделить временную перспективу в оценке окружающей среды. Таким образом, различия в конструировании социальной реальности людьми, включенными в систему и исключенными из нее, могут быть сосредоточены в контроле над прошлым, настоящим и будущим.

Механизмы, опосредующие оба процесса — формирование структуры социальной идентичности и конструирование социальной реальности — описаны социологами из университета Западного Онтарио, Джеймсом Коте и Чарльзом Левайном [21] и обозначены как интернализация и экстернализация. Интернализация понимается как идентификация с социальными ролями и принятие социальных норм и ценностей, а экстернализация — это проекция своих убеждений во внешний мир [28]. Следовательно, если человек не способен удовлетворить свои потребности в компетентности, принадлежности и принятии, психологически он исключается из системы, и механизмы интернализации — экстернализации нарушаются. В свою очередь, это приводит к нарушению структуры социальной идентичности, т. е. ее диффузности [29], и ограниченному контролю над социальной реальностью (рис. 1).

На рис. 1 изображены механизмы взаимодействия человека с социальной реальностью, где показано влияние социальной системы на конструкты личности. В случае невозможности удовлетворить базовые социальные потребности человек исключается из социальной си-

стемы, что ведет к нарушению механизмов интернализации и экстернализации. Нарушение этих механизмов ведет к невозможности конструирования структуры социальной идентичности и к потере контроля над реальностью.

Программа исследования

Предложенная на рис. 1 модель была проверена с помощью эксперимента, имитирующего социальную группу, в которой некоторые участники были исключены из дискуссий. Количество человек в каждой группе равняется 7 — оптимальному числу для проведения дискуссий [8]. Каждому участнику раздается пакет из семи заготовленных заранее социальных ролей и табличка, на которой написано, от лица каких ролей респондент будет услышан другими участниками эксперимента, а какие роли будут игнорироваться. Сам респондент эту табличку не видит и пробует себя в каждой из имеющихся у него социальных ролей. Темой дискуссии было выбрано «Обсуждение строительства города мечты». Обсуждение проводится с позиции каждой из ролей. Испытуемые

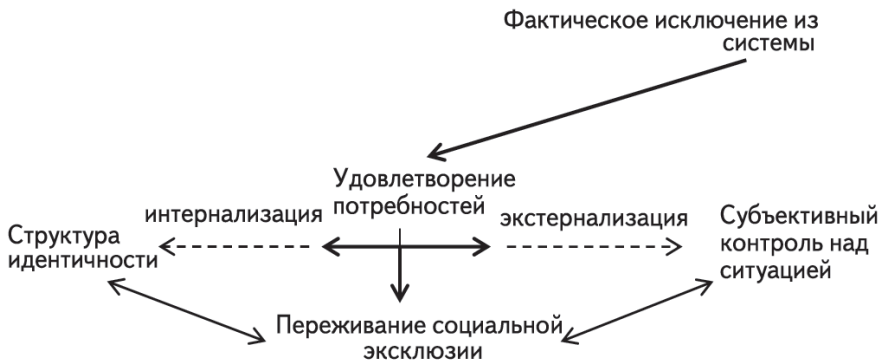

Рис. 1. Механизмы взаимодействия человека и социальной системы

вправе менять свои социальные роли, а также выбирать сразу несколько ролей для обоснования своего ответа. Однако не все аргументы и предложения будут рассматриваться остальными участниками, а только те, которые произнесены от лица ролей, принимающихся в данном эксперименте (эта информация прописана в табличках). Аргументы и предложения, выдвинутые от лица отвергаемых ролей, не рассматриваются. Всего в эксперименте два человека имеют полный набор принимаемых ролей, два человека оказываются полностью исключенными, еще у двух принимаются три роли из семи, и у одного — четыре.

Предполагается, что участники эксперимента, роли которых отвергались группой, не смогут удовлетворить свои потребности в компетенции (их идеи не рассматривались), автономии (чувствовали над собой давление группы) и принадлежности (не были включены в дискуссии). Это приведет их к переживанию социальной эксклюзии, которая станет причиной нарушения структуры идентичности и контроля над социальной реальностью.

Таким образом, в результате эксперимента были получены следующие показатели.

А. Уровень удовлетворения потребностей в автономии, компетенции и принадлежности.

Б. Степень контроля над социальной реальностью.

В. Сложность структуры социальной идентичности.

Г. Степень переживания социальной эксклюзии.

Независимой переменной в эксперименте является список принятых и отвергнутых ролей, что соответствует степени удовлетворения группой базовых социальных потребностей участников.

К зависимым переменным относятся структура социальной идентичности, уровень субъективного контроля над строительством города, переживание социальной эксклюзии, уровень стресса и тревожности.

Неконтролируемые переменные:

1. Личностное принятие/непринятие ролей может исказить заданные параметры. Для контроля переменной перед экспериментом предполагалось введение каждого участника эксперимента в его роли.

2. Различные возможности ролей в предложении проектов города. Для исключения этой ошибки роли подобраны так, чтобы выровнять шансы их обладателей.

3. Личное желание/нежелание участвовать в дискуссии. При отборе участников эксперимента были выбраны только добровольцы, которые были готовы дискутировать и активно вовлекаться в обсуждение.

Гипотеза исследования: социальная эксклюзия приводит к нарушению структуры социальной идентичности и уменьшает ощущение контроля над социальной реальностью.

Выборку составили студенты третьего курса экологического факультета РУДН. Всего в исследовании приняли участие 49 человек в возрасте от 18 до 22 лет (22 мужчины и 27 женщин), т. е. эксперимент был повторен 7 раз с целью исключения случайных результатов. Испытуемые были отобраны случайно, преимущественно по собственному желанию, так как предполагалось, что экспериментальные условия полностью сформируют необходимые феномены. Место, время, структура эксперимента и этические нормы были согласованы с деканатом экологического факультета РУДН.

Методы и методики исследования

Переживание социальной эксклюзии. Авторский опросник, состоящий из 30 вопросов, составляющих четыре шкалы: вовлеченность в социальную систему, готовность принимать вызовы, принятие социальным окружением и общий показатель включенности [14]¹. Надежность теста $\alpha = 0,952$, что является очень высоким показателем внутренней согласованности вопросов. Для оценки конструктивной валидности проверялось соответствие конструкторов составленного нами теста с опросником «Смыслоразнообразие ориентации» Д.А. Леонтьева. В результате была обнаружена сильная связь как внутри теста, так и между шкалами обоих тестов ($0,462 < r < 0,725$; $0,01 < p < 0,05$).

Структура социальной идентичности. Данная методика является авторской модификацией методики репертуарных решеток Дж. Келли. Решетка состоит из элементов — социальных ролей, которые респондент вписывает самостоятельно, и конструкторов — ситуаций, через которые характеризуются вписанные социальные роли. Конструкторы представлены в виде биполярных шкал:

1. Чувствую себя наиболее защищено — Чувствую себя наиболее уязвимо.
2. Чувствую себя наиболее успешным — Чувствую себя неудачником.
3. Является для меня самой важной — Не придаю ей значение.
4. Имеет большую ценность в обществе — Не имеет социальной значимости.
5. Вызывает наибольшее напряжение — Чувствую себя непринужденно.

Структура социальной идентичности и выделение ядер рассчитываются с помощью кластеризации ролей. В результате получаем структуру идентичностей, где можно выделить ядра — группы социальных ролей, представляющих один кластер. Далее с помощью кластерного анализа социальные роли группируются в ядра. В результате обработки данных и выделения ядер во время апробации методики были выявлены три структуры социальной идентичности: простая, сложная и диффузная идентичность [29; 13]: наличие одного ядра принималось за простую структуру идентичности, нескольких ядер (≥ 2) соответствовало сложной идентичности, а отсутствие ядер — диффузной идентичности.

Конструирование социальной реальности. Авторский опросник, состоящий из 8 вопросов, нацеленных на выявление трех параметров: удовлетворенность прошлым, планирование будущего и контроль над настоящим в конкретной экспериментальной ситуации строительства города мечты. Методика имеет 7-бальные шкалы и создавалась в два этапа. Пилотажная версия опросника имела 32 вопроса и проводилась на студентах 3 курса факультета психологии Академии социального управления, участвующих в пилотажном эксперименте ($N = 28$).

Для проверки значимости каждого из вопросов использовался критерий У Манна — Уитни. Вся выборка условно делилась на тех, кто был принят системой, и тех, кто отвергался. Предполагалось, что вопросы, наиболее точно отражающие контроль над ситуацией, будут иметь статистически значимые различия в двух выборках.

¹ Опросник представлен в статье «Разработка пробной версии опросника на определение переживания исключения из социальной системы» настоящего номера журнала, стр. 132–146.

В результате было выделено 8 вопросов, распределившихся по трем шкалам: удовлетворенность прошлым, контроль над настоящим и планирование будущего.

Надежность опросника — $\alpha = 0,773$, что является высоким показателем внутренней согласованности вопросов. Для проверки конструктивной валидности проверялось соответствие конструкторов составленного нами опросника опроснику временной перспективы А. Гонзалеса и Ф. Зимбардо в адаптации А. Сырцовой, Е.Т. Соколовой и О.В. Митиной [11]. В результате была обнаружена сильная связь между шкалами обоих тестов ($0,351 < r < 0,611$; $0,01 < p < 0,05$). Ниже представлены примеры утверждений, вошедших в опросник (полностью опросник дан в Приложении):

Построенный город полностью соответствует моим идеям.

Я точно знаю, каким был бы начатый нами город в случае продолжения исследования.

Удовлетворение базовых потребностей. Общая шкала удовлетворения базовых потребностей [24] была переведена на русский язык и адаптирована [12]. Перевод осуществлялся тремя экспертами. Опросник состоит из 21 вопроса, представленных тремя шкалами: автономия, компетенция и принадлежность. В апробации приняли участие 53 человека (студенты экологического факультета РУДН, 24 мужчины и 29 женщин в возрасте от 18 до 20 лет). Надежность теста — $\alpha = 0,621$, что является допустимым показателем внутренней согласованности вопросов. Конструктивная валидность проверялась как соответствие конструкторов составленного нами теста опроснику «Смыслжизненные ориентации» Д.А. Леонтьева [10]. В результате была обнаружена статистически значи-

мая связь между шкалами обоих тестов ($0,279 < r < 0,514$; $0,01 < p < 0,05$). Ниже приведены примеры утверждений:

Я чувствую, что имею полную свободу в выборе жизненного пути.

Мне действительно нравятся люди, с которыми я взаимодействую.

Результаты исследования

А. Описательная статистика

Было предположено, что к диффузной структуре идентичности будут тяготеть люди, которые не могут удовлетворить базовые социальные потребности в принадлежности, компетентности и принятии, т. е. отвергаемые обществом, а сложная структура идентичности характеризовать тех участников, у которых принимались все 7 ролей. Соответственно, простая идентичность будет предположительно наблюдаться у тех испытуемых, у которых принималась часть ролей. Распределение сложности структуры идентичности в зависимости от принятия группой показано на рис. 2.

На рис. 2 видно, что сложность структуры идентичности незначительно, но закономерно снижается в зависимости от степени отвержения социальной системой. Нарушение этой закономерности в случаях I, II и III, а также в точках VI и VII можно объяснить влиянием на отдельных респондентов степени включенности группы в дискуссию в целом.

Баллы опросников на удовлетворение потребностей, переживание эксклюзии и контроль над реальностью также варьируют в зависимости от включенности каждой из групп испытуемых в дискуссию. Так, если группа включалась в обсуждение слабо, то максимальные результаты не поднимались выше 5 при

том, что максимальная оценка — 7. Это объясняется самим феноменом социальной эксклюзии, когда невозможность или нежелание включиться в систему приводят к нарушению структуры иден-

тичности, неудовлетворению потребностей и невозможности прогнозировать будущее. Средняя величина балла в зависимости от степени принятия обществом приведена на рис. 3.

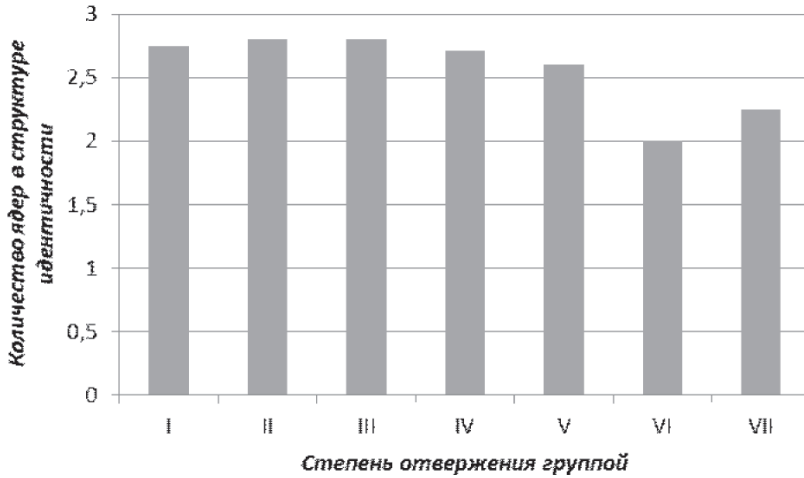

Рис. 2. Распределение сложности структуры идентичности в зависимости от степени принятия обществом: I и II — наборы с принятием всех ролей, III — с принятием 4 ролей, IV и V — с принятием 3 ролей, VI и VII — с отвержением всех ролей

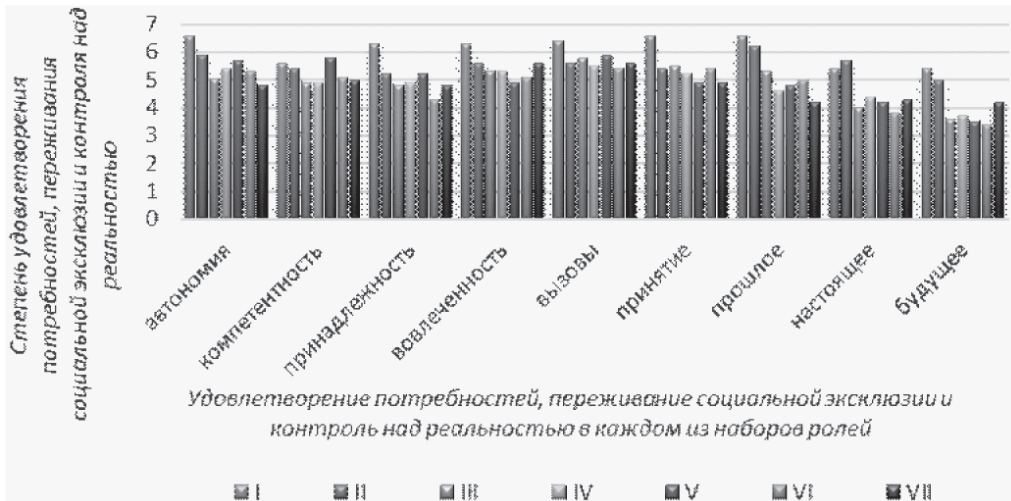

Рис. 3. Средние показатели опросников в зависимости от принятия системой: I и II — наборы с принятием всех ролей, III — с принятием 4 ролей, IV и V — с принятием 3 ролей, VI и VII — с отвержением всех ролей

На гистограмме видно, что значения имеют тенденцию снижаться с первой позиции по третью, как и предполагалось, а затем картина меняется (рис. 3). В некоторых случаях прослеживается волна с пиком V (автономия, компетентность), в других — рост значения (вовлеченность, оценка настоящего). В остальных случаях прослеживается спад. Возможно, в некоторых случаях негативные переживания включают механизмы защиты, которые влияют на завышение результатов. Увеличение разброса данных у людей с диффузной идентичностью свидетельствовало бы о тенденции к неадекватно завышенной оценке своих возможностей только у части испытуемых. Сравнительные данные по дисперсии приведены на рис. 4.

Гистограмма показывает: максимальный разброс данных присущ респондентам, максимально исключенным из дискуссии (рис. 4). Также, за исключением нескольких случаев, дисперсия имеет

тенденцию к росту от полного принятия до полного отвержения.

Обсуждение результатов

Анализ описательных статистик показал, что существует тенденция к упрощению структуры социальной идентичности в зависимости от количества принимаемых обществом социальных ролей: чем больше отвергнутых ролей, тем проще структура социальной идентичности. Это объясняется самим феноменом социальной эксклюзии, заключающимся в обрыве символических и психологических связей между человеком и социальной системой. Субъективное переживание социальной эксклюзии совпадает с объективным, однако его дисперсия увеличивается вместе с увеличением количества отвергнутых социальных ролей. Получается, что часть людей, намеренно или ненамеренно, не признавали факт своего отвержения. Возможно, это является защитным меха-

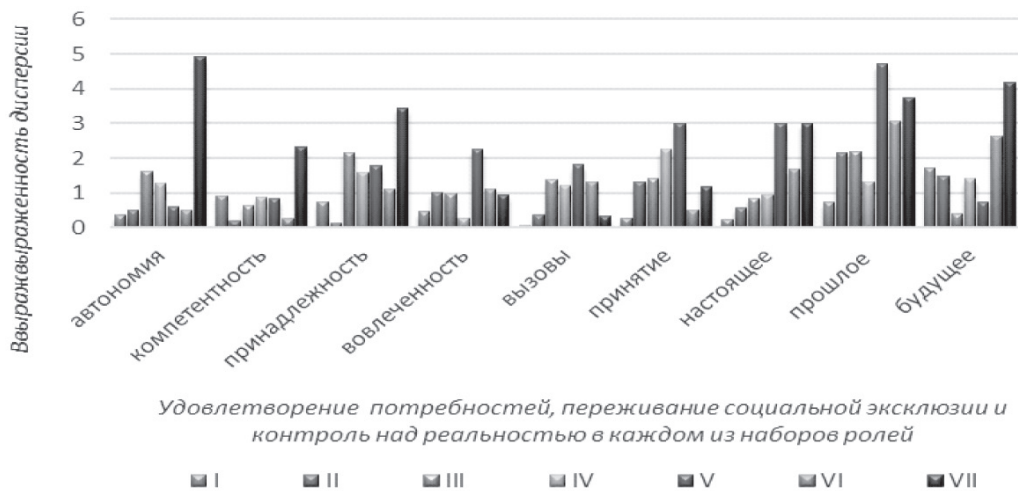

Рис. 4. Дисперсии результатов опросников в зависимости от принятия системой: I и II — наборы с принятием всех ролей, III — с принятием 4 ролей, IV и V — с принятием 3 ролей, VI и VII — с отвержением всех ролей

низмом, в основе которого лежит отрицание негативных переживаний.

Социальная эксклюзия приводит к невозможности удовлетворить базовые социальные потребности, что, согласно модели, является причиной обрыва символических связей между человеком и социальной системой. Описательные статистики показали, что с увеличением количества отверженных ролей удовлетворенность в компетенции, принадлежности и принятии падает. Однако в этом случае с увеличением отвержения со стороны социальной системы разброс степени удовлетворенности базовых потребностей увеличивается. Возможно, дело в том, что опросник представляет собой самоотчет о том, считает ли себя респондент принятым, и поэтому является нечувствительным к различного рода психологическим защитам, когда человек выдает желаемое за действительное.

С увеличением количества отвергнутых ролей также уменьшается субъективный контроль над социальной реальностью. Однако опросник на определение степени контроля над социальной реальностью также состоит из вопросов, представляющих собой самоотчеты о контроле и не способен определить, действительно ли человек контролирует свою социальную реальность, либо хочет, чтобы так было. Данный опросник является авторским и нуждается в доработке, однако вопрос о том, как действительно можно отразить конструирование социальной реальности в сознании человека, как это представилось возможным в отношении структуры социальной идентичности, до сих пор остается открытым.

Выводы

Анализ описательных статистик подтвердил гипотезу о том, что социаль-

ная эксклюзия приводит к нарушению структуры социальной идентичности и уменьшает ощущение контроля над социальной реальностью. Причиной разброса данных, возможно, являются ответы группы людей, исключенных из социальной системы, однако отрицающих это. Эти респонденты представляют особый интерес, так как структура их идентичности является диффузной, но опросник, сконструированный в виде самоотчетов, показал высокие результаты по включенности в социальную систему, по степени удовлетворения базовых потребностей и по степени субъективного контроля над реальностью. Другими словами, эти участники эксперимента не осознают, а, возможно, намеренно вытесняют тот факт, что они являются исключенными из социальной системы: их социальные потребности объективно не удовлетворены, и структура социальной идентичности — диффузная. Изучение этого феномена не входит в круг задач, поставленных в данном исследовании, однако является интересной темой для дальнейшего изучения.

Второй причиной разброса данных явилась различная выраженность признаков у людей, участвующих в группах с сильной и слабой динамикой. В группах со слабой динамикой все участники были довольно пассивными и старались избегать конфликтных ситуаций, уводя разговор в сторону взаимных уступок. Такой феномен чаще встречался в гомогенных группах. Возможно, в случае, когда экспериментальная группа состоит из одних мужчин или женщин, на первый план выходит солидарность, и правила игры не несут должной смысловой нагрузки. Вопрос о том, встречается ли данный феномен в реальной жизни и каковы его механизмы, остается открытым.

Дальнейший анализ направлен на доказательство того, что полученные результаты статистически достоверны.

Б. Проверка теоретической модели

Для проверки гипотезы о влиянии исключения из социальной системы на психологические структуры человека необходимо проверить следующие зависимости: отторжение обществом → удовлетворение социальных потребностей; удовлетворение социальных потребностей → структура идентичности; удовлетворение социальных потребностей → субъективный контроль над реальностью; удовлетворение социальных потребностей → переживание социальной эксклюзии. В статистическом анализе использовались расчеты простой линейной регрессии, описывающейся уравнением $Y = BX + U$. Для построения линейной модели необходимо убедиться в линейной взаимосвязи двух факторов [6].

Взаимосвязь между отторжением обществом и удовлетворением социальных потребностей статистически достоверна (автономия: $r = -0,359$; $p = 0,05$, принадлежность: $r = -0,359$; $p = 0,05$). Компетентность не дала статистически значимую корреляцию, возможно потому, что испытывает сильное влияние социальной желательности. При вычислении регрессионного анализа зависимости удовлетворения потребности в автономии от принятия социальной реальностью критерий Durbin – Watson равен 1,689, находясь в интервале от 1 до 3, что говорит о том, что условия для вычисления регрессии допустимы. Коэффициент детерминации равен 0,140 при вероятности ошибки 0,01. Это значит, что в 14% случаев удовлетворение потребности в автономии было обусловлено количеством принятых или отвергнутых ролей.

Уравнение регрессии $Y = BX + U$ принимает вид $Y = 6,505 - 0,231X$. Коэффициент при X показывает, на сколько увеличится удовлетворение потребности в автономии при принятии еще одной социальной роли.

При построении регрессионной модели зависимости удовлетворения потребности в принадлежности от количества принятых обществом ролей критерий Durbin – Watson равен 1,689, коэффициент детерминации $R^2 = 0,128$ при вероятности ошибки 0,01. Это значит, что в 13% случаев удовлетворение потребности в принадлежности было обусловлено количеством принятых, или отвергнутых ролей. Уравнение регрессии для данного случая имеет вид $Y = 6,034 - 0,227X$. При принятии обществом еще одной роли в 13% случаев респондент увеличит свою удовлетворенность в принятии на 0,227.

Корреляция между структурой идентичности и удовлетворением потребностей дала значимые результаты только в одном случае — с автономией ($r = 0,481$; $p = 0,01$). Исходя из множества фактов о закономерностях развития личности [5; 17], это можно объяснить тем, что идентичность формируется при осознании границы между Я и не-Я. Человек со сформированной идентичностью чувствует себя свободным от постороннего влияния, при том, что его выборы направлены на окружающую реальность [30]. Другими словами, возможность самостоятельно делать выборы является условием для формирования идентичности, что и было подтверждено в данной модели. При построении регрессионной модели зависимости идентичности от удовлетворения потребности в автономии критерий Durbin – Watson равен 1,946, коэффициент детерминации $R^2 = 0,195$ при вероятности ошиб-

ки 0,005. Это значит, что в 20% случаев удовлетворение потребности в автономии детерминировало формирование структуры идентичности. Уравнение регрессии для данного случая имеет вид $Y = 0,261X + 1,053$. Таким образом, в 20% случаев повышение удовлетворенности потребности в автономии на единицу приводит к увеличению структуры идентичности на 0,261.

Корреляционный анализ удовлетворения социальных потребностей и контроля над социальной реальностью обнаружил сильную связь между автономией и контролем настоящего ($r = 0,429$; $p = 0,01$). При проведении регрессионного анализа влияния автономии на контроль настоящего критерий Durbin – Watson равен 2,357, коэффициент детерминации $R^2 = 0,251$ при вероятности ошибки $p = 0,001$. Уравнение регрессии для данного случая имеет вид $Y = 0,551X + 2,255$ и выполняется в 25%.

Посредством регрессионного анализа влияния удовлетворения потребностей на переживание вовлеченности в систему с вероятностью ошибки 0,05, критерием Durbin – Watson 2,132 и коэффициентом детерминации $R^2 = 0,356$ были построены следующие уравнения влияния удовлетворения потребностей на переживание вовлеченности в социальную систему: для автономии $Y = -0,048X + 2,402$, для компетенции $Y = 0,322X + 2,402$, для принадлежности $Y = 0,25X + 2,402$, которые объясняют регрессию на 35%. В отличие от положительного влияния автономии и компетенции на переживание вовлеченности в систему, увеличение потребности в автономии снижает чувство вовлеченности в процесс дискуссии.

Результаты регрессионного анализа влияния удовлетворения социальных

потребностей на готовность принимать вызовы с вероятностью ошибки 0,05, критерием Durbin – Watson 1,999 и коэффициентом детерминации $R^2 = 0,286$ привели к построению следующих уравнений влияния удовлетворения потребностей на переживание вовлеченности в социальную систему: для автономии $Y = -0,172X + 3,374$, для компетенции $Y = 0,291X + 3,374$, для принадлежности $Y = 0,357X + 3,374$, которые объясняют регрессию в 29%. Как и в предыдущем случае, в отличие от двух положительных связей, увеличение удовлетворения потребности в автономии снижает готовность принимать вызовы. Но если в предыдущем случае обратная связь была закономерной, то здесь автономия как будто рассматривается как способ ухода из системы и избегания ответственности за свои победы и поражения.

Наконец, регрессионный анализ влияния удовлетворения потребностей на ощущение принятия системой с вероятностью ошибки 0,05, критерием Durbin – Watson 2,011 и коэффициентом детерминации $R^2 = 0,347$ привел к построению следующих уравнений влияния удовлетворения потребностей на переживание вовлеченности в социальную систему: для автономии $Y = 0,467X + 2,218$, для компетенции $Y = 0,011X + 2,218$, для принадлежности $Y = 0,108X + 2,218$, которые объясняют регрессию в 35%. Результаты оказались предсказуемыми: чем более человек ощущает свои социальные потребности удовлетворенными, тем более он ощущает себя принятым системой. В результате, при проведении регрессионного анализа гипотеза подтвердилась в большинстве случаев. Сводные данные регрессионного анализа приведены в табл.

Сводные данные регрессии

Связь	У-пересечение	Коэффициент X	Коэффициент детерминации, R ²	Вероятность ошибки, p
Отвержение → автономия	6,505	-0,231	0,140	0,01
Отвержение → принадлежность	6,034	-0,227	0,128	0,01
Автономия → структура идентичности	1,053	0,261	0,195	0,005
Автономия → контроль настоящего	2,255	0,551	0,251	0,001
Автономия → вовлеченность	2,402	-0,048	0,356	0,05
Компетентность → вовлеченность	2,402	0,322	0,356	0,05
Принадлежность → вовлеченность	2,402	0,25	0,356	0,05
Автономия → вызовы	3,374	-0,172	0,286	0,05
Компетентность → вызовы	3,374	0,291	0,286	0,05
Принадлежность → вызовы	3,374	0,357	0,286	0,05
Автономия → принятие системой	2,218	0,467	2,011	0,05
Компетентность → принятие системой	2,218	0,011	2,011	0,05
Принадлежность → принятие системой	2,218	0,108	2,011	0,05

Интерпретация и обсуждение

Анализ данных был направлен на экспериментальную проверку предположения о том, что причиной переживания человеком социальной эксклюзии является невозможность удовлетворить базовые социальные потребности, что также приводит к обрыву символических связей между человеком и обществом, в результате чего упрощается структура социальной идентичности и уменьшается контроль над социальной реальностью. Необходимо отметить, что данный эксперимент не является истинным экспериментом, а содержит в себе доэкспериментальный план: здесь отсутствует жесткий контроль над переменными, такими как конструирование структуры социальной идентичности и контроля над социальной реальностью, в виду комплексности наблюдаемых феноменов. Жесткий контроль над пе-

ременными ограничен еще и тем, что в данной экспериментальной модели одна независимая переменная, которой является количество отвергаемых ролей, влияет на четыре зависимых. Все четыре переменных являются психическими реакциями, и предполагалось, что одна реакция вызывает другую. Однако прямая связь между воздействием и реакцией показана не была, а доказывалась через вероятность ее существования во время статистической обработки данных. Указанные упущения являются результатом особенностей построения модели в рамках социального конструкционизма, целью которого является уход от когнитивизма и причинно-следственных моделей в пользу изучения результата комплексного воздействия группы факторов. Возможно, именно по этой причине основным методом изучения в рамках конструкционизма явля-

ется анализ нарративов, как имеющий слабую дифференциацию между изучаемыми личностными конструктами, так и направленный на изучение ограниченного круга феноменов. Эксперимент в этом плане более пластичен и подразумевает высокую дифференциацию личностных конструктов, связанных причинно-следственными связями, однако как метод исследования феноменов в рамках социального конструкционизма он нуждается в доработке.

Тем не менее, регрессионный анализ показал влияние неприятия социальных ролей на удовлетворение потребностей в автономии и принадлежности: чем больше ролей отвергается, тем менее удовлетворены потребности в автономии и принадлежности. Неприятие социальных ролей напрямую связано с чувством принадлежности обществу. Далее, возможно, человек, отвергаемый обществом, чувствует, что ему навязывают позицию отверженного человека и он не может проявить себя в свободном выборе стратегий взаимодействия с социальной реальностью.

Анализ влияния отвержения социальных ролей на удовлетворение потребности в компетентности не дал значимых результатов. Возможно, в силу социальной желательности никто в самоотчете, которым является опросник на удовлетворение базовых социальных потребностей, не готов был признать, что не чувствует себя компетентным.

При проверке влияния удовлетворения потребностей на структуру идентичности значимая связь оказалась только в случае автономии, когда человек чувствует, что все выборы совершаются по его доброй воле, а не в результате давления. Возможно, это объясняется тем, что идентичность формируется при

осознании границ между Я и не-Я. Этот механизм хорошо описан в психоаналитической литературе, когда особенности взаимоотношения матери и младенца формируют границы Я ребенка. Если мать чрезмерно нарушает границы Я ребенка, не угадывая потребности ребенка и стремясь подчинить его своим представлениям о должном, это ведет к невозможности сформировать целостный образ Я, либо к формированию ложного Я [5]. Особенности формирования структуры идентичности и обнаруженные защитные механизмы наталкивают на мысль о существовании единого механизма развития идентичности личности, начиная с ее формирования в диаде мать — дитя и заканчивая интеграцией человека в общество. Однако перенос данных из клинической психологии и психоанализа на социально-психологические феномены требует доказательств и дальнейшего изучения.

При проверке влияния удовлетворения потребностей на конструирование социальной реальности статистически значимая связь обнаружилась также только в результате влияния автономии на контроль настоящего. Если человек совершает выборы самостоятельно, он в большей степени чувствует, что управляет своей жизнью. Одинаковое влияние удовлетворения потребности в автономии на конструирование структуры идентичности и контроль над социальной реальностью говорит в пользу выдвинутого нами ранее [15] предположения о едином процессе формирования представлений о себе и реальности.

Как и предполагалось, было обнаружено, что субъективное переживание социальной эксклюзии зависит от удовлетворения базовых социальных

потребностей: чем в большей степени удовлетворены базовые социальные потребности, тем сильнее ощущение вовлеченности в систему, готовности отвечать на вызовы и принятие системой. Опять же, исключение составило удовлетворение потребности в автономии: увеличение удовлетворения потребности в автономии уменьшало ощущение вовлеченности в систему и готовность принимать вызовы.

Удивительно, что среди всех базовых социальных потребностей именно автономия имела наибольшее, а зачастую и непредсказуемое влияние. С одной стороны, удовлетворение потребности в автономии влияло на усложнение структуры социальной идентичности и увеличение контроля над социальной реальностью. С другой, — уменьшало ощущение вовлеченности в систему и готовность принимать вызовы. Возможно, чрезмерная вовлеченность в систему приводит к размытию границ между человеком и обществом, тогда как автономия подразумевает сохранение своей личности, своих стремлений и мотивов. Если это так, тогда, возможно, существует такая степень удовлетворения потребности в автономии, при которой чувство принадлежности достигает максимального значения, а при сдвиге в любую сторону уменьшается.

Влияние автономии на уменьшение ощущения вовлеченности и готовности принимать вызовы также может рассматриваться как способ ухода из системы. Возможно, в исследовании данной взаимосвязи ответы респондентов распределились таким образом, что автономия стала оцениваться не как способность принимать самостоятельные решения, будучи вовлеченным в социальные связи, а как уход от них.

Действительно, во время эксперимента многим респондентам было тяжело принимать правила игры, чувствовалось отторжение запретов отвергать хорошие идеи, если данная роль не была принята системой, и соглашаться с экстремальными идеями, когда данная роль принималась. Однако любопытным является тот факт, что при равных условиях эксперимента потребность в творчестве не всегда была ведущей, но будучи таковой всегда была связана с противостоянием правилам. В группах же, наиболее глубоко погруженных в процесс игры и использующих правила для координирования взаимодействий, ведущей потребностью была борьба за ресурсы и доминирование. Психологическая причина, по которой человек начинает конфликтовать с системой из-за невозможности самовыражения, представляет огромный интерес. Как и в случае с объяснением роли автономии в формировании структуры социальной идентичности, хочется апеллировать к клинической психологии и психоанализу. Согласно Д. Винникоту [5], потребность в творчестве является естественной и необходима для переживания своего Я. Возможно, у некоторых респондентов она не была удовлетворена в детстве и борьба с любыми идеями, идущими не изнутри, стала типичной стратегией. Как этот перенос осуществляется в реальной жизни, является ли неудовлетворенная потребность в творчестве предрасположенностью к примыканию к оппозиционным течениям — эти вопросы требуют дальнейшего изучения.

Выводы

Гипотеза о том, что социальная эксклюзия приводит к нарушению структу-

ры социальной идентичности и уменьшает ощущение контроля над социальной реальностью, подтвердилась в большинстве случаев. В результате эксперимента было обнаружено, что принятие социальной системой увеличивает удовлетворение потребностей в автономии и принадлежности. Удовлетворение потребности в автономии, в свою очередь, способствует формированию сложной структуры идентичности и увеличению контроля над социальной реальностью. Удовлетворение всех базовых потребностей сказывается на уменьшении переживания социальной эксклюзии. Исключение составляет автономия, удовлетворение потребности в которой уменьшало ощущение вовлеченности в систему и готовность принимать вызовы.

Предполагается, что автономия играет ключевую роль в формировании границ между человеком и окружающей реальностью. В некоторых случаях потребность в автономии граничила с потребностью в творчестве и, возможно, была спровоцирована ею. Тогда участники эксперимента не могли принять правила игры, испытывая на себе давление системы. Данный феномен, как и защитные механизмы, описанные ранее, нуждается в дополнительной проверке.

Заключение

Целью данной работы было продемонстрировать разрыв символических связей между человеком и социальной системой в результате невозможности удовлетворить социальные потребности, что приводит к нарушению структуры

социальной идентичности и контроля над социальной реальностью.

Составленная теоретическая модель не удовлетворила все связи, однако большинство подтвержденных предположений демонстрируют ее состоятельность. Внешние причины, в данном эксперименте — отвергнутые роли, а в жизни — низкий социальный статус, неблагоприятное материальное положение, препятствуют удовлетворению социальных потребностей в автономии, компетенции и принадлежности, что провоцирует нарушение структуры идентичности и невозможность контролировать социальную реальность, что и отражается в переживании социальной эксклюзии.

Два феномена, связанные причинно-следственной связью, были обнаружены в процессе исследования и предположительно отвечают за увеличение разброса данных: невозможность следовать правилам игры из-за того, что они конфликтуют с индивидуальными потребностями в творчестве, и защитные механизмы расщепления, обеспечивающие при этом иллюзию успешности. Мы предполагаем, что невозможность принять правила игры основана на личностных характеристиках. Если это так, то невозможность интегрироваться в социальную систему является результатом не только определенного устройства социальных систем, но и искаженным психическим развитием личности. Так или иначе, данная модель является первой попыткой объединения психологических и психоаналитических данных, накопившихся в исследовании социальной эксклюзии, поднимая новые вопросы и нуждаясь в дальнейшем изучении и отшлифовке методов.

Опросник «Определение степени контроля над строительством города»

Список утверждений	Полностью не согласен	Скорее не согласен	Скорее согласен	Полностью согласен
1. Построенный город полностью соответствует моим идеям		-3 -2 -1 0 1 2 3		
2. Я имею контроль над строительством города		-3 -2 -1 0 1 2 3		
3. Я точно знаю, каким был бы начатый нами город в случае продолжения исследования		-3 -2 -1 0 1 2 3		
4. Я вполне удовлетворен тем, как выглядит наш город		-3 -2 -1 0 1 2 3		
5. Я вполне чувствую свою причастность к реализации данного проекта		-3 -2 -1 0 1 2 3		
6. Город строился абсолютно без моего участия		-3 -2 -1 0 1 2 3		
7. Если бы над проектом работал я один, я бы сделал все по-другому		-3 -2 -1 0 1 2 3		
8. Я никак не мог контролировать процесс строительства города		-3 -2 -1 0 1 2 3		

Ключи: удовлетворенность прошлым — 1, 4, 6R, 7R, 8R;
 контроль над настоящим — 2, 5;
 планирование будущего — 3.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреева Г.М.* К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. № 6 (20). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n6-20/580-andreeva20.html> (дата обращения: 30.10.2012).
2. *Белинская Е.П.* Взаимосвязь ценностных ориентаций и образа социального мира // Мир психологии, 2004. № 3 (39). С. 97–102. Поменять местами
3. *Белинская Е.П.* Временные аспекты Я-концепции и идентичности // Мир психологии. 1999. № 3. С. 140–147.
4. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
5. *Винникотт Д.В.* Семья и развитие личности. Мать и дитя. Екатеринбург: ЛИТУР, 2004. 400 с.
6. *Гржибовский А.М.* Однофакторный линейный регрессионный анализ // Экология человека. 2008. № 10. С. 55–64.
7. *Иванова Н.Л.* Структура социальной идентичности личности: проблема анализа // Психологический журнал. 2004. № 1. С. 52–60.
8. *Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М.* Социальная психология малой группы: учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001. 318 с.
9. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977. 304 с.
10. *Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентации (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000. 18 с.
11. *Митина О.В., Сырцова А.* Опросник по временной перспективе Ф. Зимбардо (ZTP1): результаты психометрического анализа русскоязычной версии // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2008. № 4. С. 67–89.
12. *Суворова И.Ю.* Адаптация общей шкалы «Удовлетворение базовых социальных потребностей» // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2016. № 4 (в печати).
13. *Суворова И.Ю.* Конструирование социальной идентичности личности // Актуальные проблемы психологического знания. 2016. № 3(40). С. 40–48.
14. *Суворова И. Ю.* Разработка пробной версии опросника на определение переживания исключения из социальной системы // Социальная психология и общество. 2016. № 4. С. 132–146.
15. *Суворова И.Ю.* Социальная эксклюзия как социально-психологический феномен // Социальная психология и общество. 2014. Т. 5. № 4. С. 29–43.
16. *Шюц А.* Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129–137.
17. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта, 2006. 342 с.
18. *Amiot C.E., Terry D.J., Wirawan D., Greice T.A.* Changes in Social Identities over time: the Role of coping and Adaptation processes // British Journal of Social Psychology. 2010. № 49. doi: 10.1348/014466609X480624
19. *Vasova V., Ellis P.* Cultural-Political Differences in Perception of Ethnic Concepts in Central-Eastern and Western Europe // Changing European Identities: Social Psycho-

- logical Analysis of Social Change / Edited by G. Breakwell and E. Lyons. Oxford: Linacre House, 1996. P. 145–169.
20. *Burke P.* Identity and Social Structure: The 2003 Cooley-Mead Award Address // *Social Psychology Quarterly*. 2004. Vol. 67. P. 5–15. doi: 10.1177/019027250406700103
21. *Coté J.E., Levine Ch.G.* Identity, Formation, Agency, and Culture: A Social Psychological Synthesis. NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc. Publisher, 2002. 248 p.
22. *Deci E.L.* Intrinsic motivation. New York: Plenum. 1975. 321 p. doi: 10.1007/978-1-4613-4446-9.
23. *Deci E.L., Ryan R.M.* Intrinsic motivation and self-determination in human behavior. New York: Plenum, 1985. 371 p.
24. *Gagné M.* The role of autonomy support and autonomy orientation in prosocial behavior engagement // *Motivation and Emotion*. 2003. Vol. 27. P. 199–223. doi:10.1023/A:1025007614869.
25. *Gallimore R., Goldenberg C.N., Weisner T.S.* The Social Construction and Subjective Reality of Activity Settings: Implications for Community Psychology // *American Journal of Community Psychology*. 1993. Vol. 21. № 4. P. 537–559. doi:10.1007/BF00942159
26. *Gergen K.J.* Social psychology as history. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1973. Vol. 26 (2). P. 309–320. doi: 10.1037/h0034436
27. *Gergen K.J., Gergen M.M.* Narratives of the Self // *Studies in Social Identity*. Praeger. 1983. Vol. 9. P. 255–273.
28. *Levine D.P.* Identity, the Group, and Social Construction of Reality // *Journal of the Psychoanalysis of Culture and Society*. 1999. Vol. 4. Is. 1. P. 81–91.
29. *Marcia J.E., Friedman M.L.* Ego identity status in college women // *Journal of personality*. 1970. Vol. 38. №. 2. P. 249–263. doi: 10.1111/j.1467-6494.1970.tb00007.x
30. *Ryan R.M., Deci E.L.* Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // *American Psychologist*. 2000. Vol. 55. P. 68–78. doi: 10.1037/0003-066X.55.1.68
31. *Schneider A., Ingram H.* Social Construction of Target Populations: Implications for Politics and Policy // *American Political Science Review*. 1993. Vol. 87. Is. 2. P. 334–347. doi: 10.2307/2939044
32. *Sen A.* Social Exclusion: Concept, Application, and Scrutiny. Manila: Asian Development Bank, Office of Environment and Social development, 2000. 54 p.
33. *Stets J.E., Burke P.J.* New Directions in Identity Control Theory // *Advances in Group Processes*. 2005. Vol. 22 P. 43–64. doi: 10.1016/S0882-6145%2805%2922002-7
34. *Tajfel H.* Intergroup Relations, Social Myths and Social Justice in Social Psychology // *The Social Dimension*. H. Tajfel. Cambridge: University Press, 1984. P. 695–714.
35. *Tajfel H.* Human groups and social categories. *Studies in social psychology*. Cambridge: University Press, 1981. 369 p.
36. *Weigert A.J., Gecas V.* Symbolic interactionist reflections on Erikson, identity, and postmodernism // *Identity*. 2005. T. 5. №. 2. P. 161–174. doi: 10.1207/s1532706x-id0502_5

The distortion of social identity structure as a result of social exclusion

I.YU. SUVOROVA*,
 Moscow, Russia, i.suvorova89@gmail.com

The article describes the mechanism of human's interaction with social system through the analysis of its distortion as a result of social exclusion. It was assumed that the impossibility to satisfy basic social needs destroys symbolic links between an individual and a social system. It causes the distortion of the structure of social identity and control over social reality. Third year students of Ecological faculty of People's Friendship University of Russia participated in the experiment. In total there were 49 students from 18 to 22 years old (22 male and 27 female). The social system was imitated in the experiment. Participants were given a task to discuss and draw a plan of city of a dream. Discussion was carried out according to certain rules aimed to limit the ability of some of the respondents to participate in the decision making. As a result, a regressive model was created, proving the influence of impossibility to content basic social needs on social identity structure ($R^2 = 0,195$; $p = 0,005$) and the feeling of control over reality ($R^2 = 0,251$; $p = 0,001$).

Keywords: social exclusion, social identity structure, social reality construction, basic social needs satisfaction, mechanism of internalization-externalization.

REFERENCES

1. Andreeva G.M. K voprosu o krizise identichnosti v uslovijah social'nyh transformacij [Jelektronnyj resurs] [Towards the problem of identity crisis in the case of social transformations]. *Psihologicheskije issledovanija: jelektron.nauch. zhurn [Psychological Investigations]*. 2011. no. 6 (20). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n6-20/580-andreeva20.html> (data obrashhenija: 30.10.2012).
2. Belinskaja E.P. Vzaimosvjaz' cennostnyh orientacij i obraza social'nogo mira [Relationship between values and the image of social world]. *Mir psihologii [The world of psychology]*, 2004, no. 3 (39), pp. 97–102.
3. Belinskaja E.P. Vremennye aspekty Ja-koncepcii i identichnosti [Tempora; Aspects of Self and Identity]. *Mir psihologii [The World of Psychology]*, 1999, no. 3, pp. 140–147.
4. Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya [The social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. M.: "Medium", 1995. 323 p.

For citation:

Suvorova I.Yu. The distortion of social identity structure as a result of social exclusion. *Sotsial'naja psihologija i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2016. Vol. 7, no. 4, pp. 34–55. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2016070403

* Suvorova Irina Yu. — PhD student in the department of Social and Differential psychology, People's Friendship University of Russia, Moscow, Russia, i.suvorova89@gmail.com

5. Winnikott D.V. Sem'ja i razvitie lichnosti. Mat' i ditja. [Family and personal development]. Ekaterinburg: "LITUR", 2004. 400 p.
6. Grzhibovskij A.M. Odnofaktornyj linejnij regressionnyj analiz [Univariate linear regression analysis]. *Jekologija cheloveka [Ecology of human]*, 2008, no. 10, pp. 55–64.
7. Ivanova N.L. Struktura social'noj identichnosti lichnosti: problema analiza [The structure of personal social identity: the problem analysis]. *Psichologicheskij zhurnal [The Psychological Journal]*, 2004, no. 1, pp. 52–60.
8. Krichevskij R. L., Dubovskaja E. M. Social'naja psihologija maloj grupy: Uchebnoe posobie dlja vuzov [Social psychology of small group. Tutorial for students]. Moscow: Aspekt Press, 2001. 318 p.
9. Leont'ev A.N. Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. [Activity. Consciousness. Personality] 2-e izd. Moscow: Politizdat, 1977. 304 p.
10. Leont'ev D.A. Test smyslozhiznennyh orientacii (SZhO) [Test Personal lifestyle]. 2-e izd. Moscow: Smysl, 2000. 18 p.
11. Mitina O.V., Syrcova A. Oprosnik po vremennoj perspektive F. Zimbardo (ZTPI): rezul'taty psihometricheskogo analiza russkoyazychnoj versii [The questioner of time perspective of Zimbardo (ZTPI): the results of psychometric analysis of Russian version]. *Vestnik Moskovskogo universiteta [The Moscow University Herald]*. Seriya 14: Psihologiya, 2008, no. 4, pp. 67–89.
12. Suvorova I.Ju. Adaptacija obshhej shkaly udovletvorenije bazovyh social'nyh potrebnostej [The adaptation of scale of basic social needs satisfaction]. *Novoe v psihologo-grdagogicheskikh issledovaniyah [The New in psycho-pedagogical investigations]*, 2016, no. 4 (v pečati [in press]).
13. Suvorova I.Ju. Konstruirovanie social'noj identichnosti lichnosti [The personal social identity construction]. *Aktual'nye problemy psihologicheskogo znaniya [The actual problem of psychological knowledge]*, 2016, no. 3 (v pečati [in press]).
14. Suvorova I.Ju. Razrabotka probnoj versii oprosnika na opredelenie perezhivaniya isklucheniya iz social'noj sistemy [The development of trial questionnaire on social exclusion]. *Social'naya psihologiya i obshchestvo. [Social Psychology and Society]*, 2016, no. 4, pp. 132–146.
15. Suvorova I.Yu. Social'naya ehksklyuziya kak social'no-psihologicheskij fenomen [Social exclusion as a socio-psychological phenomenon]. *Social'naya psihologiya i obshchestvo [Social psychology and society]*. 2014, vol. 5, no. 4, pp. 29–43.
16. Schütz A. Struktura povsednevnogo myshleniya [The structure of the life word]. *Sociologicheskie issledovaniya [Social investigations]*, 1988, no. 2, pp. 129–137.
17. Erikson E.H. Identichnost': yunost' i krizis [Identity: Youth and Crisis]. Moscow: Flinta, 2006. 342 p.
18. Amiot C.E., Terry D.J., Wirawan D., Greice T.A. Changes in Social Identities over time: the Role of coping and Adaptation processes//*British Journal of Social Psychology*, 2010. Vol. 49. Iss. 4, pp. 803–826. doi: 10.1348/014466609X480624.
19. Bacova V., Ellis P. Cultural-Political Differences in Perception of Ethnic Concepts in Central-Eastern and Western Europe. In Breakwell G. and Lyons E. (ed.). *Changing European Identities: Social Psychological Analysis of Social Change*. Oxford: Linacre House, 1996, pp. 145–169.
20. Burke P. Identity and Social Structure: The 2003 Cooley-Mead Award Address. *Social Psychology Quarterly*, 2004. Vol. 67, pp. 5–15. doi: 10.1177/019027250406700103.

21. Coté J.E., Levine Ch.G. Identity, Formation, Agency, and Culture: A Social Psychological Synthesis. NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc. Publisher, 2002. 248 p.
22. Deci, E.L. Intrinsic motivation. New York: Plenum. 1975. 321 p. doi: 10.1 007/978-1-4613-4446-9.
23. Deci E.L., Ryan R.M. Intrinsic motivation and self-determination in human behavior. New York: Plenum.1985. 371 p.
24. Gagné M. The role of autonomy support and autonomy orientation in prosocial behavior engagement. *Motivation and Emotion*, 2003. Vol. 27, pp. 199–223. doi: 10.1023/A:1025007614869.
25. Gallimore R., Goldenberg C.N., Weisner T.S. The Social Construction and Subjective Reality of Activity Settings: Implications for Community Psychology. *American Journal of Community Psychology*, 1993. Vol. 21, no. 4, pp. 537–559. doi:10.1007/BF00942159.
26. Gergen, K.J. Social psychology as history. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1973. Vol. 26 (2), pp. 309–320. doi: 10.1037/h0034436.
27. Gergen K.J., Gergen M.M. Narratives of the Self. *Studies in Social Identity. Praeger*, 1983. Vol. 9, pp. 255–273.
28. Levine D.P. Identity, the Group, and Social Construction of Reality. *Journal of the Psychoanalysis of Culture and Society*, 1999. Vol. 4. Iss. 1, pp. 81–91.
29. Marcia J.E., Friedman M.L. Ego identity status in college women. *Journal of personality*, 1970. Vol. 38, no. 2, pp. 249–263. doi: 10.1111/j.1467-6494.1970.tb00007.x.
30. Ryan R.M., & Deci E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being. *American Psychologist*, 2000. Vol. 55, pp. 68–78. doi: 10.1037/0003-066X.55.1.68.
31. Schneider A., Ingram H. Social Construction of Target Populations: Implications for Politics and Policy. *American Political Science Review*, 1993. Vol. 87. Is. 2, pp. 334–347. doi: 10.2307/2939044.
32. Sen A. Social Exclusion: Concept, Application, and Scrutiny. Manila: Asian Development Bank, Office of Environment and Social development. 2000. 54 p.
33. Stets J.E., Burke P.J. New Directions in Identity Control Theory. *Advances in Group Processes*, 2005. Vol. 22, pp. 43–64. doi: 10.1016/S0882-6145%2805%2922002-7.
34. Tajfel H. Intergroup Relations, Social Myths and Social Justice in Social Psychology. In H. Tajfel (ed.) *The Social Dimension*. Cambridge: University Press, 1984, pp. 695–714.
35. Tajfel H. Human groups and social categories. *Studies in social psychology*. Cambridge: University Press, 1981. 369 p.
36. Weigert A.J., Gecas V. Symbolic interactionist reflections on Erikson, identity, and postmodernism. *Identity*, 2005. Vol. 5, no. 2, pp. 161–174. doi: 10.1207/s1532706x-id0502_5.

Доминирующие ценности семейной целенаправленности в зависимости от некоторых социально-демографических факторов

Н.В. НОЗИКОВА*,
Хабаровск, Россия, nv_nozikova@bk.ru

В статье изложены данные эмпирического изучения доминирующих ценностей семейной целенаправленности в зависимости от некоторых социально-демографических факторов (пол и наличие/отсутствие своей семьи в соответствии с возрастом). В исследовании участвовали: 50 девушек и 50 юношей 15–18 лет; 50 женщин в возрасте от 21 до 44 лет и 45 мужчин в возрасте от 20 до 42 лет, состоящих в браке и воспитывающих детей. Применялась компьютерная программа Osgood модифицированной методики семантического дифференциала И.Л. Соломина. В соответствии с целью исследования подобраны: 1) категории понятий, относящихся к семейной жизни (люди и группы, события, виды деятельности и идеальные представления); 2) понятия-маркеры, определяющие базовые ценности, этапы жизненного пути, людей, группы людей и отношения к ним, гендерные понятия, занятия и виды деятельности, эмоциональные переживания и события. Выявлена зависимость доминирующих ценностей от фактора пола. Так, у девушек преобладает ценность «моя будущая семья», у юношей — «моя будущая жена». Для мужчин и женщин, воспитывающих детей и состоящих в браке, доминирует общая ценность — «рождение ребенка».

Ключевые слова: семья, целенаправленность, семейная целенаправленность, ценности, пол, возраст, психосемантика.

Проблемы изучения ценностных систем, являющихся основой для формирования цели деятельности, широко освещаются в психологических работах. Семейная целенаправленность представ-

ляет основы социально-обусловленной структуры личности, может свидетельствовать о ее зрелости, стать условием успешной самореализации, что определяет актуальность ее изучения.

Для цитаты:

Нозикова Н.В. Доминирующие ценности семейной целенаправленности в зависимости от некоторых социально-демографических факторов // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 4. С. 56–67. doi:10.17759/sps.2016070404

* *Нозикова Наталья Валентиновна* — кандидат психологических наук, доцент, Тихоокеанский государственный университет (ФГБОУ ВО ТОГУ), Хабаровск, Россия, nv_nozikova@bk.ru

Основные подходы к изучению доминирующих ценностей психосемантической системы семейной целенаправленности

Трансформация общественной жизни в нашей стране оказывает экономическое, правовое, социальное и психологическое воздействие на жизнь российской семьи. В Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 г. определена практическая задача повышения *ценности семейного образа жизни*, сохранения духовно-нравственных основ семейных отношений и семейного воспитания.

Повысить результативность решения указанных задач позволят теоретические и прикладные социально-психологические исследования системного *ценностно-смыслового* содержания индивидуального и общественного сознания, обуславливающего реализацию семейного поведения человека [16–21].

Семейное поведение человека, по определению А.И. Антонова, является социальным поведением с целью заключения брака, рождения и социализации детей в семье, реализации отношений супружества—родительства—родства [2].

Личностный смысл и *цель* осознанной и внутренне оправданной деятельности определяют ведущие, или смыслообразующие, мотивы в иерархическом содержании мотивационной сферы человека, рассмотренной в работах А.Н. Леонтьева [15]. Процесс *образования цели* поведения определяется *доминирующими смыслообразующими мотивами* субъекта, сформированными во взаимосвязи с *ценностными* установками личности и законами общественной жизни [4; 6].

Проблема *ценностной ориентации* (ЦО), или *системы ценностей*, представляет одну из основных составляющих в мировоззрении личности и группы. По определению Н.А. Журавлевой, ЦО есть «... относительно устойчивая, социально обусловленная направленность личности на те или иные цели, имеющие для нее смысложизненное значение, и на определенные способы их достижения, выражающиеся в виде каких-либо личностных качеств, образцов (способов) поведения и являющиеся относительно независимыми от наличных ситуаций» [12, с. 60].

Системы ценностей чувствительны к микро- и макросоциальным факторам особенно на этапе первичной социализации человека. Формирование ЦО происходит под влиянием, прежде всего, семьи, коллектива сверстников и образовательного пространства. Социально-экономические трансформации в обществе детерминируют ресоциализацию личности и ведут к пересмотру ценностных приоритетов на основе объективных или личных обстоятельств [1; 10; 11].

Изучение особенностей ЦО в семейной жизни выделяется в отдельное направление психологических исследований:

— общая активность, характеризующая темперамент человека, также обуславливает приоритет самореализации в трудовой профессиональной деятельности, а также в семье и детях [9];

— фактор наличия или отсутствия детей обладает наибольшим влиянием на систему ценности личности [12];

— эмоциональная ценность материнства и ребенка может рассматриваться как основа ценностно-смыслового блока мотивационно-потребностной сферы женщины [24];

— в ситуации репродуктивного выбора ценность роли матери определяет ценностно-смысловые факторы отношения женщин к аборту [14].

Ценностно-смысловые категориальные системы в сознании человека изучаются опосредованно методами экспериментальной психосемантики, рассматривающей «... формы существования значения в человеческом сознании, ... содержание сознания субъекта, его картину мира, включающую как осознаваемые, так и неосознаваемые пласты ментальности» [22, с. 58].

В нашем исследовании семейно-ориентированной и материнской целенаправленности девушек 15–22 лет, выполненном ранее, с помощью методов психосемантических исследований выявлены доминирующие ценностно-смысловые понятия *моя будущая семья* и *мой будущий ребенок*. Динамика ценностной привлекательности понятий семейной сферы коррелирует с характеристиками наиболее устойчивых особенностей личности и условиями воспитания. Указанные закономерности имеют ценность для планирования и проведения превентивных психологических мер по формированию репродуктивного поведения в последующие периоды онтогенеза [16].

Актуальность продолжения исследования в настоящей работе определяется отсутствием целостного научного знания о закономерностях системной организации психосемантической целостности *семейной целенаправленности* в зависимости от некоторых социально-демографических факторов.

Методология системного исследования позволяет изучить целостные свойства объекта [3] и раскрыть совокупность категорий его организации, включая структурный, функциональный, генетический

и интегративный планы [13]. Системный подход рассматривается как основной в анализе психосемантической системы семейной целенаправленности [18–21].

Изучение *структурной организации* объекта является *определяющим* для системного исследования его природы, включая *содержание*, состав и принципы организации, и реализуется в последовательных этапах эмпирической работы. Одним из них является «определение наличия или отсутствия у системы самостоятельной цели как критерия ее дифференциации от среды» [13, с. 213].

Теоретические исследования и результаты эмпирического анализа [16–21] позволили нам предложить рабочие операциональные понятия с целью изучения доминирующих ценностей семейной целенаправленности, обуславливающих семейное поведение человека.

Понятие *семейная целенаправленность (family purposefulness)* человека характеризует деятельность по достижению общей цели социального семейного поведения и обусловлена целями и мотивами, образованными на основе иерархической ценностной системы его личности и общественных законов.

Психосемантическая система семейной целенаправленности в сознании человека или группы представляет психосемантическую целостность, в которой взаимосодействие доминирующих смыслообразующих ценностей и структурно-функциональных элементов определяет ценностно-смысловое содержание семейной целенаправленности и будет побуждать к поведению, реализующему функцию супружества—родительства—родства.

Роль критерия-дискриминатора системной организации психосемантического объекта в данном исследовании

будет выполнять *семейный семантический критерий*, характеристики которого основаны на специфике обобщенной, общесистемной цели — заключение брака, рождение и социализация детей в семье.

Гипотеза допускает, что исследование психосемантической системы позволит выявить доминирующие ценности семейной целенаправленности и выполнить их анализ в зависимости от социально-демографических факторов пола и наличия/отсутствия своей семьи в соответствии с возрастом. Для ее верификации необходимо выполнить следующие эмпирические задачи:

1) исследовать систему ценностно-смысловых категорий и на основе семейного семантического критерия выявить доминирующие ценности, определяющие семейную целенаправленность;

2) провести сравнительный анализ доминирующих ценностей семейной целенаправленности на основе факторов пола и наличия/отсутствия своей семьи в соответствии с возрастом.

Программа исследования

Выборку составили всего 195 участников:

— учащиеся X–XI классов в возрасте от 15 до 18 лет, в том числе 50 девушек, средний возраст 16.5 лет, и 50 юношей, средний возраст 16.4 лет (на базе образовательных учреждений МБОУ СОШ № 30, № 32, № 80, гимназии № 3 имени М.Ф. Панькова, лицея «Ступени» г. Хабаровска);

— 50 женщин 21–44 лет, средний возраст 32.5 лет, и 45 мужчин в возрасте от 20 до 42 лет, средний возраст 31.5 лет, состоящие в браке и воспитывающие детей

(на базе заочного отделения и факультета дополнительного образования Дальневосточного государственного гуманитарного университета, г. Хабаровск).

Исследование проводилось с января по май 2014 г. в очной групповой форме во время, отведенное для этого администрацией учебных заведений. Респондентам предлагалось принять участие в изучении представлений о семье в современном обществе и анонимно ответить на вопросы методик исследования и анкеты «Моя семья», составленной нами для социально-демографического анализа групп. Мужчинам и женщинам, состоящим в браке, предлагалось привлечь к исследованию супругов. Для них передавался конверт с пакетом методик, который после заполнения возвращался запечатанным. Показатели объективных социально-демографических характеристик выборки представлены в табл. 1.

Социально-демографический анализ состава групп показал, что участники имели опыт семейной, супружеской жизни и воспитания детей.

Методики. Исследование семейной социально-психологической целенаправленности выполнено с помощью компьютерной программы *Osgood* для модифицированного варианта методики семантического дифференциала (СД) в пакете методик психосемантической диагностики мотивации (ПДМ), разработанного И.Л. Соломиным. Респондент с помощью 18 шкал оценивает по факторам ценности, потенции и активности предложенные понятия о видах и условиях деятельности, о целях и задачах, ценностях и потребностях, которые могут быть общими или особыми для некоторых категорий людей [23].

Таблица 1

Характеристика выборки, сформированной с целью изучения психосемантической системы семейной целенаправленности

Социально-демографические характеристики групп	Девушки	Юноши
Выросли в полных семьях	57 %	56 %
Матери, вступившие в повторный брак	19 %	11 %
Отцы, вступившие в повторный брак	2 %	5 %
Воспитывались одной матерью	19 %	21 %
Воспитывались одним отцом	1 %	3 %
Проживали с бабушкой и дедушкой	2 %	3 %
Воспитывались опекуном	–	1 %
	Женщины	Мужчины
Состояли в регистрируемом браке	84 %	81.2 %
Не регистрировали брак	16 %	18.8 %
Продолжительность брака:		
– более 1 года,	25 %	33 %
– более 5 лет,	28 %	19 %
– более 10 лет,	20 %	21 %
– более 15 лет,	22 %	25 %
– более 20 лет	5 %	2 %
Воспитывали от одного до семи детей	84 %	82 %
Не имели детей	16 %	18 %
Планировали рождение детей в будущем	88 %	85 %

В соответствии с целью работы нами модифицирован принцип формирования списка понятий, предъявляемых для оценки. Респонденты оценивали всего 38 понятий, из них 17 понятий подобраны нами и представляют различные категории, относящиеся к семейной жизни, в том числе:

– *семейственность* (люди и группы, события, виды деятельности, связанные с семейной жизнью, и идеальные представления): моя мать; мой отец; моя родительская семья; мой будущий муж (моя будущая жена); моя семья (моя будущая семья); вступление в брак; материнство (отцовство); беременность; рождение ребенка; мой ребенок (мой будущий ребенок); уход за ребенком; воспитание ребенка; работа

по дому; развод; идеальная мать; идеальный отец; идеальная семья.

Кроме того, в список включены 21 понятие-маркер, определяющие следующие категории:

– *базовые ценности*: мое увлечение, интересное занятие, материальное благополучие;

– *этапы жизненного пути*: мое прошлое, мое настоящее, мое будущее;

– *люди, группы людей и идеальные представления о них*: мои друзья, какой я на самом деле (какая я на самом деле), каким я хочу быть (какой я хочу быть), женщина, мужчина;

– *занятия и виды деятельности*: свободное время, отдых, моя работа, моя учеба, моя профессия, секс;

– *эмоциональные переживания и события*: радость, удача, угроза, страх.

Методы анализа данных основаны на применении программы *Osgood*, которая выполняет расчет среднего арифметического значения и стандартного отклонения по факторам ценности, потенции и активности для каждого из предложенных испытуемому понятий. Показатели стандартного отклонения выявляют устойчивость оценок понятия по фактору ценности для респондента и косвенно свидетельствуют о степени их надежности. Стандартное отклонение выше 2,0 указывает на затруднения респондента в оценке и сниженную надежность полученных результатов, а стандартное отклонение, равное нулю, говорит о ригидности респондента в оценочной деятельности или о нежелании быть откровенным [23].

В настоящем исследовании показатели стандартного отклонения результатов оценки по фактору ценности понятий для групп, представленные в Приложении, не превысили 1,16 единиц, что подтвердило их надежность. Достоверность результатов обеспечивалась репрезентативностью и объемом выборки.

Результаты исследования

Для решения первой эмпирической задачи рассмотрим иерархию ценностно-

смысловых категорий в сознании участников исследования.

В классической процедуре семантического дифференциала, предложенной Ч. Осгудом, оценка набора понятий испытуемым проводится с помощью трех универсальных семантических факторов. Первый — *фактор ценности* — отражает эмоциональную привлекательность и ценность объекта [23; 25].

Дифференцированный анализ рангов понятий на основе средних оценок фактора ценности в полученных результатах (Приложение) показал, что для девушек максимальные оценки имеет понятие *моя будущая семья*, для юношей — *моя будущая жена* и *отдых*, а для женщин и мужчин — *рождение ребенка*.

Следовательно, из 38 предложенных для оценки понятий разных категорий *доминирующей ценностью* обладали четыре понятия. В соответствии с семейным семантическим критерием три из них: «моя будущая семья», «моя будущая жена» и «рождение ребенка», относятся к семейной сфере жизни. Результаты изучения доминирующих ценностей представлены в табл. 2.

Для решения второй эмпирической задачи выполним сравнительный анализ доминирующих ценностей семейной целенаправленности для групп респон-

Таблица 2

Доминирующие ценности семейной целенаправленности в зависимости от пола и возраста респондентов

Группа	Доминирующая ценность	Средние значения	Стандартные отклонения
Девушки 16–18 лет	Моя будущая семья	6,67	0,47
Женщины 21–44 лет	Рождение ребенка	6,83	0,37
Юноши 16–18 лет	Моя будущая жена	6,50	0,50
	Отдых	6,50	0,50
Мужчины 20–42 лет	Рождение ребенка	6,67	0,47

дентов в зависимости от факторов пола и наличия/отсутствия своей семьи в соответствии с возрастом.

Сравнение полученных результатов по фактору пола показывает, что в юношеском возрасте доминирующие ценности семейной целенаправленности респондентов различаются. Так, для девушек наибольшей ценностью обладает понятие «моя будущая семья», для юношей преобладает ценность «моя будущая жена», а для женщин и мужчин, состоявших в браке и воспитывавших детей, доминирует общая смысловая ценность «рождение ребенка».

Следовательно, доминирующие ценности семейной целенаправленности в сознании женщин в юности побуждают их к созданию своей будущей семьи, а в зрелости — к рождению ребенка; у мужчин в юности формируют цель поиска будущей супруги, а в зрелости определяют их целенаправленность в семейной жизни на рождение детей.

Сравнительный анализ результатов по фактору наличия/отсутствия своей семьи в соответствии с возрастом испытуемых выявил следующие изменения доминирующих ценностей семейной сферы. Так, преобладание ценности «моя будущая семья» у девушек 16–18 лет, определяющей цель создания в будущем своей семьи, сменяется предпочтением ценности события «рождение ребенка» у женщин, состоящих в браке и воспитывающих детей. На смену приоритета ценности «моя будущая жена» для юношей 16–18 лет приходит ценность «рождение ребенка» у мужчин, состоящих в браке и воспитывающих детей.

Следовательно, в юношеском возрасте формируется целенаправленность на свою семейную жизнь, побуждающая юношей к выбору будущей супруги, а девушек — к

созданию своей будущей семьи. В зрелости, при условии реализации семейной жизни, у женщин и у мужчин доминирует единая цель — рождение ребенка.

Таким образом, исследование позволило выявить изменения доминирующих смыслообразующих ценностей в психосемантических комплексах, определяющих семейную целенаправленность, в зависимости от пола и наличия/отсутствия своей семьи в соответствии с возрастом респондентов.

Выводы

Современные проблемы семейного института и общее направление научных исследований определяют актуальность изучения доминирующих смыслообразующих ценностей семейной целенаправленности в зависимости от некоторых социально-демографических факторов (пол, наличие/отсутствие своей семьи в соответствии с возрастом). Полученные в нашем исследовании результаты выявили следующее:

— доминирующими смыслообразующими ценностями психосемантических комплексов семейной целенаправленности являются понятия «моя будущая семья», «моя будущая жена» или «рождение ребенка»;

— в зависимости от пола респондентов в юношеском возрасте различаются доминирующие ценности комплексов семейной целенаправленности. Преобладание ценности «моя будущая семья» для девушек побуждает их к образованию семейной социально-психологической общности. Приоритет ценности «моя будущая жена» у юношей ориентирует их на поиск супруги для будущей семейной жизни;

– независимо от фактора пола для респондентов, состоящих в браке и воспитывающих детей, единой доминирующей ценностью является событие семейной жизни – рождение ребенка;

– в зависимости от фактора наличие/отсутствие своей семьи в соответствии с возрастом ценность понятия «*моя будущая семья*» для девушек 16–18 лет сменяется ценностью семейного события «*рождение ребенка*» для женщин, состоящих в браке и воспитывающих детей. Предпочтение ценности «*моя будущая жена*» для юношей сменяется ценностью «*рождение ребенка*» для мужчин, состоящих в браке и воспитывающих детей.

Следовательно, «*семейная целенаправленность*» определяется процессами целеобразования поведения, связанного

с семейной жизнью, которое формируется при взаимодействии с *доминирующими смыслообразующими ценностями* «*моя будущая семья*», «*моя будущая жена*» или «*рождение ребенка*» в зависимости от пола и наличия/отсутствия семьи в соответствии с возрастом.

Полученные в исследовании результаты позволят в дальнейшем раскрыть структурно-уровневую и функциональную организацию психосемантической целостности семейной целенаправленности, проявляющейся в семейном поведении человека, а также разработать методы развития рефлексивности с целью формирования ценностно-смысловых категориальных структур в сознании [5; 7; 8 и др.], в том числе и в отношении семейной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авдулова Т.П.* Социализация ребенка в пространстве семьи [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 31. С. 9. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 09.01.2015).
2. *Антонов А.И.* Микросоциология семьи. М.: ИНФРА-М, 2009. 368 с.
3. *Блауберг И.В., Юдин Э.Г., Садовский В.Н.* Системный подход // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Сост. и общ. ред. И.Т. Касавин. М.: «Канон+» при РООИ «Реабилитация», 2009. С. 869–870.
4. *Борзенков В.Г.* Функция. Цель. Целенаправленность // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Сост. и общ. ред. И.Т. Касавин. М.: «Канон+» при РООИ «Реабилитация», 2009. С. 1106–1113.
5. *Борзова Т.В.* Нарративное понимание субъектом себя и окружающей действительности в процессе обучения // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17. № 1–1. С. 72–78.
6. *Васильев И.А.* Целеобразование // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Сост. и общ. ред. И.Т. Касавин. М.: «Канон+» при РООИ «Реабилитация», 2009. С. 1113–1114.
7. *Вязникова Л.Ф., Улитенко Т.В.* Соотношение значимости и доступности ценностных ориентаций у студентов гуманитарных вузов // Педагогическое образование и наука. 2011. № 5. С. 60–64.
8. *Долгих Н.П.* Рефлексивная культура как основа безопасности профессиональной деятельности // Проблемы высшего образования. 2012. № 1. С. 80–82.

9. *Дубов И.Г., Толстых Н.Н.* Связь жизненных целей людей и их активности // Социальная психология и общество. 2011. № 2. С. 37–51.
10. *Елизаров С.Г.* Мотивационно-ценностная включенность малой группы в социальную систему (систему групп) различных типов (на примере исследования молодежных учебных групп): автореф. ...докт. психол. наук. Курск, 2010. 51 с.
11. *Журавлев А.Л., Дробышева Т.В.* Влияние раннего экономического образования на ценностные ориентации младших школьников // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 1. С. 181–190.
12. *Журавлева Н.А.* Ценностные ориентации личности с разным семейным статусом // Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций. М.: Изд-во Институт психологии РАН, 2001. С. 60–76.
13. *Карпов А.В.* Психология сознания: метасистемный подход. М.: РАО, 2011. 1088 с.
14. *Клюева Н.В., Руновская Е.Г.* Особенности ценностно-смысловой сферы женщин фертильного возраста с различным типом отношения к аборту // Вестник Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2013. № 3. С. 86–90.
15. *Леонтьев А.Н.* Очерк развития психики // А.Н. Леонтьев. Избранные психологические произведения: в 2 т. Т. I. М.: Педагогика, 1983. 392 с.
16. *Нозикова Н.В.* Материнская и семейно-ориентированная направленность девушек 15–22 лет: автореф. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2005. 24 с.
17. *Нозикова Н.В.* Становление семейно-ориентированной и материнской направленности девушек-студенток // Психологическая наука и образование. 2009. № 1. С. 90–97.
18. *Нозикова Н.В.* Психосемантический подход в исследованиях семейной и материнской направленности девушек 15–17 лет // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10. № 2. С. 69–77.
19. *Нозикова Н.В.* Доминирующие ценности семейной целенаправленности // Российский психологический журнал. 2015. Т. 12. № 3. С. 89–104.
20. *Нозикова Н.В.* Структурный анализ психосемантической системы семейной социально-психологической целенаправленности // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 4. С. 44–54.
21. *Нозикова Н.В.* Анализ психосемантической системы семейной целенаправленности у мужчин // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 2. С. 69–79.
22. *Петренко В.Ф.* Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2010. 440 с.
23. *Соломин И.Л.* Методика психосемантической диагностики мотивации (ПДМ). СПб.: Речь. 2011. 10 с.
24. *Филитпова Г.Г.* Психология материнства. М.: Институт психотерапии, 2002. 240 с.
25. *Osgood Ch.E., Suci G.J., Tannenbaum P.H.* The measurement of meaning. Urbana etc.: Univ. of Illinois press, 1967. 346 p.

Dominant values of family purposefulness depending on some socio-demographic factors

N. V. NOZIKOVA*,
Khabarovsk, Russia, nv_nozikova@bk.ru

The article presents the data of the empirical study of the dominant values of family purposefulness, depending on several socio-demographic factors (sex, and the presence / absence of his family according to the age). 50 girls and 50 boys of 15–18 age participated in the research; 50 women of 21–44 age and 45 men of 20–42 age, who are married and have children. Computer program Osgood of semantic differential technique modified by I.L. Solomina was applied. According to the purpose of the study there are chosen: 1) category of concepts related to the family life (people and groups, events, activities and ideal representation); 2) the concept of markers defining the basic values, stages of life, people, groups of people and attitude to them, gender concepts, activities, emotional feelings and events. It is brought out the dependence of the dominant values from sex factor. So, the girls have the dominance of the value concept “my future family”, the young men — “my future wife”. “The birth of a child” is the general dominant value for male and female, who are married and have children.

Keywords: family, purposefulness, family purposefulness, values, gender, age, psychosemantics.

REFERENCES

1. Avdulova T.P. Sotsializatsiya rebenka v prostranstve sem'i [The socialization of the child in the family space]. *Psikhologicheskie issledovaniya [Psychological research (Russia)]*, 2013, Vol. 6, no. 31. pp. 9. URL: <http://psystudy.ru> (Acctssed 09.01.2015). (In Russia).
2. Antonov A.I. Mikrosotsiologiya sem'I [Family microsociology]. Moscow: INFRA-M Publ., 2009. 368 p. (In Russia).
3. Blauberg I.V., Yudin E.G., Sadovskii V.N. Sistemnyi podkhod [Systems approach]. In I.T. Kasavin (ed.). *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki [Encyclopedia of epistemology and philosophy of science]*. Moscow: “Kanon+” pri ROOI Reabilitatsiya Publ., 2009, pp. 869–870. (In Russia).
4. Borzenkov V.G. Funktsiya. Tsel'. Tselenapravlennost' [Function. Goal. Purposefulness]. In I.T. Kasavin (ed.). *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki [Encyclopedia of*

For citation:

Nozikova N.V. Dominant values of family purposefulness depending on some socio-demographic factors. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2016. Vol. 7, no. 4, pp. 56–67. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2016070404

* Nozikova Natalia V. — PhD (Psychology), lecturer of the Pacific National University, Khabarovsk, Russia, nv_nozikova@bk.ru

- epistemology and philosophy of science*]. Moscow: “Kanon+” ROOI Reabilitatsiya Publ., 2009, pp. 1106–1113. (In Russian).
5. Borzova T.V. Narrativnoe ponimanie sub”ektom sebya i okruzhayushchei deistvitel’nosti v protsesse obucheniya [Narrative understanding of the subject itself and the surrounding reality in the learning process]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Russia)]*, 2015, Vol. 17, no. 1–1, pp. 72–78. (In Russian).
6. Vasil’ev I.A. Tseleobrazovanie [Goal formation]. In I.T. Kasavin (ed.). *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki [Encyclopedia of epistemology and philosophy of science]*. Moscow: “Kanon+” pri ROOI Reabilitatsiya Publ., 2009, pp. 1113–1114. (In Russian).
7. Vyaznikova L.F. Ulitenko T.V. Sootnoshenie znachimosti i dostupnosti tsennostnykh orientatsii u studentov gumanitarnykh vuzov [The ratio of the value and availability of valuable orientations at students of liberal arts colleges]. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka [Teacher education and science (Russia)]*, 2011, no. 5, pp. 60–64. (In Russian).
8. Dolgikh N.P. Refleksivnaya kul’tura kak osnova bezopasnosti professional’noi deyatel’nosti [Reflective culture as a basis of professional work safety]. *Problemy vysshego obrazovaniya [Higher Education Challenges (Russia)]*, 2012, no. 1, pp. 80–82. (In Russian).
9. Dubov I.G., Tolstykh N.N. Svyaz’ zhiznennykh tselei lyudei i ikh aktivnosti [Contact life goals of people and their activities]. *Sotsial’naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society (Russia)]*, 2011, no. 2, pp. 37–51. (In Russian; abstract in English).
10. Elizarov S.G. Motivatsionno-tsennostnaya vklyuchennost’ maloi gruppy v sotsial’nyuyu sistemu (sistemu grupp) razlichnykh tipov (na primere issledovaniya molodezhnykh uchebnykh grupp): avtoref. ...doktora psikholog. nauk [Motivatsionno-tsennostnaya vklyuchennost’ maloi gruppy v sotsial’nyuyu sistemu (sistemu grupp) razlichnykh tipov (na primere issledovaniya molodezhnykh uchebnykh grupp). Dr. Sci. (Psychology) thesis]. Kursk, 2010. 51 p. (In Russian).
11. Zhuravlev A.L., Drobysheva T.V. Vliyaniye rannego ekonomicheskogo obrazovaniya na tsennostnye orientatsii mladshikh shkol’nikov [Effect of early economic education on the value orientation of younger schoolboys]. *Znanie. Ponimanie. Umenie. [Knowledge. Understanding. Skill. (Russia)]*, 2012, no. 1, pp. 181–190. (In Russian).
12. Zhuravleva N.A. Tsennostnye orientatsii lichnosti s raznym semeinym statusom [Valuable orientations of the person with a different marital status]. *Psikhologiya sovmestnoi zhiznedeyatel’nosti malykh grupp i organizatsii [Psychology of life together small groups and organizations (Russia)]*. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 2001. pp. 60–76. (In Russian).
13. Karpov A.V. Psikhologiya soznaniya: metasistemnyi podkhod [Psychology of Consciousness: The metasytem approach]. Moscow: RAO Publ., 2011. 1088 p. (In Russian).
14. Klyueva N.V., Runovskaya E.G. Osobennosti tsennostno-smyslovoi sfery zhenshchin fertil’nogo vozrasta s razlichnym tipom otnosheniya k abortu [Features of the value-semantic sphere of women of childbearing age with a different type of relationship to abortion]. *Vestnik Yaroslavl’skogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Seriya Gumanitarnye nauki [Bulletin of the Yaroslavl State University. PG Demidov. Series Humanities (Russia)]*, 2013, no. 3, pp. 86–90. (In Russian).

15. Leont'ev A.N. Oчерk razvitiya psikhiki [Mental development Essay]. *Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya: V 2-kh t. T. I* [Selected psychological works.: In 2 vols. Vol. I.]. Moscow: Pedagogika Publ., 1983. 392 p. (In Russian).
16. Nozikova N.V. Materinskaja i semejno-orientirovannaja napravlennost' devushek 15–22 let: Avtoref. diss. kand. psihol. nauk [Parent and family-focused orientation of girls 15–22 years. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Jaroslavl', 2005. 24 p. (In Russian).
17. Nozikova N.V. Stanovlenie semejno-orientirovannoj i materinskoj napravlennosti devushek-studentok [Becoming a family-oriented and parent orientation female students]. *Psihologicheskaja nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education (Russia)], 2009, no. 1, pp. 90–97. (In Russ., Abstr. in Engl.)
18. Nozikova N.V. Psikhosemanticheskii podkhod v issledovaniyakh semeinoi i materinskoj napravlennosti devushek 15–17 let [Psychosemantic approach in studies of family and parent orientation of girls 15–17 years old]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology (Russia)], 2014, Vol. 10, no. 2, pp. 69–77. (In Russ., Abstr. in Engl.)
19. Nozikova N.V. Dominiruyushchie tsennosti semeinoi tselenapravlenosti [Dominant values family focus]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal* [Russian psychological journal (Russia)], 2015, Vol. 12, no. 3, pp. 89–104. (In Russian).
20. Nozikova N.V. Strukturnyi analiz psikhosemanticheskoi sistemy semeinoi sotsial'no-psikhologicheskoi tselenapravlenosti [Structural analysis psycho-semantic system of family socio-psychological focus]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology (Russia)], 2015, Vol. 11, no. 4, pp. 44–54. (In Russ., Abstr. in Engl.)
21. Nozikova N.V. Analiz psikhosemanticheskoi sistemy semeinoi tselenapravlenosti u muzhchin [Analysis psychosemantic systems family focus in men]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology (Russia)], 2016, Vol. 12, no. 2, pp. 69–79. (In Russ., Abstr. in Engl.)
22. Petrenko V.F. Mnogomernoe soznanie: psihosemanticheskaja paradigm [Multidimensional consciousness: psychosemantic paradigm]. Moscow: Novyj hronograf Publ., 2010. 440 p. (In Russian).
23. Solomin I.L. Metodika psihosemanticheskoy diagnostiki motivacii (PDM) [Methods psychosemantic diagnostic motivation (VSD)]. Sankt-Peterburg: Rech' Publ., 2011. 10 p. (In Russian).
24. Filippova G.G. Psikhologiya materinstva [Psychology of motherhood]. Moscow: Institut Psikhoterapii Publ., 2002. 240 p. (In Russian).
25. Osgood Ch.E., Suci G.J., Tannenbaum P.H. The measurement of meaning. Urbana etc.: Univ. of Illinois press, 1967. 346 p.

Проявления кризиса трех лет в связи с особенностями детско-родительского взаимодействия

Ю.Ю. УЛАНОВА*,
Всеволожск, Россия, yuliya_ulanova@list.ru

В.Е. ВАСИЛЕНКО**,
Санкт-Петербург, Россия, v.vasilenko@spbu.ru

Статья посвящена анализу предикторов кризиса трех лет у детей в области детско-родительского взаимодействия (стилевые характеристики воспитания, особенности эмоционального взаимодействия матерей с детьми, характеристики семейной адаптации и сплоченности). В исследовании участвовали 117 детей (65 мальчиков и 52 девочки) и 117 их матерей из Всеволожского района Ленинградской области. Возраст детей — от 2 лет 1 мес. до 3 лет 11 мес., средний возраст — 3 года. Применялись психодиагностические методы и метод наблюдения. Выявлено, что период от 2 лет 1 мес. до 2 лет 9 мес. характеризуется признаками предкризисной фазы, критическая фаза отмечается после 2 лет 10 мес. Кризис трех лет более выражен при низком эмоциональном принятии ребенка, воспитательной неуверенности матерей, незрелости родительских чувств, потворствующей гиперпротекции, незрелости эмоционального поведения матерей при реальном взаимодействии с детьми. В то же время кризисные проявления могут быть выражены и при благополучии в семейном функционировании и эмоциональном взаимодействии (семейная сплоченность, чувствительность матери к ребенку), что подтверждает нормативность кризиса трех лет.

Ключевые слова: кризис трех лет, проявления и симптомы кризиса трех лет, семья, детско-родительское взаимодействие, стилиевые характеристики воспитания, эмоциональное взаимодействие матерей с детьми, семейная сплоченность.

Для цитаты:

Уланова Ю.Ю., Василенко В.Е. Проявления кризиса трех лет в связи с особенностями детско-родительского взаимодействия // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 4. С. 68–82. doi:10.17759/sps.2016070405

* Уланова Юлия Юрьевна — педагог-психолог высшей категории, МОУ «Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи» Всеволожского района Ленинградской области, Всеволожск, Россия, yuliya_ulanova@list.ru

** Василенко Виктория Евгеньевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития и дифференциальной психологии факультета психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Россия, v.vasilenko@spbu.ru

В период прохождения ребенком возрастного кризиса вся семейная система испытывает определенную напряженность. Психологическое сопровождение семьи в кризисные периоды приобретает особую актуальность в современных условиях глобализирующегося, трансформирующегося мира [14], размывания нормативных моделей родительства [12]. Прохождение возрастных кризисов тесно вплетено в социокультурный контекст, так как именно общество создает образ взрослости у ребенка, а также определяет запреты и табу, без которых сложно понять суть кризисных проявлений. Семья — это именно та малая социальная группа, которая может создать баланс в сохранении традиций и определенной гибкости в современном изменяющемся мире.

Следует отметить, что в отечественной психологии можно выделить разные подходы к пониманию кризисных проявлений. В рамках культурно-исторической концепции подчеркивается нормативность возрастного кризиса. В качестве основных причин его возникновения рассматриваются внутренние и внешние механизмы: появление психических новообразований, запускающих смену социальной ситуации развития. Возрастной кризис сопровождается изменением поведения ребенка, нередко создающим проблемы во взаимоотношениях с родителями и другими членами семьи [4].

А.Н. Леонтьев, А.В. Запорожец и Н.А. Менчинская придерживались противоположной точки зрения. Они делали акцент на внешних причинах кризиса и полагали, что кризиса можно избежать, правильно подбирая педагогические воздействия на ребенка. Так, А.Н. Леонтьев считал, что кризис — это свидетельство

несовершившегося своевременно перелома в развитии [8].

Позиция Д.Б. Эльконина объединяет обе эти линии. Он включает кризисы в схему периодизации психического развития, что указывает на их нормативность. В то же время он полагает, что появление возрастных кризисов связано с таким отношением взрослых к ребенку, которое препятствует реализации им своих новых возможностей [15].

Т.В. Гуськова разделяет «объективный» кризис — появление качественного нового в психике ребенка и «субъективный кризис» — общую картину сопровождающих его симптомов [7]. С этой точки зрения, нормативной конструктивной составляющей кризиса не обязательно будет сопутствовать негативистская составляющая.

К.Н. Поливанова делает следующий шаг — она рассматривает кризис как единство деструктивного и конструктивного компонентов, показывая психологический смысл всех категорий симптомов, включая негативистские. Психологическое содержание кризиса — субъективация способностей, сформировавшихся в предшествующий стабильный период. Кризис — это специфическое психологическое пространство, в котором совершается акт развития, так как субъект приобретает новое видение ситуации. Механизм кризиса — проба, которая выражается в появлении новых форм поведения, т. е. симптомов кризиса [11].

Анализ возрастного кризиса традиционно включает изучение психических новообразований и симптомов кризиса — новых поведенческих реакций [4; 1; 15; 7; 11]. Для кризиса трех лет характерно «семизвездье» негативистских симптомов, также возможны невротические реакции [4]. К конструктивной составляющей

ющей кризиса относят новое системное образование, связанное с возникновением слова «Я», как старт развития самосознания [1], личное действие и сознание «Я сам» [15], «гордость за достижения» [7], «Я-действующий» [11]. Кризис трех лет предполагает кардинальную перестройку личности ребенка и системы взаимоотношений в семье.

Следует отметить, что понятие возрастного кризиса, несмотря на описание кризисной симптоматики у детей еще в работах Э. Келлер и Ш. Бюллер, в целом не приобрело популярности в европейской и американской психологии. Иногда термины «кризис развития» или «конфликт развития» используют применительно к модели восьми возрастов Э. Эриксона [17], но в ней речь идет скорее о стабильных периодах, сензитивных к определенным воздействиям извне. К возрастным кризисам в этой модели можно отнести только второй период, по содержанию близкий к кризису трех лет и частично пятый, включающий в себя проблемы подросткового и юношеского кризисов.

Анализ зарубежных публикаций, проведенный Т.М. Марютиной [10] и Т.В. Гуськовой [7], выявил существенное различие в значении встречающихся в них понятий «critical periods» и «critical points» с понятиями «возрастной кризис» и «кризис развития», принятыми в отечественной психологии. Так, Г. Бронсон, А. Кларк, Дж. Скотт и др. авторы используют эти термины в значении «сензитивный», «ранимый», «пластичный».

Упомянутые периоды повышенной чувствительности детей, в которые проявляются упрямство, негативизм и непослушание, имеют по сравнению с отечественными периодизациями другие возрастные границы. Так, по мнению

Б.Л. Уайта [16] и С. Вульф [19], они соответствуют возрасту 2 и 5 лет. В современных публикациях, посвященных именно трехлетним детям, описываются развитие самосознания, речи, эмпатии и фантазии у детей, появление воображаемых друзей, проблемы во взаимоотношениях в семье, эмоциональные реакции детей без указания на кризисность этого периода [18]. Тем не менее, суть происходящих изменений имеет много сходства с содержанием кризиса трех лет. В связи с этим интересны данные кросскультурного исследования, показавшие сходство в протекании кризиса трех лет у российских и китайских детей [2].

Несмотря на неоднозначность трактовки понятия возрастного кризиса в мировой науке и различные представления о его нормативности, в большинстве концепций признается роль семьи для благополучного протекания этого периода у ребенка. Так, в модели Э. Эриксона в период от двух до трех лет роль родителей оказывается ведущей для формирования у ребенка такого важного личностного новообразования, как автономия [17]. По мнению С. Вульф, пути выхода из кризиса связаны с преодолением стрессовой для ребенка ситуации, обостряющей его взаимоотношения с окружающими [19].

Признание нормативности возрастного кризиса не снимает актуальности проблемы влияния семейного воспитания на его протекание у ребенка. Новое поведение ребенка и кризис системы отношений требуют от родителей умения перестроиться. Так, Д.Б. Эльконин подчеркивает важность создания взрослыми таких условий, чтобы ребенок мог проявить свои новые возможности [15]. Т.В. Гуськова выделяет наряду с внутренними противоречиями в период кризиса внешние — между ребенком и его

социальным окружением [7]. К.Н. Поливанова отмечает, что для взрослого этот период оказывается кризисом собственной системы воспитания, и выделяет два этапа, которые проходят родители: этап усиления прежних воспитательных воздействий и этап поиска новых способов взаимодействия с детьми. При этом она подчеркивает, что ужесточение запретов, как и другая крайность — попустительствование, не отвечают задачам развития ребенка в кризисный период [11].

Проведенное нами эмпирическое исследование подтвердило прохождение этапа усиления прежних воспитательных воздействий — в кризисные периоды у матерей отмечается повышение гиперпротекции и запретов, снижение эмоционального фона отношений с детьми. Также было выявлено, что благополучие в эмоциональном взаимодействии и отсутствие незрелых стилевых характеристик воспитания у родителей взаимосвязаны с большей выраженностью у ребенка конструктивных симптомов кризиса трех лет и снижением негативистских симптомов и невротических реакций [5].

Таким образом, залог благополучного протекания возрастного кризиса у ребенка — умение родителей перестроиться и найти новые воспитательные воздействия. Несмотря на практическую значимость данной темы, эмпирических исследований в этой области явно недостаточно.

Цель нашего исследования — выявление предикторов кризиса трех лет в области детско-родительского взаимодействия. В нашем исследовании термин «детско-родительское взаимодействие» — обобщающий конструкт, включающий стилевые характеристики воспитания, особенности эмоционального взаимодействия матерей с детьми, а

также характеристики семейной адаптации и сплоченности.

Следует отметить, что новизна нашего подхода заключалась в использовании наряду с опросниками метода наблюдения за реальным взаимодействием детей и матерей в кризисный период.

Основная гипотеза исследования: в качестве предикторов кризиса трех лет у детей могут выступать особенности детско-родительского взаимодействия, прежде всего, стилевые характеристики воспитания, связанные с последовательностью и строгостью матерей в воспитании, а также эмоциональное принятие ребенка, семейная адаптация и сплоченность семьи. Признавая нормативность возрастного кризиса, мы полагаем, что неустойчивость стиля воспитания, воспитательная неуверенность матерей, крайности в плане контроля (как недостаточная, так и чрезмерная строгость) могут увеличивать кризисные проявления. В то же время благополучная семейная атмосфера может способствовать некоторому снижению кризисных проявлений.

Программа исследования

Выборка. Исследование проводилось в 2014 г. на базе МОУ «ЦППМ и СП» Всеволожского района Ленинградской области. В исследовании приняли участие 117 детей (65 мальчиков и 52 девочки) в возрасте от 2 лет 1 мес. до 3 лет 11 мес. и 117 их матерей. По фактору возраста выборка была разбита на 3 микровозрастные группы: 1) 2 года 1 мес. — 2 года 9 мес. (45 детей); 2) 2 года 10 мес. — 3 года 6 мес. (44 ребенка); 3) 3 года 7 мес. — 3 года 11 мес. (28 детей). Средний возраст детей — 3 года. 67 детей имеют сиблингов, 50 — единственные

дети в семье; 100 семей — полные и 17 — неполные.

Методы исследования: опросник выраженности симптомов кризиса трех лет В.Е. Василенко [3], анкета проявлений кризиса трех лет у детей Т.В. Гуськовой [7] в модификации В.Е. Василенко, опросник «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ) Э.Г. Эйдемиллера и В.В. Юстицкиса для родителей детей в возрасте 3–10 лет, опросник детско-родительского эмоционального взаимодействия (ОДРЭВ) Е.И. Захаровой [9], шкала семейной адаптации и сплоченности (FACES-3) Д.Х. Олсона, Дж. Портнера, И. Лави в адаптации Э.Г. Эйдемиллера [13], а также специально разработанные для данного исследования карты наблюдения за детьми на основе содержания шкал опросников АСВ и ОДРЭВ. Так, карта наблюдения по АСВ включает 6 шкал: уровень протекции в процессе воспитания (гипоопека–гиперопека), степень удовлетворения потребностей ребенка (игнорирование–потворствование), недостаточная требовательность–чрезмерная требовательность родителя, недостаточность запретов–чрезмерность запретов, недостаточность санкций–чрезмерность санкций и неустойчивость стиля воспитания. Карта наблюдения по ОДРЭВ включает все шкалы опросника. По каждой шкале от 1 до 5 баллов оценивались 2 позиции: 1) взаимодействие с ребенком в процессе совместного выполнения заданий на занятиях и 2) взаимодействие до или после занятий (в раздевалке). Затем подсчитывалось среднее значение. Таким образом, максимальное значение по каждой шкале — 5 баллов. Наблюдение проводили два эксперта: психологи или психолог и воспитатель.

Математическая обработка данных осуществлялась с помощью программы

IBM SPSS Statistics 20: описательная статистика; дисперсионный анализ по факторам «возраст» и «пол», факторный анализ, регрессионный анализ.

Результаты исследования

Проявления кризиса трех лет у детей

Данные опросника В.Е. Василенко показывают, что кризис трех лет у детей данной выборки в целом выражен умеренно (общий показатель — 36%, 39% и 42% в первой, второй и третьей микровозрастных группах). Во всех микровозрастных группах наиболее выражена категория конструктивных симптомов (56%, 66% и 69%), затем идет категория негативистских симптомов (44%, 45% и 50%), на третьем месте по выраженности — категория невротических реакций (15%, 18% и 18%). Из отдельных симптомов кризиса в целом по выборке наиболее выражены изменение отношения к предметному миру и к значимому взрослому, упрямство, строптивость и своеволие.

Значимые различия между микровозрастными группами выявлены по конструктивной категории симптомов: во второй и третьей группах кризис более выражен, чем в первой ($p < 0,01$). Значимых различий в общих показателях кризиса у мальчиков и девочек не выявлено.

Результаты анкеты Т.В. Гуськовой подтверждают преобладание конструктивных проявлений кризиса у детей всех микровозрастных групп ($M=9,96$; $M=11,32$; $M=11,93$) по сравнению с негативистскими проявлениями ($M=8,24$; $M=8,86$; $M=9,93$). Из отдельных проявлений кризиса в целом по выборке наиболее выражены стремление к самосто-

тельности, появление в речи символов «Я», «хочу/не хочу», «буду/не буду», новых форм поведения, фантазирования и новых ролей, увеличение частоты эмоциональных проявлений.

Общий показатель кризиса более выражен в третьей группе по сравнению с первой ($p < 0,001$) и во второй группе по сравнению с первой ($p < 0,05$). Выраженность конструктивных проявлений в целом увеличивается во второй группе по сравнению с первой ($p < 0,001$) и в третьей по сравнению с первой ($p < 0,01$). Общий показатель негативистских проявлений кризиса выше в третьей группе по сравнению с первой ($p < 0,05$). У девочек по сравнению с мальчиками выше общий показатель кризиса ($p < 0,05$) и его конструктивная составляющая ($p < 0,01$).

Особенности детско-родительского взаимодействия

Анализ стилевых характеристик воспитания по АСВ на выборке в целом показал, что у родителей наиболее выражена гиперпротекция ($M=5,18$), на втором месте — потворствование ($M=3,78$), далее следует минимальность санкций ($M=3,15$). Среди личностных проблем родителей доминируют расширение родительских чувств ($M=2,62$) и воспитательная неуверенность ($M=2,56$). Все показатели близки к среднему уровню и не достигают критических значений.

Частотный анализ встречаемости отклоняющихся стилевых характеристик обнаружил диаду недостаточности санкций (41%) и запретов (32%), а также гиперпротекцию (29%), недостаточность требований (8,5%), чрезмерность запретов (11%), высокую требовательность (3,4%) и потворствование (1,7%).

Среди личностных проблем у родителей наиболее выражены воспитательная неуверенность (5,1%), предпочтение детских качеств (4,3%) и проекция нежелательных качеств на ребенка (4,2%). Редко встречается явное расширение родительских чувств (2,6%), хотя средние значения по этому показателю достаточно высоки.

Значимые микровозрастные различия обнаружены только по шкале гиперпротекции: в третьей группе она менее выражена по сравнению с первой и второй группами ($p < 0,05$). Значимых различий по полу не выявлено.

Карта наблюдения по АСВ в целом подтвердила данные опросника. И в процессе развивающих занятий, и до, и после занятий чаще всего у матерей по отношению к ребенку наблюдается гиперпротекция ($M=3,48$), на втором месте находится потворствование ($M=3,38$). Чрезмерность требований-обязанностей ($M=2,15$), требований-запретов ($M=2,14$), неустойчивость стиля воспитания ($M=2,08$) и чрезмерность санкций ($M=1,74$) выражены реже.

Значимые микровозрастные различия по карте наблюдения АСВ обнаружены в уровне гиперпротекции: в первой группе он выше, чем в третьей ($p \leq 0,05$). Различий в связи с фактором пола не выявлено.

Факторный анализ на основе показателей стилевых характеристик воспитания (по опроснику АСВ и карте наблюдения на основе АСВ) позволил выделить 7 факторов, объясняющих 59,28% суммарной дисперсии признаков:

1) «Строгость и требовательность в реальном взаимодействии родителей с ребенком»: степень запретов (0,86), строгость санкций (0,75), неустойчивость стиля воспитания (0,72), степень предъ-

явления требований (0,68) по карте наблюдений;

2) «Потворствующая гиперпротекция»: гиперпротекция (0,74), предпочтение детских качеств в ребенке (0,67), потворствование (0,61), недостаточность санкций (0,54) и предпочтение женских качеств в ребенке (0,48);

3) «Воспитательная неуверенность матери»: воспитательная неуверенность (0,75), недостаточность требований (0,64), потворствование (0,55 — по карте наблюдения и 0,51 — по опроснику);

4) «Неразвитость родительских чувств»: игнорирование потребностей ребенка (0,87), неразвитость родительских чувств (0,61), проекция на ребенка собственных нежелательных качеств (0,60);

5) «Строгость при расширении родительских чувств (авторитарный стиль)»: чрезмерность санкций (0,73), недостаточность запретов (-0,51) и расширение сферы родительских чувств (0,50);

6) «Гендерные стереотипы восприятия ребенка»: предпочтение мужских (0,75) и женских (0,42) качеств в ребенке;

7) «Потворствующая гиперпротекция в реальном взаимодействии с ребенком»: гиперпротекция (0,81) и степень удовлетворения потребностей ребенка, т. е. потворствование (0,62) по карте наблюдения.

Анализ эмоционального детско-родительского взаимодействия по ОДРЭВ на выборке в целом показал, что у родителей наиболее выражено стремление к телесному контакту ($M=4,26$), на втором месте — способность воспринимать состояние ребенка ($M=4,22$), далее следует безусловное принятие ($M=4,15$). Показатели детско-родительского эмоционального взаимодействия по всем трем блокам: чувствительности, эмоционального принятия и поведенческих проявлений — близки к среднему уровню и не достигают

критических значений. Частотный анализ выявил, что наибольшие проблемы в эмоциональном взаимодействии связаны со сниженными показателями умения воздействовать на состояние ребенка (23%), понимания причин состояния ребенка (21%), эмпатии (у 16% родителей), способности воспринимать состояние ребенка (12%). Также встречаются сложности с принятием себя как родителя (9%). У 5% родителей снижены эмоциональный фон взаимодействия с ребенком и стремление к телесному контакту с ним. 4% родителям сложно ориентироваться на состояние ребенка при построении взаимодействия. Значимых различий в связи с факторами возраста и пола не выявлено.

Карта наблюдений по ОДРЭВ показала, что и в процессе развивающих занятий, и до, и после занятий у матерей во взаимодействии с детьми ярко выражены позитивные чувства ($M=4,03$), стремление к телесному контакту ($M=3,71$) и способность воспринимать состояние ребенка ($M=3,70$). Общие показатели характеристик взаимодействия (блоков) находятся на уровне выше средних значений, что говорит в целом об эмоциональном благополучии в детско-родительском взаимодействии. Относительно проблемная зона — ориентация на состояние ребенка при построении взаимодействия ($M=3,15$).

В отличие от опросника ОДРЭВ, по карте наблюдений выявлены различия в эмоциональном взаимодействии матерей с детьми в связи с факторами возраста и пола. Так, выявлены микровозрастные различия по блоку чувствительности: в первой группе общий показатель, а также способности сопереживать ребенку и воспринимать его состояние у матерей выше, чем в третьей ($p<0,05$). Способность родителей сопереживать также значимо выше

у матерей первой группы по сравнению со второй ($p < 0,05$). Что касается пола, то матери девочек более склонны безусловно принимать своего ребенка ($p < 0,01$) и более позитивно реагируют на поведение своих детей ($p < 0,05$).

Изучение семейного функционирования по FACES-3 выявило, что общие показатели сплоченности по всей выборке ($M=41,75$) и в третьей группе ($M=40,32$) соответствуют средним значениям (разделенный тип), а в первой и второй микровозрастных группах несколько выше средних значений ($M=42,09$ и $M=42,32$), что соответствует связанному типу сплоченности по Э.Г. Эйдемиллеру. Семейная адаптация родителей по всей выборке несколько выше среднего уровня ($M=29,82$), что свидетельствует о выраженности гибкого типа адаптации. Матери девочек высказывают больше желания увеличить семейную сплоченность ($p < 0,05$).

Предикторы кризиса трех лет в области детско-родительского взаимодействия

Целью регрессионного анализа было выявить, как влияют на общую выраженность кризиса трех лет у детей показатели детско-родительского взаимодействия. В качестве зависимых переменных рассматривались общий показатель кризиса

по анкете (модель 1) и общий показатель кризиса по опроснику (модель 2). В качестве независимых переменных выступали факторы стилей воспитания (на основе опросника АСВ и карты наблюдений по АСВ), показатели эмоционального взаимодействия (по опроснику ОДРЭВ и карте наблюдения по ОДРЭВ), общие показатели семейной сплоченности и адаптации (по FACES-3). Регрессионный анализ проводился на всей выборке.

Результаты для зависимой переменной – общий показатель кризисных проявлений по анкете – представлены в табл. 1.

В уравнение регрессии включены 3 предиктора, которые обуславливают 20% дисперсии общего показателя кризисных проявлений.

Проявления кризиса трех лет более выражены у детей, матери которых демонстрируют меньшее эмоциональное принятие ребенка ($p < 0,001$), большую воспитательную неуверенность ($p < 0,01$), но в то же время более высоко оценивают сплоченность семьи ($p < 0,05$). Последняя взаимосвязь не выглядит такой логичной, как первые две, мы попробуем ее объяснить в разделе обсуждения результатов.

Результаты для зависимой переменной – общий показатель кризисной сим-

Таблица 1

Данные регрессионного анализа «Коэффициенты» для модели 1

Модель 1 ($R=0,450$, R квадрат = $0,202$)	Нестандартизированные коэффициенты		Стандартизированные коэффициенты Бета	Т	Знач.
	В	Стд. ошибка			
3 (Константа).	22,945	2,551		8,995	0,000
1. Фактор «Воспитательная неуверенность матери».	0,948	0,306	0,277	3,102	0,002
2. «Эмоциональное принятие» (блок ОДРЭВ).	-0,492	0,145	-0,314	-3,385	0,001
3. Семейная сплоченность	0,115	0,045	0,230	2,537	0,013

птоматики по опроснику — представлены в табл. 2.

В уравнение регрессии включены 6 предикторов, которые обуславливают 35% дисперсии общего показателя кризисной симптоматики.

Симптомы кризиса трех лет более выражены у детей, матери которых демонстрируют меньшее эмоциональное принятие ребенка ($p < 0,001$), неразвитость родительских чувств ($p < 0,01$), воспитательную неуверенность, потворствующую гиперпротекцию и в то же время чувствительность к ребенку ($p < 0,05$). Кризис менее выражен в случае большей зрелости матерей в поведенческих проявлениях при реальном взаимодействии: умение оказать эмоциональную поддержку ребенку, воздействовать на его состояние ($p < 0,05$).

Обсуждение результатов

Протекание кризиса трех лет у детей можно охарактеризовать как благопо-

лучное: преобладает его конструктивная симптоматика, невротические реакции выражены слабо. У детей появляется мотивация достижения, им становится важна оценка взрослого. В поведении выражены упрямство, строптивость и своеволие, т. е. появляется желание утвердить свое Я, идет поиск своих психологических границ. Также выражены стремление к самостоятельности, появление в речи слов «Я», «хочу/не хочу», «буду/не буду», фантазирования и новых ролей.

Можно говорить о предкритической фазе (период от 2 лет 1 мес. до 2 лет 9 мес.). После 2 лет 10 мес. большинство детей вступают в критическую фазу, что согласуется с данными Т.В. Гуськовой [7]. Посткритическую фазу методом поперечных срезов выявить не удалось, для этой цели необходимо лонгитюдное исследование.

По опроснику симптомов различий в общем показателе кризиса у мальчиков и девочек не выявлено, в то время как по

Таблица 2

Данные регрессионного анализа «Коэффициенты» для модели 2

Модель 2 ($R = 0,594$, R квадрат = $0,353$)	Нестандартизированные коэффициенты		Стандартизированные коэффициенты Бета	Т	Знач.
	В	Стд. ошибка			
6 (Константа).	61,853	9,041		6,841	0,000
1. «Эмоциональное принятие» (блок ОДРЭВ).	-1,950	0,543	-3,61	-3,594	0,000
2. Фактор «Воспитательная неуверенность матери».	2,395	0,994	0,203	2,410	0,018
3. Повед. проявления эмоц. взаимодействия (по карте наблюдений).	-0,763	0,294	-0,208	-2,595	0,011
4. Фактор «Неразвитость родительских чувств».	2,741	1,012	0,233	2,708	0,008
5. Чувствительность (блок ОДРЭВ).	1,637	0,725	0,208	2,258	0,026
6. Фактор «Потворствующая гиперпротекция»	1,882	0,905	0,160	2,080	0,040

анкете кризисных проявлений кризис в целом и особенно его конструктивная составляющая более выражены у девочек.

Что касается стилевых характеристик воспитания, и опросник, и наблюдение выявили, что более трети матерей ведут себя с детьми очень мягко, почти ничего не запрещают детям и не наказывают их в случае поведенческих проблем. По мере взросления потворствующая гиперпротекция уменьшается. Значимых различий в воспитании мальчиков и девочек раннего возраста не обнаружено.

В плане эмоционального взаимодействия с детьми, и по опроснику, и по карте наблюдения в целом картина благоприятная. Тем не менее, встречаются проблемные зоны, связанные с умением воздействовать на состояние ребенка, пониманием причин его состояния, эмпатией. В процессе наблюдения за реальным взаимодействием более ярко проявились сложности с ориентацией на состояние ребенка.

В целом, эти данные согласуются с результатами исследования детско-родительского взаимодействия на выборке дошкольников [6] и, по-видимому, отражают современные воспитательные тенденции.

В первой и второй группах преобладает связанный тип семейной сплоченности, а в третьей — разделенный тип сплоченности, что в целом говорит об успешности функционирования семейной системы. Выражен гибкий тип адаптации — у родителей есть наработанные стратегии «подстройки» к ситуации.

Наибольший вклад в оценку общего показателя кризиса вносит эмоциональное принятие ребенка — чем оно выше, тем менее выражены поведенческие симптомы и другие кризисные проявления. Общая выраженность кризиса связана

как с неблагоприятными тенденциями в воспитании у матерей (воспитательная неуверенность, неразвитость родительских чувств, потворствующая гиперпротекция, незрелость поведенческих проявлений при реальном взаимодействии), так и с благополучием в семейном функционировании и эмоциональном взаимодействии (семейная сплоченность, чувствительность матери к ребенку). Последний факт еще раз подтверждает, что возрастной кризис — это нормативное явление.

К тому же, следует отметить, что оценка выраженности кризиса проводилась на основе оценки матерей. Возможно, поэтому и проявились предикторы «чувствительность матери» и «семейная сплоченность». Можно предположить, что те матери, которые лучше понимают причины состояния и поведения детей, а также больше внимания уделяют сплоченности семьи, оказались более внимательными к описанию поведенческих симптомов кризиса. Также на этих результатах могло сказаться то, что при регрессионном анализе мы не разделяли деструктивную и конструктивную составляющие кризиса. В изучаемых нами кризисных проявлениях в целом конструктивная составляющая представлена меньше, большинство исследуемых нами показателей — негативистские симптомы.

Выводы

1. После 2 лет 10 мес. большинство детей вступают в критическую фазу. В кризисе трех лет у детей преобладает конструктивная симптоматика, появляется «гордость за достижения». Из негативистских симптомов выражены упрямство, строптивость и своеволие.

Кризисные проявления больше выражены у девочек.

2. Исследование стилевых характеристик воспитания матерей выявило недостаточность санкций и запретов (у 41% и 32% матерей соответственно), а также гиперпротекцию (29%). Из личностных проблем родителей чаще всего встречается воспитательная неуверенность (5%). Отмечается высокое эмоциональное принятие детей. Тем не менее, встречаются проблемные зоны, связанные с умением воздействовать на состояние ребенка (23%), пониманием причин его состояния (21%), эмпатией (16%). В процессе наблюдения за реальным взаимодействием более ярко проявились сложности с ориентацией на состояние ребенка. В первой и второй группах преобладает связанный, а в третьей — разделенный тип сплоченности. Выражен гибкий тип адаптации.

3. Кризис трех лет более выражен при низком эмоциональном принятии ребенка, воспитательной неуверенности матерей, неразвитости родительских чувств, потворствующей гиперпротекции, незрелости поведенческих проявлений при реальном взаимодействии матерей с детьми. В то же время кризисные проявления могут быть выражены и при благополучии в семейном функционировании и эмоциональном взаимодействии (семейная сплоченность, чувствительность матери к ребенку).

Таким образом, проведенное исследование в целом подтвердило выдвинутые гипотезы. В дальнейшем мы планируем уточнить влияние характеристик детско-родительского взаимодействия на общие показатели трех категорий симптомов (конструктивных, негативистских и невротических).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008. 400 с.
2. *Василенко В.Е.* Проявления кризиса трех лет в связи с особенностями родительского отношения к ребенку (кросскультурный аспект) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2013. № 3. С. 42–51.
3. *Василенко В.Е., Манукян В.Р.* Возрастные кризисы жизненного цикла: практикум. СПб.: Изд. СПбГУ, 2011. 96 с.
4. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Детская психология. М.: Педагогика, 1984. 432 с.
5. *Головей Л.А., Савеньшева С.С., Василенко В.Е.* Детско-родительские отношения в стабильные и кризисные периоды детства // Психологический журнал. 2015. Т. 36, № 2. С. 32–43.
6. *Головей Л.А., Василенко В.Е., Савеньшева С.С.* Структура семьи и семейное воспитание как факторы развития личности дошкольника // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 2. С. 5–18. doi:10.17759/sps.2016070201
7. *Гуськова Т.В.* Психологический анализ кризиса трех лет: дис. ... канд. психол. наук. М., 1988. 167 с.
8. *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. М.: Изд. МГУ, 1972. 576 с.
9. *Лидерс А.Г.* Психологическое обследование семьи. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 430 с.

10. *Марютина Т.М.* Об использовании понятий «критический» и «сензитивный» период индивидуального развития // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 1. С. 145–153.
11. *Поливанова К.Н.* Психология возрастных кризисов. М.: Издательский центр «Академия», 2000. 184 с.
12. *Поливанова К.Н.* Современное родительство как предмет исследования [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2015. Т. 7. № 3. С. 1–11. doi: 10.17759/psyedu.2015070301
13. Практикум по семейной психотерапии: современные модели и методы: учеб. пособие для врачей и психологов / Под ред. Э.Г. Эйдемиллера. СПб.: Речь, 2010. 425 с.
14. *Толстых Н.Н.* Социальная психология развития как самоценная отрасль психологической науки // Социальная психология и общество. 2010. № 1. С. 13–25.
15. *Эльконин Д.Б.* Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 560 с.
16. *Уайт Б.* Первые три года жизни. М.: Педагогика, 1982. 176 с.
17. *Эриксон Э.* Детство и общество. СПб: Летний сад, 2000. 416 с.
18. *Emanuel L.* Understanding your three-year-old. London and Philadelphia: Jessica Kingsley Publishers, 2013. 95 p.
19. *Wolff S.* Children under stress. Harmondsworth: Penguin Books, 1973. 284 p.

Manifestations of the “3 year old child’s crisis” in relation to characteristics of the parent-child interaction

Y.Y. ULANOVA*,
Vsevolozhsk, Russia, yuliya_ulanova@list.ru

V.E. VASILENKO**,
Saint-Petersburg, Russia, v.vasilenko@spbu.ru

This article is devoted to analysis of the predictors of the “3 years old child’s crisis” in the field of parent-child interaction (parenting styles, peculiarities of emotional interaction mothers with children, characteristics of family adaptation and cohesion). The study involved 117 children (65 boys and 52 girls) and 117 their mothers from Vsevolozhsk district of the Leningrad region. The age of children – from 2 years 1 month to 3 years 11 month, Mage = 3 years. We used psychodiagnostic methods and the method of observation. The study revealed that the period from 2 years 1 month to 2 years 9 months is characterized by signs of subcritical phase, critical phase was observed after 2 years 10 months. “3 year old child’s crisis” is more pronounced at lower emotional acceptance of the child, maternal educational uncertainty, underdevelopment of parental feelings, indulgence overprotection, immaturity of maternal emotional behavior in actual interaction of mothers with children. At the same time the crisis manifestations can be expressed in the case of well-being in family functioning and emotional interaction (family cohesion, the sensitivity of the mother to child), which confirms the normativity of the “3 years old child’s crisis”.

Keywords: “3 year old child’s crisis”, manifestations and symptoms of the “3 year old child’s crisis”, parent-child interaction, parenting styles, emotional interaction mothers with children, family cohesion.

REFERENCES

1. Bozhovich L.I. Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste [Personality and its formation in childhood]. Saint-Petersburg: Piter, 2008. 400 p.

For citation:

Ulanova Y.Y., Vasilenko V.E. Manifestations of the «3 year old child’s crisis» in relation to characteristics of the parent-child interaction. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2016. Vol. 7, no. 4, pp. 68–82. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2016070405

* *Ulanova Yuliya Yu.* – Educational psychologist of the highest category, «Center of psychological, educational, medical and social care» of Vsevolozhsk district of the Leningrad region, Vsevolozhsk, Russia, yuliya_ulanova@list.ru

** *Vasilenko Victoria E.* – PhD (Psychology), Associate professor of the Developmental and Differential Psychology Chair, Faculty of Psychology, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, v.vasilenko@spbu.ru

2. Vasilenko V.E. Proyavleniya krizisa trekh let v svyazi s osobennostyami roditel'skogo otnosheniya k rebenku (krosskul'turnyi aspekt) [Manifestations of the "three year old child's crisis" and parental relationship to a child (cross-cultural aspect)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12: Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika* [Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Education], 2013, no. 3, pp. 42–51. (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Vasilenko V.E. Manukyan V.R. Vozrastnye krizisy zhiznennogo tsikla: Praktikum [Age crises of life cycle: Practicum]. Saint-Petersburg: Publ. SPbGU, 2011, 96 p.
4. Vygotskiy L.S. Sbranie sochinenii: v 6 t. T. 4. Detskaya psikhologiya [Collected Works: in 6 vol. Vol. 4. Child psychology]. Moscow: Pedagogika, 1984. 432 p.
5. Golovey L.A., Savenysheva S.S., Vasilenko V.E. Detsko-roditel'skie otnosheniya v stabil'nye i krizisnye periody detstva [Parent-child relationships in stable and critical periods of the childhood]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 2015, vol. 36, no 2, pp. 32–43. (In Russ., abstr. in Engl.).
6. Golovey L.A., Vasilenko V.E., Savenysheva S.S. Struktura sem'i i semeinoe vospitanie kak faktory razvitiya lichnosti doshkol'nika [Family structure and family education as factors for personal development of preschooler]. *Social'naâ psihologiâ i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2016. Vol. 7, no. 2, pp. 5–18. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2016070201
7. Gus'kova T.V. Psikhologicheskii analiz krizisa trekh let. Diss. kand. psikhol. nauk [Psychological analysis of the "three year old child's crisis". PhD (Psychology) diss.]. Moscow, 1988. 167 p.
8. Leont'ev A.N. Problemy razvitiya psikhiki [Problems of the psyche's development]. Moscow: Publ. MGU, 1972. 576 p.
9. Liders A.G. Psikhologicheskoe obsledovanie sem'I [The psychological study of family]. Moscow: Akademiya, 2008. 430 p.
10. Maryutina T.M. Ob ispol'zovanii ponyatii "kriticheskii" i "senzitivnyi" period individual'nogo razvitiya [On the use of the concepts "critical" and "sensitive" period of individual development]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 1981, vol. 2, no. 1, pp. 145–153.
11. Polivanova K.N. Psikhologiya vozrastnykh krizisov [Psychology of age crises]. Moscow: Akademiya, 2000, 184 p.
12. Polivanova K.N. Sovremennoe roditel'stvo kak predmet issledovaniya [Elektronnyi resurs]. [Parenting and parenthood as research domains]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru* [Psychological Science and Education PSYEDU.ru], 2015, vol. 7, no. 3, pp. 1–11. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/psyedu.2015070301
13. Praktikum po semeinoi psikhoterapii: sovremennye modeli i metody [Practicum on family psychotherapy: modern models and methods]. Edited by E.G. Eidemiller. Saint-Petersburg: Rech', 2010, 425 p.
14. Tolstykh N.N. Sotsial'naya psikhologiya razvitiya kak samotsennaya otrasl' psikhologicheskoi nauki [Social psychology of development as a self-valuable branch of psychological science]. *Social'naâ psihologiâ i obshchestvo* [Social Psychology and Society]. 2010, no 1, pp. 13–25. (In Russ., abstr. in Engl.).

15. El'konin D.B. Izbrannye psikhologicheskie trudy [Selected Psychological Works], Moscow: Pedagogika, 1989. 560 p.
16. Uait B. Pervye tri goda zhizni [The first three years of life]. Moscow: Pedagogika, 1982, 176 p. (In Russ.).
17. Erikson E. Detstvo i obshchestvo [Childhood and Society]. SPb: Letnii sad, 2000. 416 p. (In Russ.).
18. Emanuel L. Understanding your three-year-old. London and Philadelphia: Jessica Kingsley Publishers, 2013. 95 p. (In Engl.).
19. Wolff S. Children under stress. Harmondsworth: Penguin Books, 1973. 284 p. (In Engl.).

Структура границ Я у детей 2–10 лет

О.В. СИЛИНА*,

Переславль-Залесский, Россия, Omela333@yandex.ru

В статье рассматривается структура границ Я как социально-психологического феномена, описана современная интерпретация границ Я, подчеркивается их значимость в процессе социализации ребенка. Теоретико-эмпирический анализ позволил выделить такие особенности границ Я в детском возрасте, как активность, чувствование и осознанность, регуляция, контроль и способы защиты. В исследовании, проводившемся с 2010 по 2014 год, приняли участие 46 детей в возрасте от 2 до 10 лет. Единицей анализа выступали трансакции между участниками. Сбор информации проводился с помощью качественных методик, позволяющих собрать максимально нюансированную базу данных относительно указанных компонентов границ Я. Статистический анализ показал наличие между выделенными элементами границ Я значимых взаимосвязей, что позволяет сделать вывод о целостности изучаемого феномена. Обсуждаются наиболее и наименее адаптивные типы границ Я в детском возрасте.

Ключевые слова: границы Я, психологические границы детей 2–10 лет, активность, чувствование, регуляция, контроль психологических границ, способы защиты границ Я, структура границ Я.

— Нет, вы только подумайте! — говорила она.
— Какой сегодня день странный! А вчера все шло, как обычно!
Может, это я изменилась за ночь? Дайте-ка вспомнить: сегодня утром, когда я встала, я это была или не я? Кажется, уже не совсем я!
Но если это так, то кто же я в таком случае? Это так сложно...

Л. Кэрролл

Введение: теоретический анализ проблемы границ Я

Сосуществование людей неизбежно предполагает необходимость разделе-

ния жизненных ресурсов различного рода — материальных, эмоциональных, интеллектуальных, что, в свою очередь, побуждает выстраивать личные психологические границы, от прочности

Для цитаты:

Силина О.В. Структура границ Я у детей 2–10 лет // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 4. С. 83–98. doi:10.17759/sps.2016070406

* *Силина Ольга Владимировна* — магистр психологии, психолог «МОУ Гимназия», г. Переславль-Залесский, Россия, Omela333@yandex.ru

и эффективности которых зависит как атмосфера сообщества, так и благополучие отдельного субъекта. В последнее время категория границ Я приобрела большую популярность, используя как пространственная метафора состояния личности и межличностного взаимодействия [6; 11; 20]. Однако следует признать, что термин «границы Я» употребляется весьма свободно, а структура и генезис этого феномена до сих пор изучены недостаточно.

Границы Я (психологические границы) мы понимаем как систему имплицитных правил, регулирующих отношения человека с окружающими и позволяющих ему поддерживать баланс между своими потребностями и потребностями других людей. При этом, следуя парадигме субъектно-бытийного подхода, мы считаем, что средовое поведение, направленное на раздел территории, распределение информационных или эмоциональных ресурсов, всегда содержит в себе мета-сообщение, обладающее социальным смыслом и демонстрирующее социальный статус субъекта и его отношения к другим.

Наша работа посвящена изучению структуры психологических границ у детей 2–10 лет. В настоящее время в психологической науке и практике все чаще используются крупные комплексные единицы описания личности (психологические границы, благополучие и пр.). Вероятно, это обусловлено возрастающей авторитетностью холистического понимания личности, согласно которому любое воздействие (психологическое, педагогическое, воспитательное и пр.) затрагивает человека целиком, а история жизни закрепляется в чертах личности и характере.

Актуальность исследования также определяется психологическими и педа-

гогическими задачами, которые диктует сам феномен детства. Основной целью данного периода является взросление, встраивание посредством децентрации и развития «модели психического» в социальную систему, развитие способности к адаптации, формирование устойчивого Я. Эти процессы требуют понимания ребенком собственных границ Я. В некоторый момент жизни каждый ребенок задается вопросами: «Где Я, а где — не-Я?», «Что мое и почему чужое — не мое?». Полученные ответы формируют его личность и основные стратегии взаимодействия с окружающим миром. Окружающая среда для дошкольников и младших школьников в силу небольшого жизненного опыта обладает высокой неопределенностью, и психологические границы выступают тем «буфером», который помогает ребенку «встроиться в общество». Таким образом, функции границ Я многообразны: интегративная, адаптационная, коммуникативная, персонифицирующая и пр. [9]. В общем и целом границы помогают, с одной стороны, поддерживать устойчивость личности и сохранять психологическое благополучие субъекта, а с другой — считаться с интересами окружающих.

Д.Б. Эльконин постулировал, что на протяжении периода детства ребенок периодически вступает во взаимодействие с двумя основными ипостасями внешнего мира: с предметной сферой и областью человеческих отношений [8]. На наш взгляд, основной смысл всех манипуляций и взаимоотношений есть прояснение границ Я. Границы пространства можно маркировать разным образом: физически (через манипуляции с предметами), знаками (символ «кирпич» как знак отсутствия проезда), эмоционально (более сильные реакции на незнакомых

людей как способ защиты собственных границ) и пр. По мнению Ф. Перлза, границы рождаются в контакте [13]. Таким образом, мы можем говорить о том, что границы обладают динамическими свойствами, это не однажды полученная способность, а приобретенное прижизненно свойство человека, которое имеет специфическую траекторию развития и свои особенности на каждом возрастном этапе.

Исследователи психологических границ выделяют различные составляющие этого явления, однако общепризнанного понимания к настоящему моменту пока не возникло. В ходе теоретического анализа существующих подходов [5; 6; 11; 13; 14; 17; 19] мы выделили следующие аспекты феномена психологических границ: динамическую сторону (качества действий, совершаемых человеком для поддержания собственного благополучия: активность, осознанность, чувствование и понимание, регуляция, контроль) и инструментальную (приемы и способы защиты границ Я — с помощью слов или физических действий) [18]. Среди динамических характеристик можно условно отметить следующие подкатегории.

- **Активность** в нашем исследовании определяется как вектор и интенсивность движения границ, обусловленные поиском объекта/субъекта удовлетворения возникающей потребности. Категория «активность» восходит к работам Аристотеля, который рассматривал границы как «причинность движения», «возможность» [3]. Д. Винникот говорит о «достаточно» хорошей матери, которая представляет собой первый объект, который ребенок осваивает с помощью собственной активности [2]. К. Левин, Э. Хартманн,

З. Фрейд выделяли «внешние и внутренние» границы, на стыке которых происходят различные события, влияющие на развитие личности [5; 6]. В русле теорий экзистенциализма (К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер) границы трактуются как выход за пределы себя, в связи с понятием трансцендентности [3]. В.А. Зимин вводит понятие «трансгрессия» как запрет, стимулирующий активность [4]. В.А. Петровский говорит о существовании «мотива границы», побуждающего ребенка осваивать внешнее и внутреннее пространство [14]. Активность психологических границ — это количественный показатель взаимодействия ребенка с окружающим миром, число актов освоения окружающего мира.

- **Чувствование/понимание** границ Я несут в себе дифференцирующую функцию, отделяя Я от не-Я и обеспечивая признание ребенком границ других людей. Функционально оба компонента (чувствование и понимание) выполняют единую роль, сменяя друг друга в онтогенезе. Чувствование — это интуитивный, чувственный компонент границ Я, который имманентно присутствует в жизни ребенка, неосознанно влияя на его поведение и выполняя регулирующую роль [13; 16]. Сигналом любого движения границ является знак переживаемой эмоции (отрицательные — как нарушение, положительные — как добровольное открытие границ) [18]. Понимание как признание существования психологических границ — это когнитивный, рациональный компонент, развивающийся по закону возрастного развития, возникающий в результате сворачивания внешних действий по защите границ после их осознания, интериоризации и перехода во внутренний план [7].

• **Регуляция психологических границ** — это способность изменения пространственной составляющей изучаемого феномена, обеспечивающая взаимодействие с окружающей средой: динамичность, пульсацию как реакцию на актуальную потребность [6; 19], «вибрирующую границу» [15], «селективные — ригидные», «гибкие — жесткие» [20], «открытые — закрытые» [5; 11; 13]. Потребностно-информационная теория П.В. Симонова [1] говорит о том, что живым существам присуща диалектическая тенденция к саморазвитию и самосохранению, позволяющая максимально адаптироваться к условиям среды. Функция приспособления к внешним обстоятельствам присуща и психологическим границам, которые обладают способностью к расширению и сужению. Таким образом, регуляция границ Я наиболее тесно связана с такими чертами личности, как гибкость, коммуникативность, суверенность.

• **Контроль** — это способность к удерживанию заданного статичного положения границ Я, обеспечивающая сохранность «чувства Я»: «сильные — слабые» [5; 17], «сохранные — рваные» [11], «здоровые — поврежденные» [17]. Можно предположить, что устойчивое состояние психологических границ — это то, при котором на обеспечение безопасности и сохранности Я уходит меньшее количество усилий (принцип минимизации энергии, [1]), и потому умение контролировать собственные границы помогает ребенку сохранять благополучие и онтологическую уверенность. Способность к контролю границ Я лежит в основе такого психологического явления, как приватность, т.е. умения избирательно ограничивать воздействие внешних факторов [10].

Ранее мы упоминали, что кроме динамических характеристик границ Я можно выделить инструментальные — непосредственно те **способы защиты Я**, которые применяет личность для сохранения собственного благополучия. К ним можно отнести: физические (уход или «выталкивание» противника со своей территории), вербальные (использование слов и реплик), когнитивные (использование аргументов, умозаключений и пр.), эмоциональные (крик, сильные эмоции, которые «пугают» противника) и пр. [12].

Итак, психологические границы предстают многогранным, однако целостным явлением, выполняющим разнообразными функции, а также, вероятно, имеющим в детском возрасте некоторые структурные особенности в силу недостаточной дифференцированности сфер психического. Единицей измерения границ Я является (условно) дискретный акт взаимодействия человека и мира, влекущий за собой сохранение или утрату ресурсов, повышение или понижение уровня психологического благополучия личности. Целью исследования было изучение возможных взаимосвязей между выделенными категориями психологических границ.

Программа исследования

Наше эмпирическое исследование было построено на использовании корреляционного принципа как одного из законов становления психического целого, позволяющего выявить взаимосвязи между несколькими разрозненными элементами [1]. Мы отказались от стандартизированных приемов в пользу использования клинического

(в понимании Ж. Пиаже) качественно-го метода из-за возрастной специфики обследуемой группы, а также для того, чтобы получить более нюансированные факты. В ходе отбора стимульного отбора мы опирались на теоретический анализ и экспертный опрос; ведущим методом было сплошное включенное наблюдение, в ходе которого уточнялись качества психологических границ и их диагностические маркеры. В общей сложности работа по подготовке описываемого в настоящей статье методического инструментария заняла четыре года (с 2010 по 2014 было собрано около 4000 единиц наблюдения) и продолжается в настоящее время.

В исследовании приняло участие 46 детей в возрасте от 2 до 10 лет. Основными единицами анализа стали транзакции между детьми в специально созданных условиях. Эмпирическое исследование состояло из двух этапов, первым из которых был сбор материала для формирования шкал оценивания границ Я. Процедура исследования состояла в следующем: экспертам раздавались определения теоретически выделенных компонентов границ Я (активность, чувство/понимание, регуляция, контроль, способы защиты). На их основе необходимо было описать поведение ребёнка в специально заданных ситуациях. В качестве стимульного материала методик для исследования особенностей структуры психологических границ у детей вплоть до 10 лет были использованы сказка «Три медведя», моделирующие игры «Мой дом» и «Пирог» [18]. Наблюдатель-экспериментатор вел протокол, в котором были отражены особенности поведения и коммуникации детей (например, «при строительстве дома ребёнок набирает

тяжёлые, большие материалы, строит дом в стороне от других, соседства не терпит» или же «в поиске удобного места ребёнок толкает соседей, кричит, возмущается, что ему тесно» или, напротив, «создаётся ощущение, что удобно везде, где не трогают, не толкают»).

После этого был проведен контент-анализ содержания этих протоколов, позволивший выделить дихотомические шкалы, один полюс которых предполагает отсутствие выраженного качества, другой — его наличие (процедура и кодировочная таблица категорий описаны подробно в другой нашей работе [18]). Таким образом, каждая характеристика границ Я конкретизировалась в частных поведенческих проявлениях — например, к контролю эксперты отнесли такие действия ребенка: «впускает в свои границы», «удерживает границы в статичном положении», «закрывает границы», «активно нарушает чужие границы». Аналогичная процедура позволила выделить эмпирические маркеры и других характеристик границ.

Затем экспертам и наблюдателям было предложено оценить выраженность поведенческих маркеров каждого качества границ Я у ребёнка по пятибалльной шкале, где 1 балл маркировал присутствие одного полюса изучаемой характеристики, а 5 баллов показывал наличие другого. Этот этап исследовательской работы позволил перевести качественные данные в количественные (табл. 1).

Несмотря на изначальную адресацию методик детям дошкольного возраста, в силу интерактивного характера и глубоких архетипических обобщений, скрывающихся за фабулой центрального сюжета, они были интересны детям вплоть до 10 лет (этот возраст определяется

Соотношение компонентов границ Я и конкретных поведенческих маркеров

Компоненты границ Я	Конкретные критерии описания и оценки компонентов границ Я		
Активность	Пассивные границы	1 2 3 4 5	Активные границы
Контроль	Впускает других людей в собственные границы	1 2 3 4 5	Не допускает других в собственные границы
	Границы не закрываются в ответ на угрозу	1 2 3 4 5	Границы закрываются в ответ на угрозу
	Не удерживает границы в статичном положении в случае угрозы	1 2 3 4 5	Удерживает границы в статичном положении в случае угрозы
	Границы постоянно открыты	1 2 3 4 5	Границы постоянно закрыты
Регуляция границ	Статичные	1 2 3 4 5	Гибкие
	Проницаемые	1 2 3 4 5	Непроницаемые
	Узкие	1 2 3 4 5	Широкие
Чувствование/понимание	Не чувствуют/не понимают нарушения собственных границ	1 2 3 4 5	Чувствуют/понимают нарушение собственных границ
	Не чувствуют/не понимают нарушения чужих границ	1 2 3 4 5	Чувствуют/понимают нарушение чужих границ
Способы защиты	Не чувствуют/не понимают способы нарушения своих/чужих границ	1 2 3 4 5	Чувствуют/понимают способы нарушения своих/чужих границ
	Не чувствуют не понимают способы защиты своих/чужих границ	1 2 3 4 5	Чувствуют/понимают способы защиты своих/чужих границ
	Рациональные	1 2 3 4 5	Эмоциональные
	Физические	1 2 3 4 5	Вербальные
	Деструктивные	1 2 3 4 5	Конструктивные
	Социально осуждаемые способы защиты	1 2 3 4 5	Социально одобряемые способы защиты
	Несовпадение декларируемого и демонстрируемого поведения	1 2 3 4 5	Совпадение декларируемого и демонстрируемого поведения (аутентичность)
	Личностные	1 2 3 4 5	Отвлечённые
Не использует внешнюю помощь при защите границ	1 2 3 4 5	Использует внешнюю помощь при защите границ	

как нижняя граница для использования опросников и более экономных методов).

Все методики включали в себя обсуждение предложенной проблемной ситуации, детскую игру в заданном русле и обсуждение полученных результатов. В это

время велось постоянное протоколирование поведения, эмоциональных состояний, коммуникативных особенностей детей по заранее подготовленным вопросам, каждый из которых был отнесен к определенной изучаемой категории.

Методика**«Чтение сказки “Три медведя”»**

В этой сказке наиболее ярко проявляется нарушение психологических границ, она богата примерами для обсуждения, позволяя сформулировать основные представления детей об изучаемом феномене. В ней присутствует категория «дом», являющаяся наиболее значимым образом для детей 2–10 лет, и ярко представлен конфликт по поводу нарушения границ Я.

Цель: описание феномена на уровне чувствования/понимания, а также способности к защите собственных границ. Процедура исследования прозрачна: чтение сказки, обсуждение её с детьми и дальнейшая инсценировка сюжета сказки с разных позиций (Машеньки, каждого из трёх медведей). Чувствование/понимание границ Я определяются по смене знака эмоции (с положительного на отрицательный и наоборот). Чувствование границ Я в нашем исследовании предполагает ощущение дискомфорта от различных факторов (физического расположения (близко-далеко), эмоционального проявления и пр.), в результате чего ребёнок совершает действия, подобные действиям партнера по инсценировке (к нему приблизились – он отодвинулся). Что касается понимания границ Я, то оно представляет собой когнитивное осмысление ситуации, при котором ребёнок способен действовать с другой позиции, активно используя речь (толкнули – не отошёл, а сделал замечание и пр.). Также чтение и инсценировка сказки позволяют сделать наблюдение о способах защиты границ Я, т.е. о тех конкретных проявлениях, которые помогают ребёнку восстановить собственное благополучие.

Методика «Мой дом»

Цель: описание динамических особенностей границ Я (регуляция, контроль, активность) и способов защиты психологических границ.

Процедура исследования проста: детям предлагается большой набор материалов (ленты, кубики, верёвки, цветная ткань и пр.), из которых необходимо построить дом. Наблюдатели в это время отмечают пространственное расположение дома, его физические характеристики (размер, использованные строительные материалы, наличие/отсутствие соседей, внутреннее устройство дома – количество комнат/этажей, украшения), способ строительства (находился ли ребенок внутри дома или снаружи; просил помощи или строил самостоятельно; делился строительными материалами, отбирал, брал первым или ждал, пока все наберут необходимое; конфликтные ситуации, их причины, способы преодоления и пр.), т.е. необходимо было зафиксировать как результат игры, так и поведение ребенка в процессе строительства. После этого каждый ребёнок представляет (рассказывает, показывает) свой дом, а затем ему предлагается поучаствовать в инсценировках, которые затрагивают отношение различных людей к его постройке. Например: «Что вы будете делать, если к вам в гости пришли сестра/брат или незнакомый гость, которые... берут ваши вещи/шумят и мешают вам спать/смеются над вашим рисунком?». Все инсценировки предполагают моделирование ситуации нарушения жизненного пространства ребенка либо близким человеком, либо незнакомым. Это задание позволяет проследить динамические и инструментальные характеристики психологических границ у детей (регуляцию, контроль, активность границ Я и

умение защищать их различными способами). Различие реакции на «чужих» и «своих» позволит верифицировать выделенные характеристики границ Я.

Методика «Пирог»

Цель: описание особенностей границ Я в интерперсональном пространстве. Детям предлагается занять определённое место на ограниченном пространстве (ковре) так, чтобы каждый чувствовал себя комфортно («Ковёр — это пирог. Какой кусок вы захотите съесть, чтобы вам было хорошо? Займите столько места, сколько хотите съесть пирога»). В основе методики лежит архетипический стимул «еда», который актуализирует у ребенка оппозиционную установку «я — другие», т.к. предполагается обращение к витальной потребности и ее ограниченному ресурсу. Такое противопоставление дает возможность описать состояние психологических границ у детей в межличностном пространстве, т.е. в ситуации необходимости учета границ Я другого человека. Во время проведения методики наблюдатели зарисовывают схему расположения детей на ковре, отмечая размер занимаемого места, четко фиксируют эмоциональные и поведенческие реакции детей на задание. Таким образом, данная методика позволяет оценить степень развития следующих признаков изучаемого феномена: регуляцию, контроль, активность и способы защиты границ Я в ситуации взаимодействия в группе.

Результаты исследования и их обсуждение

Обработка результатов проводилась при помощи статистического пакета SPSS; для проверки значимости связей

был использован непараметрический коэффициент корреляции Спирмена r_s .

Перейдем к рассмотрению полученных данных (в целях экономии места в таблицах и обсуждении представлены только значимые связи). Интерпретация результатов строится на основании табл. 1, в которой дана полная информация относительно каждой шкалы.

Прежде всего, обнаружены высокосignификантные зависимости между активностью и остальным и характеристиками границ Я (табл. 2). Оказалось, что активность положительно связана с предпочтением физических способов защиты вербальным, со склонностью нарушать чужие границы и менять свои собственные только в ситуации угрозы, с возможностью удерживать границы, а также с высоким чувствованием/пониманием границ Я. Кроме того, дети с активными границами реже провоцируют попытки других детей нарушить границы субъекта.

Статистически значимые взаимосвязи обнаружены между контролем и чувствованием/пониманием границ Я (табл. 3).

Чувствование/понимание связано с контролем границ Я в основном положительно. Ситуация угрозы, актуализирующая функцию контроля границ, коррелирует с пониманием собственных границ и способов их защиты, равно как и способов нарушения чужих границ. Можно сказать, что именно чувствование обеспечивает децентрацию, в силу которой ребенок может встать на позицию другого и понять, в чем состоит его уязвимость. Дети со статичными, чётко очерченными границами наиболее сильно реагируют на нарушение собственных границ другими, а также ясно понимают момент нарушения чужих границ. Можно предположить, что в силу таких особенностей дети с определёнными, ста-

тичными границами сострадательны и чутки в отношениях с людьми.

Понимание границ Я сопряжено с возможностью их закрывать, осуществляя таким образом селекцию внешних воздействий. Однако при этом присутствует отрицательная связь между такими показателями как «допуск в собственные границы» и «чувствование/понимание защиты границ Я», т.е. если ребенок компетентен в способах защиты

своих границ, он склонен их закрывать для других детей. И наоборот, границы открыты лишь у тех, кто пока не умеет их защищать, т.е. открытые границы в данном случае — это знак слабости, а не доверия миру. Это показывает пока еще не достаточный уровень субъектности, при котором ребенок мог бы добровольно открыть границы, владея всем репертуаром средств их защиты и будучи уверенным в их безопасности.

Таблица 2

Связь активности границ Я со способами их защиты, контролем, чувствованием/пониманием (r_s)

Способы защиты границ Я		Контроль границ Я				Чувствование/понимание границ Я
Физические способы защиты границ Я	Одобряемые способы защиты границ Я	Впускает других в собственные границы Я	Границы Я меняются в ответ на угрозу	Удерживает границы Я в статичном состоянии	Активно нарушает чужие границы	Чувствует/понимает нарушение собственных границ
,29*	-,35**	-,71**	,73**	,43**	,52**	,27*

Примечания. * связи значимы на уровне $p < 0,05$; ** — на уровне $p < 0,01$.

Таблица 3

Связь чувствования/понимания, контроля и способов защиты границ Я (r_s)

Чувствование/понимание границ Я/контроль границ Я	Чувствует/понимает нарушение собственных границ	Чувствует/понимает нарушение чужих границ	Чувствует/понимает защиту собственных границ	Чувствует/понимает способы нарушения чужих границ
Допускает в свои границы	-	-	-,31*	-
Границы Я меняются в ответ на угрозу	,29*	-	,29*	,27*
Удерживает границы в статичном положении	,56**	,45**	,50**	,48**
Закрывает границы Я	,40**	-	-	-

Примечания. * связи значимы на уровне $p < 0,05$; ** — на уровне $p < 0,01$.

Уделим внимание следующей группе связей — между способами защиты границ и их регуляцией (табл. 4).

Обнаружено, что гибкость границ Я положительно связана с социально одобряемыми и конструктивными способами защиты границ Я, а также с аутентичным поведением, при котором декларируемое и демонстрируемое совпадают; можно заключить, что гибкость — определенно благотворная характеристика границ. Эти результаты полностью совпадают с данными Н. Браун [20]. Проницаемость границ связана лишь с предпочтением социально одобряемых способов поведения. А вот широкие границы, по-видимому, в детском возрасте не способствуют адаптивной регуляции поведения, т.к. отрицательно связаны с аутентичным поведением и положительно — с предпочтением неодобряемых способов защиты границ. Интересно, что если широкие границы во взрослом возрасте нередко интерпретируют как знак широкой идентичности, отсутствия предрассудков и стереотипов, то у детей это скорее свидетельство неразборчивости и социальных рисков.

Например, во время проведения методики «Мой дом» мальчик И. 7 лет никак не мог понять, как выполнить задание, и просил помощи у всех детей в группе. Некоторые из них откликнулись

и начали помогать. И. был согласен со всеми действиями детей, хотя эмоционально реагировал по-разному, от радости до огорчения. Часто он восклицал: «Ты неправильно делаешь!», чем ставил «помощников» в тупик, после чего дети прекращали помогать и уходили от него. В результате его дом выглядел как неприглядная кучка вещей. Когда он увидел разницу между своим «жилищем» и домами других детей, то горько расплакался: «Я хотел не так, вы всё неправильно сделали! Что же мне теперь делать, если вы мне всё испортили! Я просил только помочь, а не делать всё за меня!». Дети, выступавшие в роли помощников, серьёзно возмущались: «Не нравится — делай сам! Мы за тебя всё сделали, а ты только кричал!». В процессе работы он никого не остановил, не внёс ни одного конструктивного предложения. Границы Я ребёнка очень широкие, способы защиты границ социально не одобряемы, т.к. доставляют дискомфорт остальным участникам процесса.

Наконец, рассмотрим связь способов защиты границ Я и контроля над ними (табл. 5). Готовность впускать других в свои границы как знак высокого базового доверия миру сопряжена с предпочтением не физических, а вербальных социально одобряемых конструктивных способов защиты. Статичный контроль в

Таблица 4

Связь регуляции и способов защиты границ Я и (rs)

Регуляция границ Я/ способы защиты границ Я	Гибкие границы Я	Проницаемые границы Я	Широкие границы Я
Совпадение демонстрируемого и декларируемого поведения	,26*	-	-,28*
Одобряемые способы защиты	,34*	,30*	-,35*
Конструктивные способы защиты	,29*	-	-

Примечания. * связи значимы на уровне $p < 0,05$; ** - на уровне $p < 0,01$.

Таблица 5

Связь контроля и способов защиты границ Я (rs)

Контроль границ Я/способы защиты границ Я	Впускает в свои границы	Удерживает свои границы в статичном положении	Закрывает границы Я	Активно нарушает чужие границы
Использует помощь взрослого	-	-,43**	-,31*	-
Личностная позиция при защите границ Я	-	,24*	-	-
Совпадение демонстрируемого и декларируемого поведения	-	,51**	,34**	-
Рациональная позиция при защите границ Я	-	,36*	,33*	-
Физические способы защиты границ Я	-,30*	-,24*	-	,35**
Одобряемые способы защиты	,44**	-	-	-,59**
Конструктивные способы защиты	,27*	,26*	-	-,27*

Примечания. * связи значимы на уровне $p < 0,05$; ** — на уровне $p < 0,01$.

форме удерживания границ — тоже важная переменная, образующая множество связей с другими параметрами границ. Дети, склонные использовать именно эту форму контроля, предпочитают (или не умеют?) не использовать помощь взрослых и физически защищать свои границы, однако при этом проявляют и отстаивают свою личностную позицию, ведут себя аутентично, рационально и конструктивно. Эту форму контроля границ можно считать наиболее типичной и зрелой для рассматриваемого возрастного периода.

Так, во время проведения методики «Мой дом» девочка Л. 9 лет выбирала те материалы для строительства, на которые не претендовали другие дети, во время конфликтных ситуаций указывала другим участникам, что так нельзя поступать и нужно делиться. Если встречала физически более сильного соперника, молча отдавала предмет, сама же искала ана-

логичный. Выражение лица, поведение, эмоциональное состояние оставались при этом спокойными. Необходимость менять план действия не вызывала сопротивления и раздражения, тогда как идея строительства дома менялась в зависимости от внешних условий (оставшихся доступных материалов). Девочка не обращалась за помощью к взрослым в случае трудностей, хотя остальные участники нередко выбирали взрослого в качестве внешнего ресурса. Во время обсуждения Л. высказала замечательную мысль: «Если ты не можешь сделать так, как хочешь, то нужно сделать так, как получается, но при этом не нужно волноваться, потому что ничего от этого не изменится, а станет только хуже». Надо отметить, что Л. построила один из лучших домиков.

Закрывание границ — это рациональный аутентичный способ их защиты, который также проявляется у детей, не

обращающихся за помощью к взрослым. Наконец, активное нарушение чужих границ — по-видимому, наименее зрелый способ охраны собственного Я, предполагающий использование физических средств воздействия, но при этом неуверенный и неконструктивный.

Обратим внимание на то, что ни один из четырех способов контроля не подразумевает обращение за помощью к взрослому; возможно, дети, которые практикуют поведение, подобное ябедничанью или просьбам о помощи, вообще не владеют навыками самостоятельного контроля и защиты границ Я. И, хотя эффективность этих способов может быть различной, все они в конечном счете способствуют социализации ребенка.

Выводы и заключение

Полученное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. В результате эмпирической верификации сложной структуры границ Я показано, что их основные функции в жизни ребенка — адаптации, социализации, безопасной коммуникации — могут быть реализованы посредством сочетания разных динамических и инструментальных характеристик границ.

2. Активность границ высокозначимо связана с конструктивными способами их защиты, контроля и выраженным чувствованием границ Я.

3. Дети, предпочитающие статично удерживать границы, лучше других чув-

ствуют изменения угрозы/защищенности как своих границ, так и границ окружающих.

4. Регуляция границ Я посредством их гибкости наиболее эффективна в рассматриваемом возрасте благодаря репертуару используемых способов защиты границ.

5. Удерживание границ в статичном положении — наиболее зрелая в рассматриваемом возрасте форма контроля Я, предполагающая, в отсутствие склонности обращаться к взрослым, высокое разнообразие способов защиты границ.

Итак, можно заключить, что наиболее эффективно в детском возрасте выполняют свои функции активные, гибкие, хорошо удерживаемые и защищаемые вербальными средствами границы Я, что сочетается с чувствованием или пониманием необходимости считаться с границами других детей. Наименее эффективные границы — проницаемые или широкие, защищаемые физически, с использованием социально неодобряемых средств поведения.

В то же время проведенное исследование не свободно от некоторых ограничений, которые задают перспективы дальнейшей работы. В будущем было бы целесообразно изучить связь выделенных параметров границ Я с психологическим благополучием и уровнем социальной адаптации детей, а также выделить типы границ, в том числе наиболее и наименее эффективных, для тех возрастных групп, которые в данном исследовании не разделялись.

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 16-06-00239).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Балин В. Д.* Психическое отражение. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. 376 с.
2. *Винникот Д.* Разговор с родителями. М., «Класс», 2007. 96 с.
3. *Володина Ю. А.* Проблема определения границ психологического пространства личности // Вестник Брянского государственного университета. 2010. № 1. С. 136–141.
4. *Зимин В. А.* Функция трансгрессии. Проблема нарушения границ между полами и поколениями на материале фильма П. Альмодовера «Все о моей матери» [Электронный ресурс] // Журнал практической психологии и психоанализа. 2003. № 2. URL <http://psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php?ID=2952>, (дата обращения: 14.10.16).
5. *Левин К.* Теория поля в социальных науках. С-Пб.: Речь. 2003. 350 с.
6. *Марцинковская Т. Д.* Психологические границы: история и современное состояние // Мир психологии. 2008. № 3. С. 55–62.
7. *Нартова-Бочавер С. К.* Введение в психологию развития. М.: Флинта: МПСИ, 2008. 214 с.
8. *Нартова-Бочавер С. К.* Развитие жизненного пространства ребенка в онтогенезе // Материалы научно-практической конференции «Стратегия дошкольного образования в XXI веке: проблемы и перспективы». Москва: МПГУ, 2001. С. 280.
9. *Нартова-Бочавер С. К.* Современные исследования психологии сиблингов и порядка рождения (birth order) // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Ребёнок в системе семейных отношений» (г. Анапа, 1–6 июля 2009 г.) / Под общей ред. Л. Н. Ожиговой. Краснодар, Компания Грeid-Принт, 2009. С. 35–41.
10. *Нартова-Бочавер С. К.* Теория приватности как направление зарубежной психологии // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 5. С. 28–39.
11. *Нартова-Бочавер С. К.* Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. СПб.: Питер, 2008. 400 с.
12. *Нартова-Бочавер С. К., Силина О. В.* Динамика развития психологических границ на протяжении детства // Актуальные проблемы психологического знания, 2014, № 3. С. 13–28.
13. *Перлз Ф.* Эго, голод и агрессия. М., «Смысл», 2000. 358 с.
14. *Петровский В. А.* «Мотив границы»: знаковая природа влечения // Мир психологии. 2008. № 3. С. 10–26.
15. *Подорога В. А.* Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. Москва, Ad marginem, 1995. 344 с.
16. *Польстер И., Польстер М.* Интегрированная гештальт-терапия: Контуры теории и практики. М.: Независимая фирма «Класс», 2004. 272 с.
17. *Рягузова Е. В.* Виды и функции границ в психологических исследованиях // Известия Саратовского университета, 2011. Т. 2. Сер. философия, психология, педагогика, вып.1. С. 89–94.
18. *Силина О. В.* Границы Я в раннем, дошкольном и младшем школьном возрасте: магистерская диссертация. МГППУ, 2012. 150 с.
19. *Тхостов А. Ш.* Психология телесности. М., Смысл. 2002. 287 с.
20. *Шамшикова Е. О.* Адаптация зарубежной методики «Границы Я» Н. Браун // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 4. С. 167–173

The structure of the boundaries I for children 2–10 years

O.V. SILINA*,
Pereslavl -Zaleski, Russia, Omela333@yandex.ru

The article deals with the structure of the boundaries I as a socio-psychological phenomenon. The modern interpretation of the concept, emphasizes the importance of boundaries when I “embedding” of the child in social relations. Theoretical and empirical analysis allowed to identify the boundaries of these features I like in childhood activity “feeling” and awareness, regulation, control and protection methods. In a study conducted from 2010 to 2014, took 46 children between the ages of 2 and 10 years. The unit of analysis was transaction between participants. Collecting information was conducted using qualitative methodologies for gathering the most nuanced database regarding these components boundaries I. Statistical analysis showed that identified by author elements I have had significant inter-relations at the level of $p < 0.01$ and $p < 0.05$, which can be considered an evidence of the integrity of the boundaries I phenomenon. The most and less effective types of boundaries are discussed.

Keywords: psychological boundaries, dynamic and instrumental characteristics of the “I” boundaries, activity, “feeling”, regulation, control of psychological boundaries, ways to protect the “I” boundaries, structure of the “I” boundaries.

Financing

This work was supported by the Russian Foundation for Humanities (project № 16-06-00239).

REFERENCES

1. Balin V.D. Psikhicheskoe otrazhenie [Mental Model in the ontogeny of man]. Saint-Petersburg: Publ. Petersburg un-ta, 2001. 376 p.
2. Vinnikot D. Razgovor s roditelyami [Relationships within the family, the model of parents-children interaction]. Moscow, Klass, 2007. 96 p.
3. Volodina Yu. A. Problema opredeleniya granits psikhologicheskogo prostranstva lichnosti [The modern view on psychological boundaries' dynamics]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta [The Bryansk State University Herald]*. 2010, no 1, pp. 136–141.
4. Zimin V.A. Funkcija transgressii. Problema narusheniya granic mezhdru polami i pokolenijami na materiale fil'ma P. Al'modovera “Vse o moej materi” [Elektronnyi resurs] [Identifying the features of psychological the “I” boundaries formation; taken a film as

For citation:

Silina O.V. The structure of the boundaries I for children 2–10 years. *Sotsial'naia psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2016. Vol. 7, no. 4, pp. 83–98. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2016070406

* Silina Olga V. — Master of psychology, Psychologist at preschool educational institution “Gymnasium”, Pereslavl-Zaleski, Russia, Omela333@yandex.ru

- an example]. *Zhurnal prakticheskoy psikhologii i psihoanaliza* [Journal of Applied Psychology and Psychoanalysis], 2003, no. 2. URL: <http://psyjournal.ru/psyjournal/articles/detail.php?ID=2952>, (Accessed: 14.10.16). (In Russ., Abstr. in Engl.);
5. Levin K. Teoriya polya v sotsial'nykh naukakh [A study of the individual psychological field and social group field]. Saint-Petersburg: Rech', 2000. 350 p.
  6. Martsinkovskaya T.D. Psikhologicheskie granitsy: istoriya i soveremnoe sostoyanie [A study of the relationship and mutual influence of social psychological and individual psychological boundaries]. *Mir psikhologii* [World of psychology], 2008, no. 3, pp. 55–62.
  7. Nartova-Bochaver S.K. Vvedenie v psikhologiyu razvitiya [The manual on psychology development reflects the main trends in modern science methodology]. Moscow: Flinta: MPSI, 2008. 214 p.
  8. Nartova-Bochaver, S.K. Razvitie zhiznennogo prostranstva rebenka v ontogeneze [The Development of the Child's Living Space on Ontogeny]. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii "Strategiya doskol'nogo obrazovaniya v XXI veke: problemy i perspektivy" [Materials of Scientific-Practical Conference "Strategy of Preschool Education in XXI Century: Problems and Prospects"]. Moscow: publ. MPGU, 2001, pp. 280.
  9. Nartova-Bochaver S.K. Sovremennye issledovaniya psikhologii siblingov i porjadka rozhdeniya (birth order) [A review of studies devoted to the relationship of children's birth order and their personal abilities]. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Rebjonok v sistem semejnykh otnoshenij" (Anapa, 1–6 ijulja 2009 g.) [Materials All-Russia scientific-practical conference "The child in the family relations system"]. In Ozhigova L.N. (ed). Krasnodar, Kompanija Grejd-Print, 2009. pp. 35–41.
  10. Nartova-Bochaver C. K. Teoriya privatnosti kak napravlenie zarubezhnoi psikhologii [Theoretical and empirical analysis of the psychological privacy as a way to create and maintain identity by selecting contacts and information from the outside]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2006. Vol. 27, no. 5, pp. 28–39;
  11. Nartova-Bochaver S.K. Chelovek suverennyi: psikhologicheskoe issledovanie sub"ekta v ego bytii [A study of phenomenology and psychological formation of an individual's sovereignty as a form of human freedom]. St. Petersburg: Piter, 2008. 400 p.
  12. Nartova-Bochaver S.K., Silina O.V. Dinamika razvitiya psikhologicheskikh granits na protyazhenii detstva [Theoretical and empirical analysis of the "I" boundaries in childhood]. *Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya* [Actual problems of psychological knowledge], 2014, no. 3, pp. 13–28;
  13. Perlz F. Ego, golod i agressiya [Philosophical and methodological foundations of Gestalt therapy]. Moscow, "Smysl", 2000. 358 p.
  14. Petrovskii V.A. "Motiv granitsy": znakovaya priroda vlecheniya [A study of the phenomenon of "active non-adaptation"]. *Mir psikhologii* [World of psychology], 2008, no. 3, pp. 10–26;
  15. Podoroga V.A. Fenomenologiya tela. Vvedenie v filosofskuyu antropologiyu [Description and use of topological and phenomenological strategies related to body]. Moscow, Ad marginem, 1995, 344 p.
  16. Pol'ster I., Pol'ster M. Integrirovannaya geshtal't-terapiya: Kontury teorii i praktiki [Theory and practice of integrated Gestalt Therapy]. Moscow: Nezavisimaya firma "Klass", 2004, 272 p.

17. Ryaguzova E.V. Vidy i funktsii granits v psikhologicheskikh issledovaniya [Analysis of various types of boundaries and functions used in psychological concepts and paradigms]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta* [Izvestiya of Saratov University], ser. *filosofiya, psikhologiya, pedagogika* [Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2011. Vol. 2, vyp. 1, pp. 89–94;
18. Silina O.V. Granitsy Ya v rannem, doshkol'nom i mladshem shkol'nom vozraste: magisterskaya dissertatsiya [The ontogeny of the “I” boundaries in children aged 2 to 10 years old: Master’s dissertation]. MGPPU, 2012, 150 p.
19. Tkhostov A.Sh. Psikhologiya telesnosti [Psychosomatic unity of man, the definition of “normal” physicality and its pathology]. Moscow: Smysl, 2002, 287 p.
20. Shamshikova E.O. Adaptatsiya zarubezhnoi metodiki “Granitsy Ya” N. Braun [The results of adaptation of foreign methodic “I Borders” by N. Brown]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, education], 2009, no. 4, pp. 1671–73.

Влияние стажа работы на жизнеспособность профессионалов социальной сферы

Т.Ю. ЛОТАРЕВА*,
Москва, Россия, lotaya@mail.ru

В статье обсуждается вопрос об актуальности исследования жизнеспособности профессионалов социальной сферы в целях выявления ключевых ресурсов адаптации и развития людей, имеющих дело с выраженными факторами риска в условиях и в предмете труда, а также для определения характера влияния условий труда на жизнеспособность профессионалов. Показаны результаты исследования структурных компонентов жизнеспособности профессионалов с разным стажем работы, которые позволяют говорить о наличии специфических ресурсов, способствующих поддержанию жизнеспособности людей, работающих с детьми-сиротами на этапе первых двух лет работы, в период от 2 до 5 лет работы. Полученные данные позволяют проследить характер влияния условий труда на жизнеспособность профессионалов, работающих в социальной сфере более 6 лет. Фактор «стаж работы» выражено влияет на такие компоненты жизнеспособности профессионалов, работающих с детьми-сиротами, как интернальный локус контроля и настойчивость, что позволяет сделать вывод о значении мероприятий поддержки жизнеспособности в период первых 5 лет работы.

Ключевые слова: жизнеспособность человека, профессионалы социальной сферы, экологический подход, факторы риска, стаж работы.

В области социально-психологических наук вопрос о соответствии ресурсов человека имеющимся задачам является традиционным, и особую актуальность проблема изучения человеческих ресурсов имеет в сфере труда представителей «помогающих профессий». Исследователи отмечают наличие информационных

и организационных стрессоров в деятельности профессионалов социальной сферы [2], обращаются к исследованию феноменов эмоционального выгорания [2], адаптации [4], жизнестойкости [9], совладающего поведения [7]. Факторы риска в деятельности профессионалов социальной сферы, обуславливающие значитель-

Для цитаты:

Лотарева Т.Ю. Влияние стажа работы на жизнеспособность профессионалов социальной сферы // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 4. С. 99–116. doi:10.17759/sps.2016070407

* Лотарева Таисия Юрьевна — аспирант, Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия, lotaya@mail.ru

ные эмоциональные нагрузки и дефицит поддерживающих ресурсов, актуализируют задачу выявления личностных и средовых ресурсов поддержки.

Исследования личностных ресурсов в контексте влияния средовых условий представлены в концепции жизнеспособности человека. Под жизнеспособностью человека понимается «...индивидуальная способность человека к управлению собственными ресурсами, обеспечивающая высокий предел личностной психической адаптации в контексте развития личности, а также социальной и профессиональной самореализации человека в условиях социальных, культурных норм и средовых условий» [8, с. 113].

Традиция изучения жизнеспособности профессионалов социальной сферы берет начало в исследованиях ученых Европы и США. Эти исследования реализуются в рамках экологического подхода Ю. Бронфенбреннера [23]. Жизнеспособность понимается как основной ресурс социальных работников [24], изучаются способы усиления поддержки [28; 31] и обращения индивида к ресурсам и поддержке [26], решается задача мониторинга компонентов жизнеспособности [31].

В исследованиях феноменологии жизнеспособности человека ученые обращают особое внимание на факторы, влияющие на развитие жизнеспособности или угрожающие ей [13; 30]. В рамках экологического подхода выделяют факторы риска и факторы защиты, способствующие формированию и развитию жизнеспособности человека. Подчеркивается, что проявления жизнеспособности зависят от контекста, качества и количества стрессоров, индивидуальных черт и культурных особенностей [12].

Авторы чаще выделяют факторы отрицательного воздействия на жизне-

способность представителей социально-экономических профессий: несовершенство законодательства, высокая степень неопределенности в деятельности, необходимость работы с последствиями психологических травм, невысокий престиж профессии, отсутствие системы мотивации, дефицит адекватного обучения и т. д. Неблагоприятные условия труда и психотравмирующие обстоятельства, по мнению ученых, приводят к перенапряжению, перегрузкам, профессиональным деформациям личности [15] и профессионально обусловленным психосоматическим заболеваниям [11]. Тем не менее, жизнеспособность профессионалов выступает тем ресурсом, который помогает противостоять сложившейся в целом неблагоприятной ситуации в сфере социальной работы [28]. Поэтому научный интерес к исследованию феномена жизнеспособности профессионалов социальной сферы, с одной стороны, связан с необходимостью выявления ресурсов, которые позволяют представителям социально-экономических профессий сохранять потенциал адаптации и развития в заданных условиях, с другой стороны, это исследование откроет ключ к пониманию характера влияния условий трудовой деятельности на жизнеспособность профессионалов социальной сферы.

Программа эмпирического исследования

Для изучения жизнеспособности профессионалов социальной сферы была исследована группа профессионалов, работающих с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей. В целях определения характера влияния условий труда на жизнеспособность

профессионалов были исследованы три группы профессионалов, отличающихся стажем работы в учреждении, деятельность которого связана с воспитанием и сопровождением детей, оставшихся без попечения родителей. Мы выдвинули следующую гипотезу: если фактор «стаж работы» оказывает влияние на жизнеспособность профессионалов социальной сферы, то это проявится в статистически значимых отличиях в показателях жизнеспособности в группах профессионалов.

Нами было проведено исследование структурных компонентов жизнеспособности профессионалов, работающих с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей. Теоретической основой исследования послужил компонентный подход к жизнеспособности человека А.В. Махнача. По его мнению, шестикомпонентная структура жизнеспособности формируется благодаря следующим компонентам: самооффективность, настойчивость, интернальный локус контроля, социальная поддержка, совладание и адаптация, духовность [12].

Участники исследования

В исследовании приняли участие 100 специалистов, работающих с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей: социальные педагоги, педагоги-психологи и воспитатели, инспектора органов опеки и попечительства. Выборку составили 98 женщин, 2 мужчин, средний возраст — 40 лет

(min — 25 лет, max — 59 лет). Профессионалы были разделены на три группы в соответствии со стажем работы.

В первую группу вошли профессионалы, имеющие стаж работы в сфере сиротства до двух лет. Этот период времени определяется адаптацией сотрудника к условиям профессиональной деятельности. Поэтому на данном этапе можно наблюдать специфические отклонения в показателях жизнеспособности, которые будут отражать актуализацию определенных ресурсов, отвечающих задачам адаптации к профессиональной деятельности. Во вторую группу вошли профессионалы, чей опыт работы составляет 2–5 лет. Этот период соответствует уровню интернала (по Е.А. Климову) [6]. На этом уровне происходит полноценное функционирование профессионала в своей трудовой деятельности, сопряженное с процессом его включения в социальную сеть профессиональных контактов. Поэтому структурные особенности жизнеспособности специалистов этой группы покажут картину тех ресурсов, которые актуализируются в условиях полного погружения в деятельность. В третью группу вошли профессионалы с опытом работы от 6 лет и более. Структурные особенности профессионалов этой группы, с одной стороны, будут отражать последствия более длительного влияния фактора «стаж работы», с другой стороны, покажут ключевые ресурсы профессионалов, работающих с детьми-сиротами более 6 лет.

Таблица 1

Распределение профессионалов социальной сферы по группам

Группа	Стаж (в годах)	Количество (n)	Средний возраст
1	До 2	22	35
2	2–5	38	40
3	Более 6	40	42

Методы исследования

Компоненты жизнеспособности были изучены нами с помощью стандартизированных тестов: «Шкала общей самоэффективности» Р. Шварцера, М. Ерусалема в адаптации В.Г. Ромека [20]; «Опросник для оценки настойчивости» [4]; «Тест жизнестойкости» С. Мадди [9]; тест «Уровень субъективного контроля» Дж. Роттера [19]; тест «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» [7]; диагностика самоактуализации личности А.В. Лазукина [19]; «Шкала социальной поддержки» [33]; Ценностный опросник Ш. Шварца [5], Тест «Жизнеспособность взрослого человека» [12], тест «Семейные ресурсы» [14].

Статистическая обработка данных

В целях выявления феноменов, характеризующих особенности жизнеспособности специалистов социальной сферы, была проведена статистическая обработка данных с использованием непараметрического критерия Краскела–Уолеса. Выявление статистически значимых отличий между двумя группами профессионалов проводилось с исполь-

зованием критерия Манна–Уитни. Для статистической обработки данных применялось программное обеспечение IBM SPSS Statistics Base 20.

Результаты эмпирического исследования

В целях чистоты эксперимента необходимо исключение влияния фактора «возраст» на структуру жизнеспособности профессионалов третьей группы. Особенность исследуемой выборки состоит в том, что профессионалы второй и третьей групп незначительно отличаются по этому параметру, поэтому статистический анализ по критерию Манна–Уитни не показал значимых отличий между группами по возрасту, что позволяет исследовать влияние фактора «стаж работы» на жизнеспособность отдельно.

Для оценки каждого из шести компонентов жизнеспособности профессионалов были использованы параметры, соответствующие шкалам тестов и опросников. По каждому из этих параметров выявлялись статистически значимые отличия в трех группах профессионалов (табл. 2).

Таблица 2

Отличия в структуре жизнеспособности в трех группах профессионалов социальной сферы

Компонент жизнеспособности	Параметры	Различия в трех группах	Выраженность отличий в группах (по убыванию)
Самоеффективность	Шкала самоеффективности	-	-
Настойчивость	Настойчивость	**	1 = 2, 3
	Вовлеченность	*	1 = 2, 3
	Принятие риска	***	1 = 2, 3
	Контроль	T	2, 1, 3
	Жизнестойкость	**	1 = 2, 3
Совладание	Совладание и адаптация	T	2, 1, 3

Компонент жизне- способности	Параметры	Различия в трех группах	Выраженность отличий в группах (по убыванию)
	Копинг, ориентирован- ный на решение задач	-	-
	Копинг, ориентирован- ный на эмоции	-	-
	Копинг, ориентирован- ный на избегание	-	-
	Копинг, ориентирован- ный на отвлечение	-	-
	Копинг, ориентирован- ный на социальное от- влечение	T	2, 1 = 3
Интернальный локус контроля	Общая интернальность	***	2 = 1, 3
Духовность	Духовность	**	2, 3, 1
	Самоактуализация	*	1 = 2, 3
	Ориентация во времени	-	
	Ценности	-	
	Взгляд на природу чело- века	-	
	Потребность в познании	-	
	Креативность	-	
	Автономность	**	1, 2, 3
	Спонтанность	***	1 = 2, 3
	Самопонимание	-	
	Аутосимпатия	*	1 = 2, 3
	Контактность	*	1 = 2, 3
	Гибкость в общении	-	
	Конформность Ц	-	-
	Конформность Л	-	-
	Традиции Ц	T	3, 2, 1
	Традиции Л	-	-
	Доброта Ц	-	-
	Доброта Л	-	-
	Универсализм Ц	-	-
	Универсализм Л	T	2, 3 = 1
	Самостоятельность Ц	T	2, 3, 1
	Самостоятельность Л	-	-
	Стимуляция Ц	-	-
Стимуляция Л	-	-	
Гедонизм Ц	-	-	

Компонент жизне- способности	Параметры	Различия в трех группах	Выраженность отличий в группах (по убыванию)
	Гедонизм Л	-	-
	Достижение Ц	-	-
	Достижения Л	-	-
	Власть Ц	-	-
	Власть Л	-	-
	Безопасность Ц	-	-
	Безопасность Л	-	-
Социальная под- держка	Поддержка семьи	-	-
	Поддержка друзей	-	-
	Поддержка значимых других	T	2, 1 = 3
Семейные ресурсы	Семейная поддержка	-	-
	Физическое здоровье членов семьи	-	-
	Решение проблем в семье	-	-
	Семейные роли и правила	-	-
	Эмоциональные связи в семье	-	-
	Финансовая свобода семьи	-	-
	Семейная коммуникация	-	-
	Управление семейными ресурсами	-	-

Примечание 1: «*» — статистически значимые отличия при $p \leq 0,05$; «**» — значимые отличия при $p \leq 0,01$; «***» — значимые отличия при $p \leq 0,001$; T — выявлена тенденция статистически значимых отличий; «-» — отличия не выявлены.

Примечание 2: Ц — нормативные ценности, Л — ценности на уровне поведения личности.

Первый компонент жизнеспособности профессионала — *самоэффективность* был исследован с помощью «Шкалы общей самоэффективности» Р. Шварцера, М. Ерусалема. Как известно, от самоэффективности профессионалов зависит их готовность к решению возникающих задач, продуктивность в работе с социальными ресурсами для реализации своевременной и эффективной заботы о детях.

Согласно полученным данным, отмечаются небольшие отличия между первой группой и двумя другими, которые свиде-

тельствуют о том, что на этапе адаптации к профессии большая часть специалистов не столь уверены в своей эффективности, как более опытные коллеги. Однако эти отличия имеют низкую статистическую значимость, поэтому сложно говорить о влиянии фактора «стаж работы» на самоэффективность профессионалов.

Значимые отличия наблюдаются по показателям, оценивающим второй компонент структуры жизнеспособности — *настойчивости*. Необходимо отметить, что в деятельности професси-

оналов социальной сферы отсутствует разработанная система поощрений и мотивации, опирающаяся на личностные потребности, стимулирующая личностный и социальный рост. При этом им часто приходится иметь дело с немотивированными клиентами, сопротивляющимися психологическим и социальным интервенциям. По этим основаниям настойчивость как компонент жизнеспособности профессионалов социальной сферы находится в зоне риска.

Согласно А.В. Махначу, настойчивость как проявление упорства человека

в достижении поставленных целей опирается на его жизнестойкость [12]. Поэтому этот компонент был исследован с помощью «Опросника для оценки настойчивости» и «Теста жизнестойкости» С. Мадди [9]. Статистически значимые отличия выявлены по всем параметрам компонента настойчивость, что подтверждает наше предположение о влиянии фактора «стаж работы» на настойчивость профессионалов. В первой и во второй группе профессионалов показатели настойчивости значительно выше, чем в третьей группе (табл. 3).

Таблица 3

Отличия по параметрам компонента настойчивость по «Опроснику для оценки настойчивости» и «Тесту жизнестойкости» С. Мадди в трех группах профессионалов (по критерию Краскела–Уолеса)

Параметры	Группы профессионалов	N	Средний ранг	Статистики критерия
Настойчивость	1 (до 2 лет)	22	59,7*	= 6,6 Ст.св. 2 Асимпт. знч. 0,037
	2 (2–5 лет)	38	57,4*	
	3 (6 и более лет)	40	38,8*	
	Всего	100		
Вовлеченность	1 (до 2 лет)	22	59,8*	= 7 Ст.св. 2 Асимпт. знч. 0,03
	2 (2-5 лет)	38	54,7*	
	3 (6 и более лет)	40	41,4*	
	Всего	100		
Принятие риска	1 (до 2 лет)	22	53,6***	= 13,7 Ст.св. 2 Асимпт. знч. 0,001
	2 (2–5 лет)	38	61,9***	
	3 (6 и более лет)	40	38***	
	Всего	100		
Контроль	1 (до 2 лет)	22	51,7 т	= 3,7 Ст.св. 2 Асимпт.знч. 0,16
	2 (2–5 лет)	38	56,6 т	
	3 (6 и более лет)	40	44,1 т	
	Всего	100		
Жизнестойкость	1 (до 2 лет)	22	59,9**	= 10,9 Ст.св. 2 Асимпт.знч. 0,004
	2 (2–5 лет)	38	57,4**	
	3 (6 и более лет)	40	38,8**	
	Всего	100		

Примечание: «*» – значимые отличия при $p \leq 0,05$; «**» – значимые отличия при $p \leq 0,01$; «***» – значимые отличия при $p \leq 0,001$; т – выявлена тенденция статистически значимых отличий.

Наблюдаемый феномен напоминает эффект «выученной беспомощности» в группе профессионалов, имеющих стаж работы более 6 лет. Этот эффект обычно является следствием многочисленных фрустраций в деятельности, характеризуется дефицитом мотивационных, эмоциональных и когнитивных ресурсов. Учитывая относительно высокие значения по шкале «самоэффективность», можно было бы предположить, что профессионалы третьей группы менее настойчивы, так как перестают упорствовать в неэффективных действиях, опираются на ясные и привычные схемы действий. Однако относительно низкие значения по шкале «Контроль» (которые указывают на то, что более опытные профессионалы с годами работы не приобретают чувство контроля над ситуацией) ставят под сомнение предположение о снижении настойчивости на фоне оптимизации своей деятельности. Принимая во внимание столь же низкие и статистически значимые показатели по шкалам «Вовлеченность» и «Принятие риска», можно заключить, что фактор «стаж работы» способствует снижению настойчивости профессионалов социальной сферы, что, в свою очередь, дает основание выдвинуть предположение о выборе опытными профессионалами более осторожных и энергосберегающих стратегий совладания, которые можно определить как пассивность.

Для прояснения предположения о влиянии стажа работы на стратегии совладания компонент жизнеспособности

совладание был изучен с помощью шкалы «Совладание и адаптация» теста «Жизнеспособность взрослого человека» [12] и теста «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» [7].

Полученные данные выявили тенденцию, согласно которой профессионалы второй группы склонны активно искать выход из проблемной ситуации, актуализируя свой опыт и внешние ресурсы, в то время как профессионалы третьей группы в гораздо меньшей степени ориентированы на продуктивные стратегии совладания (табл. 2, шкала «Совладание и адаптация»). Эта тенденция свидетельствует о том, что профессионалы, работающие более 6 лет с детьми-сиротами, не так сильно ориентированы на разрешение проблемных ситуаций, как молодые специалисты и профессионалы с опытом работы от 2 до 5 лет, что подтверждает предположение о выборе пассивности в качестве ведущей стратегии совладания с трудностями.

Вместе с тем исследование стратегий совладания (копингов) профессионалов трех групп позволило выявить интересный феномен, который состоит в использовании профессионалами второй группы стратегии, направленной на поиск общения как возможности переключиться, отвлечься от проблем. В то время как в первой и третьей группе показатель по шкале «копинг, ориентированный на социальное отвлечение», значительно ниже. По-видимому, на этапе полного вхождения в профессиональную деятельность рефлексия проблемности¹

---

¹ Понятие «проблемность» разработано ученым Л.Г. Дикой, Ю.Я. Голиковым, А.Л. Костиным и означает «...психическое явление, возникающее вследствие субъективно значимого изменения объективной действительности и ее психического отражения и представляющее одну из форм несоответствия между ними, появление и преодоление которого обеспечивается механизмами психической регуляции» [17, с. 13].

профессионалами с 2–5-летним стажем работы представляется таким фактором нагрузки, под влиянием которого становится востребован ресурс социальной поддержки. Более низкие показатели по этой шкале в третьей группе, похоже, являются результатом особой адаптации к условиям труда, при которой специалист не сильно растрчивает свои эмоциональные ресурсы, следовательно, не нуждается в отвлечении.

Полученные данные, свидетельствующие о готовности специалистов первой и второй групп активно использовать продуктивные способы совладания (в отличие от более опытных коллег), указывают на то, что стадии вхождения в профессию являются сензитивными для мероприятий, направленных на поддержку жизнеспособности профессионалов. Более того, результаты говорят о перспективности развития форм социальной поддержки профессионалов с опытом работы от 2 до 5 лет. Эти рекомендации подтверждаются результатами исследования социальной поддержки.

Социальная поддержка проявляется в уверенности человека в том, что семья, друзья, коллеги окажутся рядом, помогут и поддержат в нужную минуту. В исследованиях жизнеспособности профессионалов социальной сферы делается акцент на таких качествах, как привязанность специалистов социальной сферы во взаимодействии с социальными клиентами [27], факторе прохождения тренинга коммуникативных навыков и эмоционального интеллекта [31], а также на возможности получения своевременной помощи в виде супервизий и обучения [24].

В нашем исследовании мы старались определить источник наиболее сильной социальной поддержки для профессионалов каждой из трех групп. Компонент

социальная поддержка был изучен с помощью Шкалы социальной поддержки, MSPSS Д. Зимета [33] и теста «Семейные ресурсы» [16]. По результатам исследования выявлена тенденция, согласно которой профессионалы второй группы в отличие от двух других групп специалистов высоко оценивают ресурс поддержки со стороны «значимых других». Вместе с тем, фактор «стаж работы» профессионалов не связан с отличиями в их представлениях о своих семейных ресурсах и семейной поддержке (см. табл. 2). Эти данные указывают на то, что сфера семьи является независимым источником поддержки для исследуемой группы специалистов, работающих с детьми-сиротами.

Следующий компонент жизнеспособности — интернальный локус контроля был изучен с помощью теста УСК Дж. Роттера [20]. Уровень интернальности показывает, насколько человек уверен в том, что причины изменений являются результатом его собственных усилий. Статистический анализ позволил выявить значимые отличия в показателях общей интернальности, согласно которым профессионалы второй группы оказались самыми интернальными, в то время как третья группа имеет наименьшие значения по этому показателю. Между первой и второй группами отличия статистически не значимы. Следовательно, профессионалы, которые более 6 лет работают в социальной сфере, в большей мере склонны приписывать причины происходящих событий внешним факторам, снижая тем самым значимость своего участия. Эти данные приводят к выводу о том, что в системе труда профессионалов социальной сферы присутствуют механизмы, способствующие снижению веры профессионалов в возможность своего влияния на ситуацию. По сути, эта тенденция говорит

о том, что современные условия труда оказывают угнетающее влияние на ощущение себя профессионалом — субъектом деятельности [10].

Еще одним важным элементом субъекта труда и компонентом жизнеспособности выступает *духовно-нравственный* компонент. К.А. Абульханова-Славская, развивая положение С.Л. Рубинштейна, подчеркивает: «Личность становится индивидуальностью, достигая максимального уровня своей особенности, а субъектом она становится, достигая оптимального уровня развития своей человечности, этичности» [1]. Духовно-нравственный компонент жизнеспособности человека связан с его устремлением к духовному развитию и формированию духовно-творческого потенциала, который почти всегда несет в себе мощный психологический заряд и резерв жизнеспособности. Гуманистическая направленность человека является главным системообразующим началом в философии субъекта С.Л. Рубинштейна, А.В. Брушлинского и, несомненно, выступает важным компонентом жизнеспособности профессионалов социальной сферы.

Этот компонент был исследован нами с помощью методики «Диагностика самоактуализации личности» А.В. Лазукина в адаптации Н.Ф. Калиной (САМОАЛ), которая позволяет оценить выраженность высших человеческих потребностей, таких как потребность в познании, креативность, а также выявляет признаки адаптивной и зрелой личности: аутосимпатия, гибкость в общении, автономность и др. Также была использована шкала «Духовность» теста «Жизнеспособность взрослого человека» [12] с целью выявления у профессионалов доверия высшим силам и опоры в своей жизни на них и Ценностного опросника

Ш. Шварца для определения влияния фактора «стаж работы» на ценностные ориентации профессионалов.

Результаты исследования духовно-нравственного компонента позволяют говорить об отличиях в группах профессионалов с разным стажем работы с детьми, оставшимися без попечения родителей. Обращают на себя внимание результаты, согласно которым у профессионалов с опытом работы от 2 до 5 лет выражен ресурс опоры на Высшее, в то время как профессионалы первой группы, похоже, не испытывают потребности в нем (см. табл. 2, шкала «Духовность»). Эти данные свидетельствуют о том, что максимальная актуализация духовных ресурсов профессионалов происходит в период от 2 до 5 лет работы в должности. Данные по тесту САМОАЛ показывают схожесть первой и второй групп профессионалов в выраженности таких показателей, как «спонтанность», «контактность», «аутосимпатия», что также дополняет образ уверенного в себе специалиста, активно использующего социальные ресурсы на первых стадиях вхождения в профессию. Также этот факт свидетельствует о том, что продолжительность работы в учреждении более 6 лет влияет на снижение веры в себя, в Бога и в целом — в ресурс социальной поддержки.

Представляют интерес отличия, полученные по шкале «Автономия», которые проявляются в том, что специалисты первой группы считают себя более независимыми от окружения, чем коллеги второй и третьей групп. Это чувство автономии и независимости значимо ниже у профессионалов второй группы и еще ниже у специалистов, работающих более 6 лет. Однако, принимая во внимание различия во второй и третьей группах

профессионалов по компонентам жизнеспособности (социальная поддержка и интернальный локус контроля), эти результаты заслуживают разной интерпретации. Данные, свидетельствующие о снижении чувства автономии во второй группе, можно связать с процессом принятия необходимости профессионалами координировать свои действия и решения с руководством, командой специалистов и различными ведомствами. В то время как профессионалы третьей группы, судя по всему, чувствуют себя более независимо по отношению к внешним обстоятельствам.

Исследование отличий в ценностных ориентациях духовно-нравственного компонента жизнеспособности профессионалов позволяет говорить о том, что время работы в социальной сфере не сильно затрагивает ценностные структуры личности. Однако выражена тенденция, согласно которой профессионалы второй группы выше оценивают самостоятельность как ценность, а также свою способность к проявлению понимания, терпимости и защите благополучия людей и природы (табл. 2, шкалы «Самостоятельность Ц» и «Универсализм Л»), в то время как профессионалы третьей группы выше оценивают значение традиций — уважение и ответственность за культурные и религиозные обычаи и идеи. Таким образом, в сфере ценностей наблюдаются различия, которые подчеркивают выраженную субъектность и гуманистическую направленность профессионалов второй группы.

Обобщая результаты исследования, можно считать подтвержденной гипотезу о влиянии фактора «стаж работы» на жизнеспособность профессионалов социальной сферы. Выраженные отличия в группах профессионалов с раз-

ным стажем работы выявлены в таких компонентах жизнеспособности, как настойчивость, интернальный локус контроля, социальная поддержка, духовность—нравственность.

Более того, исследование отличий в структуре жизнеспособности профессионалов трех групп позволило выделить два профиля жизнеспособности. Первый профиль характерен для специалистов, имеющих стаж работы от 2 до 5 лет. Этот профиль связан с проявлением качеств, характеризующих полноценного субъекта деятельности, таких как: выраженная интернальность; стремление использовать продуктивные стратегии совладания и социальные ресурсы; выраженная настойчивость; готовность вовлекаться в деятельность и принимать риски, сопряженная с чувством собственной автономии и опорой на гуманистические ценности. Вторым профилем, характерным для профессионалов со стажем работы более 6 лет, выражен в выборе пассивных стратегий совладания и адаптации, которые дополняются низкой интернальностью и стремлением следовать традициям. Вместе с тем, по-видимому, даже длительный опыт работы с детьми-сиротами (более 6 лет) не оказывает отрицательного воздействия на представления человека о своей эффективности, на большую часть его ценностных ориентаций и семейные ресурсы. Специалисты первой группы в большей степени демонстрируют признаки первого профиля и ряд признаков, которые отражают частичную актуализацию личностных и социальных ресурсов на этапе адаптации на фоне выраженного чувства автономии.

Таким образом, по результатам исследования можно заключить, что большой стаж работы выступает фактором риска для жизнеспособности профес-

сионалов социальной сферы, что свидетельствует о необходимости реализации мероприятий, направленных на поддержание и развитие их жизнеспособности в период первых 5 лет работы в социальной сфере. Использование этих мероприятий целесообразно строить с опорой на социальный ресурс, который присутствует в таких видах поддерж-

ки, как супервизии, методические объединения, тренинги коммуникативных навыков и др. Также результаты исследования свидетельствует о наличии в системе социальной работы механизма, оказывающего разрушительное воздействие на субъектность профессионалов, работающих с детьми, оставшимися без попечения родителей.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Социально-психологические факторы формирования жизнеспособности профессионала» № 16-06-00702.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абульханова-Славская К.А.* Принцип субъекта в философско-психологической концепции С.Л. Рубинштейна // С.Л. Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы. М.: Наука, 1989. С. 10–61.
2. *Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С.* Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Питер, 2005. 336 с.
3. *Дикая Л.Г., Крылова Г. Ю.* Социально-психологические аспекты профессиональной адаптации в стрессогенных условиях деятельности // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы проблемы, перспективы / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Изд. PerSe, 2007. С. 483–505.
4. *Ильин Е.П.* Психология воли. 2-е изд. СПб.: Питер, 2009. 368 с.
5. *Карандашев В.Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004. 70 с.
6. *Климов Е.А.* Психология профессионального самоопределения: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 4-е изд., стер. М.: Изд. Центр «Академия», 2004. 304 с.
7. *Крюкова Т.Л.* О методологии исследования и адаптации опросника диагностики овладевающего (копинг) поведения // Психология и практика: Сб. научн. трудов. Вып. 1 / Отв. ред. В.А. Соловьева. Кострома: Изд-во КГУ имени Н.А. Некрасова, 2001. С. 70–82.
8. *Лактионова А.И.* Структурно-уровневая организация жизнеспособности человека: метасистемный подход // Личность профессионала в современном мире / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлёв. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 109–126.
9. *Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И.* Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 64 с.
10. *Лотарева Т.Ю.* Субъектность в структуре жизнеспособности профессионалов социальной сферы // Личность и бытие: субъектный подход (к 80-летию со дня рождения А.В. Брушлинского): материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. (с иностранным участием) / Под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. М.; Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2013. С. 162–164.

11. *Малярчук Н.Н.* Пути профилактики и преодоления синдрома профессионального выгорания // Актуальные проблемы профессионального развития педагогов в системе профессионального образования: теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2005. С. 76–81.
12. *Махнач А.В.* Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 459 с.
13. *Махнач А.В.* Социокультурный экологический подход в исследовании жизнеспособности человека и семьи // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2014. № 3 (43). С. 67–75.
14. *Махнач А.В., Прихожан А.М., Толстых Н.Н.* Психологическая диагностика кандидатов в замещающие родители: Практическое руководство. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 219 с.
15. *Орел В.Е.* Исследование профессиональной деформации личности на уровне представлений о профессии // Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук: Психология: Тезисы юбилейной конференции, Ярославль, 1995. С. 43-46.
16. *Прихожан А.М., Толстых Н.Н.* Психология сиротства. 2-е изд. СПб.: Питер, 2005. 628 с.
17. Проблемность в профессиональной деятельности: теория и методы психологического анализа / Отв. ред. Л.Г. Дикая. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999. 358 с.
18. Психологические исследования нравственности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 413 с.
19. *Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института психотерапии, 2005. 490 с.
20. *Шварцер Р., Ерусалем М., Ромек В.Г.* Русская версия шкалы общей самооффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема // Иностранная психология. 1996. № 7. С. 71–77.
21. *Bandura A.* Self-efficacy // Encyclopedia of human behavior. Vol. 4 / V.S. Ramachaudran (Ed.). New York: Academic Press, 1994. P. 71–81.
22. *Barth R.E., Christopher L., Sharon L.C., Mimi V.Ch., Nancy S.D.* Child welfare worker characteristics and job satisfaction: A national study // Social Work. 2008. Vol. 53. № 3. P. 199–209.
23. *Bronfenbrenner U.* Ecology of the family as a context for human development: Research perspectives // Developmental Psychology. 1986. Vol. 22 (6). P. 723–742. doi:10.1037/0012-1649.22.6.723
24. *Collins S.* Social workers, resilience, positive emotions and optimism // Practice: Social Work in Action. 2008. Vol. 19. № 4. P. 255–269.
25. *Getz L.* Trauma-informed social work education // Social Work Today. 2013. Vol. 13. № 2. P. 18.
26. *Grant L., Kinman G.* Enhancing wellbeing in social work students: building resilience in the next generation // Social Work Education: The International Journal. 2012. Vol. 31. № 5. P. 605–621. doi:10.1080/02615479.2011.590931

27. *Irizarry C.* Reclaiming stolen identities: resilience and social justice in mid-life // *Social Work in Mental Health*. 2008. Vol. 7 (1–3). P. 226–240.
28. *Kinman G., Grant L.* Exploring stress resilience in trainee social workers: The role of emotional and social competencies // *British Journal of Social Work*. 2011. Vol. 41. P. 261–275. doi: 10.1080/02615479.2015.1087996.
29. *Leiter M.P., Harvie P., Frizzell C.* The correspondence of patient satisfaction and nurse burnout // *Social Science and Medicine*. 1998. Vol. 47. P. 1611–1617. doi: 10.1016/S0277-9536(98)00207-X
30. *Masten A.S., Tellegen A.* Resilience in developmental psychopathology: Contributions // *Development and Psychopathology*. 2012. Vol. 24. P. 345–361. doi:10.1017/S095457941200003X
31. *Morrison T.* Emotional intelligence, emotion and social work: context, characteristics complications and contribution // *British Journal of Social Work*. 2007. Vol. 37. P. 245–263. doi: 10.1093/bjsw/bcl016
32. *Rotter J.B.* Internal versus external control of reinforcement: A case history of a variable // *American Psychologist*. 1990. Vol. 45 (4). P. 489–493.
33. *Zimet G.D., Dahlem N.W., Zimet S.G., Farley G.K.* The Multidimensional Scale of Perceived Social Support // *Journal of Personality Assessment*. 1988. Vol. 52. P. 30–41.

The effect of work experience on the social sphere professionals' resilience

T. YU. LOTAREVA*,
Moscow, Russia, lotaya@mail.ru

The relevance of research of social sphere professionals' resilience in order to identify the major resources of adaptation and development of people who are affected by risk factors in their work is discussed. The determination of the working conditions influencing on the professionals' resilience is presented. It was shown that some of structural components of the professionals' resilience with different work experience allow to state that they have specific resources which help them to support their resilience in the work with orphans during the initial period of their operation, and in the period from 2 to 5 years. The interrelations of working conditions and resilience of the professionals who are working in the social sector for over 6 years are discussed. The factor "work experience" affect such components of professionals' resilience as internal locus of control and perseverance that allows to conclude that the resilience support actions should be carried out during the first 5 years of operation.

Keywords: Resilience, social sphere professionals, the ecological approach, risk factors, work experience.

Financing

The research was conducted with the financial support from Russian Foundation for Humanities. Project "Socio-psychological factors of the formation of professional's resilience" № 16-06-00702.

REFERENCES

1. Abul'hanova-Slavskaja K.A. Princip sub#ekta v filosofsko-psihologicheskoj koncepcii S.L. Rubinshtejna [The principle of the subject in the philosophical-psychological concept of S.L. Rubinstein]. S.L. Rubinshtejn. Oчерki. Vospominanija. Materialy [S.L. Rubinstein. Essays. Memories. Materials.]. Moscow: Nauka, 1989, pp. 10–61.
2. Vodop'janova N.E., Starchenkova E.S. Sindrom vygoranija: diagnostika i profilaktika [The burnout syndrome: diagnostics and prevention]. Saint- Petersburg: Piter, 2005. 336 p.
3. Dikaja L.G., Krylova G. Ju. Social'no-psihologicheskie aspekty professional'noj adaptacii v stressogennyh uslovijah dejatel'nosti [Socio-psychological aspects of professional adaptation in stress conditions]. In L.G. Dikaja, A.L. Zhuravlev (ed.). *Psihologija adapta-*

For citation:

Lotareva T.Yu. The effect of work experience on the social sphere professionals' resilience. *Sotsial'naja psichologija i obščestvo = Social Psychology and Society*, 2016. Vol. 7, no. 4, pp. 99–116. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2016070407

* Lotareva Taisiya Yu. — postgraduate student, Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia. lotaya@mail.ru

- cii i social'naja sreda: sovremennye podhody problemy, perspektivy [Psychology adaptation and social environment: modern approaches, problems, prospects]*. Moscow: Publ. PerSe, 2007, pp. 483–505.
4. Il'in E.P. *Psihologija voli [Psychology will]*. 2-e izd. Saint-Petersburg: Piter, 2009. 368 p.
  5. Karandashev V.N. *Metodika Shvarca dlja izuchenija cennostej lichnosti: koncepcija i metodicheskoe rukovodstvo [Schwartz technique for studying personality values: concept and methodological guidance]*. Saint-Petersburg: Rech', 2004. 70 p.
  6. Klimov E.A. *Psihologija professional'nogo samoopredelenija [Psychology of professional self-determination]: ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij. 4-e izd., ster* Moscow: Publ. Cenr "Akademija", 2004. 304 p.
  7. Krjukova T.L. *O metodologii issledovanija i adaptacii oprosnika diagnostiki sovladajushhego (koping) povedenija [About the research methodology and adaptation of the questionnaire diagnosis of coping (coping) behavior]*. In V.A. Solov'eva (ed.). *Psihologija i praktika [Psychology and practice]: Sb. nauchn. trudov. Vyp. 1*. Kostroma: Publ. KGU imeni N.A. Nekrasova, 2001, pp. 70–82.
  8. Laktionova A.I. *Strukturno-urovnevaya organizacija zhiznesposobnosti cheloveka: metasistemnyj podhod [Structural-level organization resilience: a metasystem approach]. Lichnost' professionala v sovremennom mire [Personality of a professional in the modern world]*. In L.G. Dikaya, A.L. ZHuravlyov (ed.). Moscow: Publ. "Institut psihologii RAN", 2013. pp. 109-126.
  9. Leont'ev D.A., Rasskazova E.I. *Test zhiznestojkosti [The test of hardiness]*. Moscow: Smysl, 2006. 64 p.
  10. Lotareva T.Ju. *Sub#ektnost' v strukture zhiznesposobnosti professionalov social'noj sfery [Subjectivity in the structure of social sphere professionals' resilience]*. In Z.I. Rjabikinoj, V.V. Znakova. (ed.). *Lichnost' i bytie: sub#ektnyj podhod (k 80-letiju so dnja rozhdenija A.V. Brushlinskogo): materialy VI Vseros. nauch.-prakt. konf. (s inostrannym uchastiem) [Personality and life: the subjective approach (to the 80 anniversary from the birthday of A.V. Brushlinsky): Proceedings of the VI All-Russia. scientific-practical. conf. (with foreign participation)*. Moscow; Krasnodar: Kubanskij gos. un-t, 2013, pp. 162–164.
  11. Maljarchuk N.N. *Puti profilaktiki i preodolenija sindroma professional'nogo vygoranija [Ways of preventing and overcoming professional burnout syndrome]. Aktual'nye problemy professional'nogo razvitija pedagogov v sisteme professional'nogo obrazovanija: teorija i praktika. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. [Actual problems of professional development of teachers in vocational education: theory and practice. Proceedings of All-Russian scientific-practical conference]*. Tjumen': Publ. Tjumen'skogo gos. un-ta, 2005, pp. 76–81.
  12. Mahnach A.V. *Zhiznesposobnost' cheloveka i sem'i: social'no-psihologicheskaja paradigmu [Resilience of person and family: social-psychological paradigm]*. Moscow: Publ. "Institut psihologii RAN", 2016. 459 p.
  13. Mahnach A.V. *Sociokul'turnyj jekologicheskij podhod v issledovanii zhiznesposobnosti cheloveka i sem'i [Socio-cultural ecological approach to the study of resilience and family]*. *Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke [Social and human Sciences in the far East]*, 2014, no. 3 (43), pp. 67–75.

14. Mahnach A.V., Prihozhan A.M., Tolstyh N.N. Psihologicheskaja diagnostika kandidatov v zameshhajushhie roditeli: Prakticheskoe rukovodstvo [Psychological diagnosis of candidates in adoptive parents: a practical guide]. Moscow: Publ. "Institut psihologii RAN", 2013. 219 p.
15. Orel V.E. Issledovanie professional'noj deformacii lichnosti na urovne predstavlenij o professii [A study of professional deformation of the individual-level perceptions of the profession]. *Aktual'nye problemy estestvennyh i gumanitarnyh nauk: Psihologija: Tezisy jubilejnoj konferencii*. [Actual problems of natural and humanitarian Sciences: Psychology: Abstracts of the anniversary conference]. Jaroslavl', 1995, pp. 43–46.
16. Prihozhan A.M., Tolstyh N.N. Psihologija sirotstva [Psychology of orphanhood]. 2-e izd. Saint- Petersburg: Piter, 2005. 628 p.
17. Problemnost' v professional'noj dejatel'nosti: teorija i metody psihologicheskogo analiza [Problematic professional activities: theory and methods of psychological analysis]. In L.G. Dikaja (ed.). Moscow: Publ. "Institut psihologii RAN", 1999. 358 p.
18. Psihologicheskie issledovanija npravstvennosti [Psychological study of morality]. In A.L. Zhuravlev, A.V. Jurevich (ed.). Moscow: Publ. "Institut psihologii RAN", 2013. 413 p.
19. Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manujlov G.M. Social'no-psihologicheskaja diagnostika razvitija lichnosti i malyh grupp [Socio-psychological diagnostics of personality development and small group]. Moscow: Publ. Instituta psihoterapii, 2005. 490 p.
20. Shvarcer R., Erusalem M., Romek V.G. Russkaja versija shkaly obshhej samojeffektivnosti R. Shvarcera i M. Erusalema [Russian version of the General self-efficacy scale by R. Schwarzer and M. erusalem]. *Inostrannaja psihologija [Foreign psychology]*, 1996, no. 7, pp. 71–77.
21. Bandura A. Self-efficacy. In V.S. Ramachaudran (ed.). *Encyclopedia of human behavior*. New York: Academic Press, 1994. Vol. 4, pp. 71–81.
22. Barth R.E., Christopher L., Sharon L.C., Mimi V.Ch., Nancy S.D. Child welfare worker characteristics and job satisfaction: A national study. *Social Work*. 2008. Vol. 53, no. 3, pp. 199–209.
23. Bronfenbrenner U. Ecology of the family as a context for human development: Research perspectives. *Developmental Psychology*, 1986. Vol. 22 (6), pp. 723–742. doi:10.1037/0012-1649.22.6.723
24. Collins S. Social workers, resilience, positive emotions and optimism. *Practice: Social Work in Action*, 2008. Vol. 19, no. 4, pp. 255–269.
25. Getz L. Trauma-informed social work education. *Social Work Today*, 2013. Vol. 13, no. 2, pp. 18.
26. Grant L., Kinman G. Enhancing wellbeing in social work students: building resilience in the next generation. *Social Work Education: The International Journal*, 2012. Vol. 31, no. 5, pp. 605–621. doi:10.1080/02615479.2011.590931
27. Irizarry S. Reclaiming stolen identities: resilience and social justice in mid-life. *Social Work in Mental Health*, 2008. Vol. 7 (1–3), pp. 226–240.
28. Kinman G., Grant L. Exploring stress resilience in trainee social workers: The role of emotional and social competencies. *British Journal of Social Work*. 2011. Vol. 41, pp. 261–275. doi: 10.1080/02615479.2015.1087996.

29. Leiter M.P., Harvie P., Frizzell C. The correspondence of patient satisfaction and nurse burnout. *Social Science & Medicine*, 1998. Vol. 47, pp. 1611–1617. doi: 10.1016/S0277-9536(98)00207-X
30. Masten A.S., Tellegen A. Resilience in developmental psychopathology: Contributions. *Development and Psychopathology*, 2012. Vol. 24, pp. 345–361. doi:10.1017/S095457941200003X
31. Morrison T. Emotional intelligence, emotion and social work: context, characteristics complications and contribution. *British Journal of Social Work*, 2007. Vol. 37, pp. 245–263. doi: 10.1093/bjsw/bcl016
32. Rotter J.B. Internal versus external control of reinforcement: A case history of a variable. *American Psychologist*, 1990. Vol. 45 (4), pp. 489–493.
33. Zimet G.D., Dahlem N.W., Zimet S.G., Farley G.K. The Multidimensional Scale of Perceived Social Support. *Journal of Personality Assessment*, 1988. Vol. 52, pp. 30–41.

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА

Экспериментальное исследование эффективности применения виртуального коммуникативного тренинга в системе психологического сопровождения безработных

Р.М. АЙСИНА*,
Ставрополь, Россия, reiner@bk.ru

Обучение безработных навыкам деловой коммуникации является одной из основных задач психологического сопровождения данной категории граждан. Цель исследования состояла в оценке эффективности разработанного нами виртуального коммуникативного тренинга в обучении безработных навыкам собеседования с работодателем. Из выборки лиц с периодом безработицы от 3 до 49 месяцев с помощью процедуры рандомизации были сформированы экспериментальная ($n=18$) и контрольная ($n=16$) группы. С испытуемыми экспериментальной группы была проведена серия обучающих сессий с помощью программного комплекса «Виртуальный рекрутер». Испытуемые обеих групп прошли две ролевые игры (до и после экспериментального воздействия), в которых моделировалась ситуация собеседования и оценивалась динамика показателей частоты сердечных сокращений (ЧСС) и психологической готовности к собеседованию. В экспериментальной группе был выявлен значимый сдвиг в оцениваемых показателях ($p<0,01$). В контрольной группе значимых изменений в этих показателях не произошло ($p>0,05$). В дальнейшем предполагается определить, приводит ли виртуальный тренинг к росту численности успешно трудоустроившихся безработных.

Ключевые слова: виртуальная реальность, безработные, виртуальный коммуникативный тренинг, психологическая готовность к собеседованию.

Для цитаты:

Айсина Р.М. Экспериментальное исследование эффективности применения виртуального коммуникативного тренинга в системе психологического сопровождения безработных // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 4. С. 117–131. doi:10.17759/sps.2016070408

* Айсина Римма Михайловна — кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории виртуалистики, Северо-Кавказский федеральный университет (ФГАОУ ВО СКФУ), Ставрополь, Россия, reiner@bk.ru

Введение

На сегодняшний день безработица представляет собой чрезвычайно острую социальную проблему, решение которой необходимо рассматривать с позиций специалистов различного профиля. Как подчеркивается во многих исследованиях, наличие работы дает человеку не только возможность финансового обеспечения, но и играет значительную роль в структурировании жизни, стабилизации жизненного контекста [5; 7; 16]. Работа и карьера также представляют собой наиболее традиционный и «верный» способ реализовать свои амбиции, добиться определенного статуса, признания, уважения. Другими словами, работа является одним из важных компонентов обеспечения психологического благополучия личности. Когда люди теряют работу, они теряют не только заработок, но и психологические выгоды, являющиеся преимуществом работающего человека. Безработица ведет к снижению уверенности в себе, а также к частичной утрате навыков социальной коммуникации [6; 7; 9]. Данные проблемы становятся еще более актуальными в связи с тем, что в настоящее время во многих российских компаниях при отборе персонала распространена практика создания искусственного напряжения в процессе собеседования, внесение в беседу с соискателем элементов «стрессового интервью». Неудачный опыт прохождения нескольких таких собеседований серьезно травмирует профессиональную и личную самооценку соискателя вакансии, что приводит к формированию депрессивного модуса поведения, существенному снижению поисковой активности [9].

В связи с этим одной из самых важных задач, стоящих перед специалистами

ми служб занятости населения, является повышение психологической готовности безработных к собеседованию с работодателем, которая может быть решена посредством формирования у них навыков эффективной социальной коммуникации, обучения приемам грамотного вербального и невербального поведения на переговорах по поводу трудоустройства. Решение этой задачи на сегодняшний день обычно реализуется в формате социально-психологического тренинга [1; 5; 6; 15; 16]. Но в своей традиционной форме тренинг требует значительных финансовых, временных и кадровых ресурсов, которыми не всегда располагают службы, оказывающие социально-психологическую поддержку безработным. Оптимизация процесса формирования навыков эффективного поведения на собеседовании у людей, стремящихся возобновить трудовую деятельность, может быть достигнута с помощью виртуальных технологий, которые, по сравнению с другими формами обучения, оказывают на обучающегося более сильное мотивирующее воздействие, объясняемое эффектом присутствия в происходящем в режиме реального времени, а также значительно снижают временные затраты на обучение [3; 9; 11].

В научной литературе отмечаются следующие преимущества использования виртуальных сред для потребностей социальной практики: возможность программирования виртуальной среды, предъявления разнообразных стимулов с контролируемыми параметрами, выборочного выделения требующейся стимуляции, создания полимодальной стимуляции, настройки структуры и последовательности появления виртуальных объектов [3]; возможность необходимого количества повторов и трени-

ровок с постепенным и дозированным усложнением заданий [11; 13].

Обучение на основе программируемых виртуальных сред базируется, прежде всего, на принципах бихевиорального подхода, таких как последовательное увеличение объема желаемого поведения и уменьшение его нежелательных образцов; самоподкрепление, актуализация личностного ресурса обучающегося; развитие и фасилитация чувства самоэффективности; постепенное перенесение сформированного навыка в повседневную жизнь [2; 10; 12]. Реализация этих принципов на этапах разработки и дальнейшего практического использования виртуальных тренингов позволяет сделать процесс формирования определенных навыков простым и понятным для обучающегося за счет четкой алгоритмизации и структурирования обучения, а также за счет ясной обратной связи в виде рекомендаций и предписаний относительно дальнейших действий.

Уже на протяжении нескольких лет в ряде стран, включая Россию, существуют он-лайн сервисы, предлагающие пройти обучающее собеседование с виртуальным интервьюером и отработать навык ответа на типичные вопросы, которые может задать потенциальный работодатель [4; 17]. Вместе с тем, чрезвычайно мало экспериментальных исследований, которые бы позволяли говорить о том, что тренинги с использованием возможностей виртуальной реальности являются эффективным средством подготовки к собеседованию, так же, как и исследований, определяющих преимущества виртуальных тренингов по сравнению с традиционными средствами профессиональной реабилитации безработных. Одним из немногих примеров такого рода являются исследования, посвя-

щенные оценке эффективности интервенций, разработанных специалистами компании SIMmersion LLC, которые были проведены на выборках пациентов с психическими расстройствами [8; 13] и выборке испытуемых с расстройствами аутистического спектра (РАС) [14]. Их результаты показали, что и у желающих трудоустроиться людей с нарушениями психики в анамнезе, и у безработных с РАС после проведения серии обучающих сессий на виртуальном тренажере отмечается улучшение навыков ролевого поведения в ситуациях собеседования, а также повышение уровня уверенности в себе. Авторы объясняют успех данных интервенций тем, что используемый тренажер позволяет моделировать в виртуальной среде ситуации, максимально приближенные к реальному собеседованию при приеме на работу [8; 13; 14].

Таким образом, приведенные работы убедительно доказывают эффективность применения технологий виртуальной реальности в профессиональной реабилитации людей с определенными психическими расстройствами или нарушениями развития. Но при этом остается нерешенным вопрос об эффективности применения виртуальных технологий в психологическом сопровождении других категорий безработных.

Целью настоящего исследования является оценка эффективности виртуального коммуникативного тренинга в обучении безработных навыкам собеседования с работодателем. *Гипотеза* исследования состояла в предположении о том, что применение такого тренинга в социально-психологическом сопровождении безработных граждан повысит их психологическую готовность к собеседованию при трудоустройстве и позволит им испытывать меньшее психо-

эмоциональное напряжение в ситуации собеседования.

Программа исследования

Описание выборки. Для проведения исследования была сформирована выборка испытуемых, в которую вошли 34 человека, из них 16 женщин и 18 мужчин, зарегистрированных в статусе безработных в муниципальных центрах занятости населения г. Москвы. Период безработицы составлял от 3 до 49 месяцев (среднее — 15,3). Все испытуемые имели либо высшее (27 человек), либо среднее специальное (7 человек) образование и стаж работы не менее 12 лет (средний стаж — 25 лет). Возраст испытуемых составил от 35 до 58 лет (средний возраст — 47,7).

Процедура. На первом этапе исследования все испытуемые приняли участие в ролевой игре, которая представляла собой моделированную ситуацию собеседования с рекрутером. В качестве рекрутеров выступали специально приглашенные эксперты, имеющие большой опыт в сфере кадрового отбора. Все испытуемые проходили собеседование в индивидуальном формате: они были распределены случайным образом между двумя экспертами, каждому из них были заданы одни и те же вопросы. Перед началом ролевой игры на каждом испытуемом был закреплен специальный датчик (пульсометр), который позволял фиксировать частоту сердечных сокращений (ЧСС) в процессе интервью. После завершения ролевой игры были рассчитаны средние показатели ЧСС за все время игрового интервью для каждого испытуемого. Дополнительно все испытуемые сразу же после завершения игрового со-

беседования заполняли лист самоотчета о психологической готовности к собеседованию с работодателем. После завершения первого этапа была проведена процедура рандомизации с использованием таблицы случайных чисел и сформированы экспериментальная ($n=18$) и контрольная ($n=16$) группы.

На втором этапе исследования с испытуемыми контрольной группы в течение одной недели проводилась традиционная работа по подготовке к собеседованию с работодателем: они были обеспечены пакетом информационных материалов и просмотрели серию учебных видеофильмов (3 фильма по 5—7 минут каждый) по теме поиска работы и трудоустройства. С испытуемыми экспериментальной группы вместо этого *проводился виртуальный коммуникативный тренинг навыков собеседования с работодателем*, который рассматривался нами как *экспериментальное воздействие*. Участниками экспериментальной группы было пройдено от 3 до 7 сессий виртуального тренинга. Обучение считалось завершенным после того, как испытуемый достигал высокого уровня сформированности навыков собеседования.

На третьем этапе исследования с испытуемыми экспериментальной и контрольной группы была проведена ролевая игра, подобная ролевой игре первого этапа. Все испытуемые проходили интервью в индивидуальном формате, каждому из них были заданы одни и те же вопросы, но они отличались от вопросов первой ролевой игры. В качестве рекрутеров в завершающей ролевой игре выступали те же эксперты, которые проводили первую ролевую игру. При этом к каждому из них были направлены испытуемые, которые первую ролевую игру проходили с другим экспертом. Для обеспечения диагности-

ческой адекватности процедуры итоговой ролевой игры экспертам не предоставлялась информация ни о результатах испытуемых, полученных в первой ролевой игре, ни о том, к какой группе — экспериментальной или контрольной — относится каждый интервьюируемый. Так же, как и в первой ролевой игре, испытуемые были снабжены датчиками, фиксировавшими ЧСС на протяжении всего интервью. Дополнительно все испытуемые вновь заполнили лист самоочета о психологической готовности к собеседованию с работодателем.

Методы, методики и программное обеспечение. Для объективной оценки психоэмоциональной напряженности в процессе ролевых игр использовался метод измерения: фиксировались индивидуальные показатели ЧСС испытуемых в первой и второй ролевых играх. Далее рассчитывались средние значения ЧСС по каждой ролевой игре для испытуемых экспериментальной и контрольной групп.

Для оценки психологической готовности к собеседованию с работодателем использовался метод самоочета. Он был реализован с помощью разработанного нами листа самоочета, представляющего собой набор из семи утверждений, каждое из которых необходимо было оценить по 10-балльной шкале. Чем больше баллов набирал испытуемый, тем более высокому уровню психологической готовности к собеседованию он соответствовал. Три первых параметра психологической готовности к собеседованию с работодателем (пункты 1–3) были представлены в опроснике с «обратными» формулировками (чем более высокий балл выбирает испытуемый, тем ниже его психологическая готовность по данному признаку). Это такие формулировки, как, например: «уровень

дискомфорта во время игрового собеседования», «уровень тревоги во время игрового собеседования». Для получения итоговых балльных оценок по данным пунктам указанный испытуемым балл необходимо было пересчитать по следующей системе: если испытуемый указывал значение «1», оно приравнялось к 10 баллам, значение «2» — к 9 баллам и т. д. Формулировки по пунктам 4–7 являются «прямыми» и перешифровки не требуют (например, «уверенность в себе во время игрового собеседования», «готовность к собеседованию с работодателем по поводу трудоустройства»). По каждому из этих пунктов начисляется балл, указанный испытуемым. Итоговая оценка по опроснику вычисляется посредством суммирования баллов по всем его пунктам.

Обучение испытуемых навыкам собеседования осуществлялось с помощью метода виртуального коммуникативного тренинга, который был реализован на основе программного комплекса «Виртуальный рекрутер», разработанного специалистами лаборатории виртуалистики ФГАОУ ВО СКФУ. В основу программы положен сценарий, включающий вопросы разного уровня сложности (всего 10 вопросов), которые могут быть заданы кандидату на вакансию в процессе собеседования при отборе на работу. Например: «Что Вам не нравилось на прежнем месте работы? Выделите самое существенное из того, что привело или могло привести к Вашему увольнению?»; «Что для Вас означает успех? Как Вы узнаете, что добились успеха?». Каждая обучающая сессия предполагает последовательный ответ пользователя на все вопросы. Для каждого вопроса предусмотрены различные варианты ответа (от 6 до 10 вариантов в зависимости от спец-

ифики вопроса), из числа которых пользователь должен выбрать тот, который он сочтет наиболее подходящим.

Вопросы предъявляются пользователю в текстовом (на экране монитора) и голосовом формате. Голосовое предъявление включено нами в программу для обеспечения обучающемуся «эффекта присутствия»: создания ситуации собеседования, приближенной к реальной. При этом существует возможность выбора из двух уровней сложности голосового предъявления: 1) голос виртуального рекрутера звучит дружелюбно и ободряюще на протяжении всего интервью; 2) голос виртуального рекрутера звучит формально, равнодушно, а иногда — с раздражением. Перед началом каждой

сессии пользователь может выбрать первый вариант, который обозначен нами как «стандартный», либо второй вариант («повышенной сложности»). Первое интервью, которое носит диагностический характер, всегда проводится на «стандартном» уровне сложности.

Результаты каждого интервью оцениваются в баллах в соответствии с системой балльной оценки, предусмотренной программой «Виртуальный рекрутер». При этом обучающемуся всегда доступна информация, за какой именно ответ он получил определенные баллы. Начисленные баллы позволяют определить один из возможных уровней развития навыков собеседования: низкий; ниже среднего; средний; выше среднего; высокий.

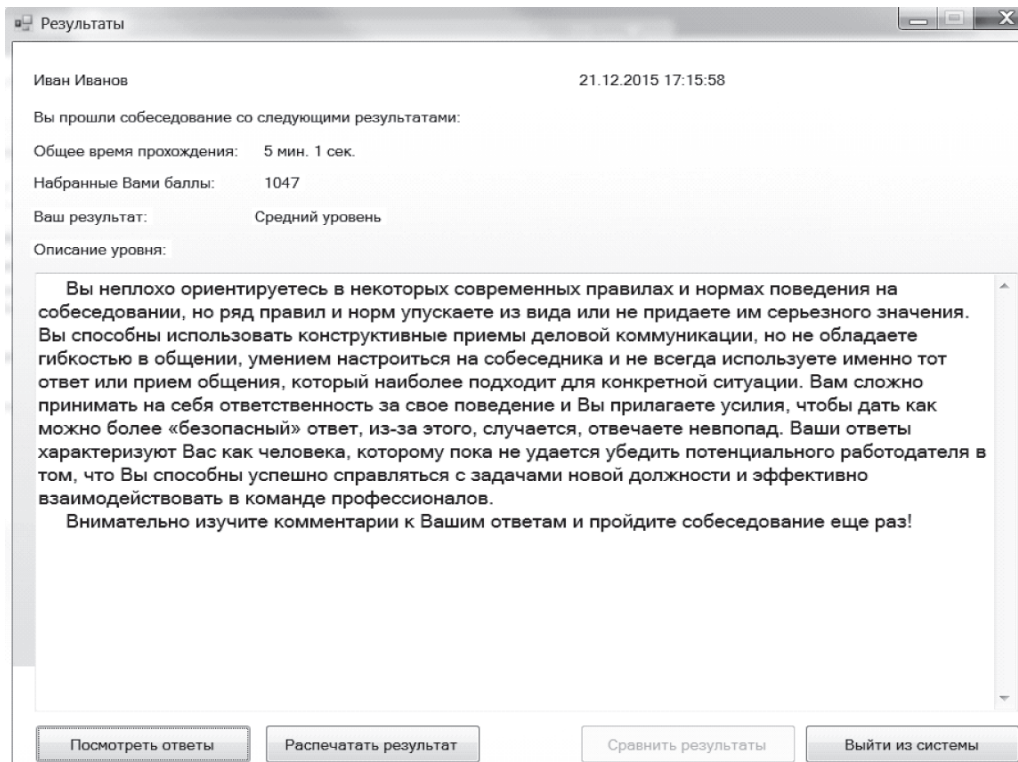

Рис. 1. Скриншот программы «Виртуальный рекрутер»: результаты обучающей сессии

После завершения каждой серии интервью обучающемуся предъявляются на экране монитора его результаты (рис. 1).

Обучающийся может вывести на экран список заданных ему вопросов и его вариантов ответов, а также развернутых комментариев к каждому ответу (рис. 2). Благодаря этому, обучающийся может детально установить, какие ответы были удачными, а какие — нет, и получить рекомендации по работе над ошибками.

Содержание комментариев построено таким образом, чтобы пользователь мог понять как ресурсные, так и проблемные аспекты своих ответов и получил четкое представление о том, как именно каждый ответ будет его характеризовать в качестве кандидата на вакансию.

Статистический анализ результатов исследования осуществлялся на основе расчета непараметрических критериев:

U-критерия Манна–Уитни, критерия χ^2 Пирсона и T-критерия Вилкоксона. Обработка данных проводилась с помощью компьютерных программ STATISTICA, версия 12.5; Excel 2007.

Результаты и их интерпретация

С учетом малочисленности выборки была проведена дополнительная верификационная процедура определения различий между экспериментальной и контрольной группами как в демографических характеристиках, так и в исследуемых показателях (ЧСС и уровень психологической готовности к собеседованию) с использованием U-критерия Манна–Уитни и критерия χ^2 Пирсона. Результаты сравнительного анализа представлены в таблице.

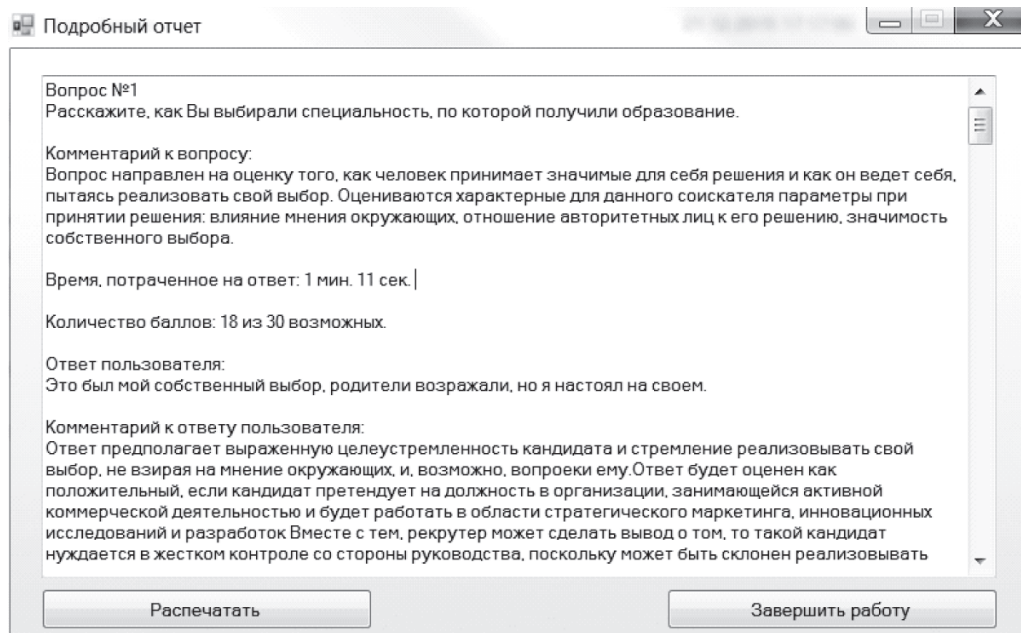

Рис. 2. Скриншот программы «Виртуальный рекрутер»: комментарии к ответу обучающегося

Сравнительные характеристики экспериментальной и контрольной групп

Параметры для сравнения	Контрольная группа (n = 16)	Экспериментальная группа (n = 18)	U-критерий	χ^2	Уровень значимости
Возраст, среднее (годы)	49,38	46,11	108,5	-	p=0,22
Пол (мужской, %)	56,25%	50,00%	-	0,13	p=0,72
Образование (высшее, %)	81,25%	77,78%	-	0,06	p=0,80
Стаж работы, среднее (годы)	26,31	24,00	124,5	-	p=0,50
Период безработицы, среднее (месяцы)	15,31	15,22	130,5	-	p=0,64
ЧСС во время ролевой игры, среднее (уд/мин)	77,4	35,1	147,0	-	p=0,91
Уровень психологической готовности к собеседованию, среднее (баллы)	77,2	34,7	149,5	-	p=0,85

Как видно из таблицы, не наблюдаются значимых различий между экспериментальной и контрольной группами по полу, возрасту, уровню образования, трудовому стажу, длительности периода безработицы (все $p > 0,05$). Сравнительный анализ показателей ЧСС и уровня психологической готовности к собеседованию также не выявил статистически

значимых различий между группами (все $p > 0,05$).

Для того, чтобы определить эффективность подготовки к собеседованию с помощью виртуального коммуникативного тренинга, был произведен расчет T-критерия Вилкоксона, позволяющего выявить направленность и выраженность изменений под влиянием того или иного воздействия.

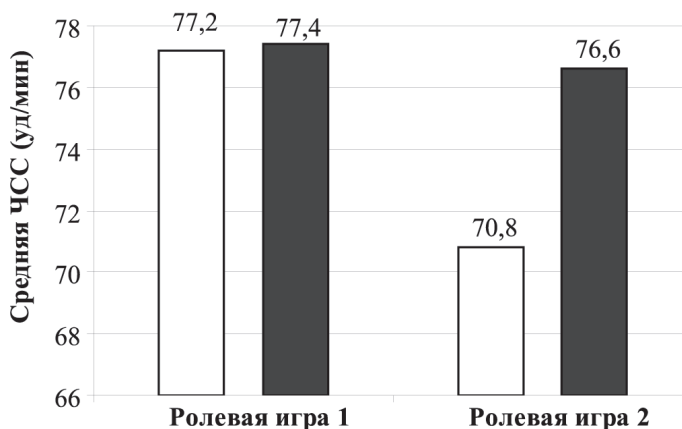

Рис. 3. Средние значения ЧСС у безработных экспериментальной и контрольной групп до и после экспериментального воздействия: □ — экспериментальная группа, ■ — контрольная группа

В экспериментальной группе был выявлен значимый сдвиг ($T_{эмп}=6$, при $T_{кр}=32$, $p<0,01$) в показателях ЧСС: снижение по сравнению с первой ролевой игрой. Таким образом, можно говорить о том, что испытуемые, к которым было применено экспериментальное воздействие, чувствовали больший эмоциональный комфорт и меньшее психоэмоциональное напряжение в ситуации, моделирующей собеседование при отборе на работу. Показатели психологической готовности к собеседованию с работодателем по результатам самоотчета в экспериментальной группе также изменились: после экспериментального воздействия они стали значительно более высокими ($T_{эмп}=1$, при $T_{кр}=32$, $p<0,01$) (рис. 3 и 4).

В контрольной группе, по результатам расчета T-критерия Вилкоксона, значимый сдвиг в показателях ЧСС во второй

ролевой игре по отношению к первой отсутствует ($T_{эмп}=39$, при $T_{кр}=35$, $p>0,05$). Существенных изменений в субъективной готовности к собеседованию с работодателем у испытуемых данной группы также не произошло ($T_{эмп}=39,5$ при $T_{кр}=35$, $p>0,05$) (рис. 3 и 4).

Таким образом, несмотря на то, что наш виртуальный тренажер не имеет анимированного аватара, как ряд других тренажеров, предназначенных для обучения навыкам собеседования [8; 11; 13; 14], он позволяет достичь цели, поставленной при его разработке: улучшить навыки деловой коммуникации у безработных и повысить их психологическую готовность к собеседованию с работодателем.

А. Бандура постулировал в своей теории, что любые личные достижения повышают и укрепляют чувство самоэффективности [2]. При разработке нашего тренинга мы ориентировались, пре-

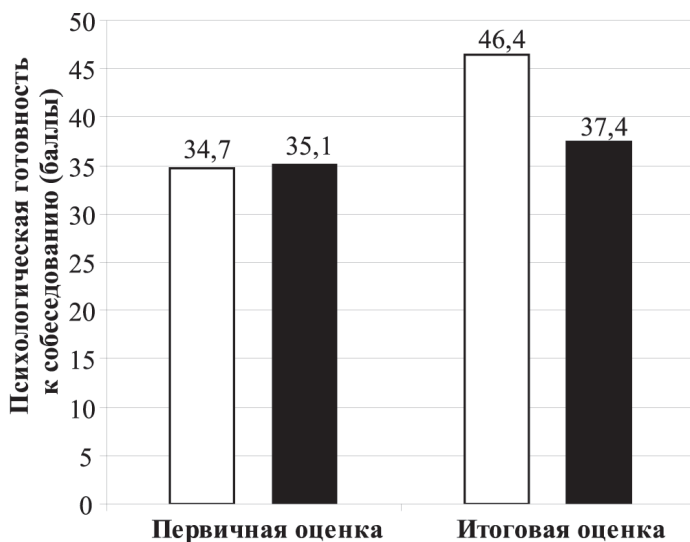

Рис. 4. Средние значения психологической готовности к собеседованию у безработных в экспериментальной и контрольной группах до и после экспериментального воздействия: □ — экспериментальная группа, ■ — контрольная группа

жде всего, именно на этот постулат. Наш тренажер обеспечил обучающимся возможность переживания повторяющихся ситуаций успеха, что положительно сказалось на их самоотношении и позволило подготовиться к тому, чтобы более уверенно и компетентно решать жизненные задачи в реальной действительности. С помощью тренажера безработные могли многократно практиковать свое поведение в ситуации собеседования, постепенно преодолевая трудности, исправляя совершенные ошибки, справляясь с последствиями неприятного опыта (в виде низких результатов и критических комментариев), до тех пор, пока полученные знания и навыки не были усвоены и отработаны настолько хорошо, чтобы без особого напряжения и риска их можно было бы перенести в реальную жизнь. В результате, прогресс, достигнутый в виртуальном мире относительно ситуации, ранее внушавшей многим безработным страх, создал прочную основу для развития их самооффективности и позволил им чувствовать себя гораздо увереннее, воспринимая ситуацию собеседования в новой перспективе.

Представленный в исследовании виртуальный коммуникативный тренинг позволяет не только улучшить навыки собеседования, но и выстроить дальнейшую индивидуальную траекторию профессиональной реабилитации людей, стремящихся найти работу. На основе анализа динамики в ответах пользователя на вопросы симулированного интервью специалист сможет выявить дисфункциональные установки безработного в отношении процедуры собеседования, например, нереалистичные ожидания, адресованные потенциальному работодателю, а также коммуникативные ошибки. Это особенно актуально для безработ-

ных с длительным перерывом в трудовой деятельности, так как их ориентация в правилах и нормах поведения на собеседовании часто недостаточно адекватна [1; 6]. С учетом результатов виртуальных сессий таким безработным могут быть даны индивидуально-ориентированные психологические рекомендации относительно выбора поведенческой стратегии на предстоящих собеседованиях.

Выводы

Обучение грамотному и уверенному поведению на переговорах по поводу трудоустройства является одним из важных направлений социально-психологической помощи безработным. На основе анализа современных зарубежных достижений в области применения виртуальных технологий для обучения безработных навыкам эффективной социальной коммуникации мы предположили, что виртуальный коммуникативный тренинг может быть с успехом использован в современных российских социально-экономических условиях, в контексте психологического сопровождения безработных граждан. Гипотеза представленного исследования состояла в том, что тренинг, реализуемый на основе программного комплекса «Виртуальный рекрутер», позволит повысить психологическую готовность безработных к переговорам с работодателем и снизить уровень их психоэмоционального напряжения в ситуации собеседования.

Результаты исследования показали, что испытуемые, прошедшие виртуальный коммуникативный тренинг, чувствуют больший психоэмоциональный комфорт в ролевой игре, моделирующей ситуацию собеседования, и считают себя

психологически более готовыми к интервью с работодателем по сравнению с испытуемыми контрольной группы.

К перспективам дальнейших исследований относится совершенствование самого инструмента — программного комплекса «Виртуальный рекрутер»: расширение сценария, создание анима-

рованных образов рекрутера, обеспечение возможности оценки невербальных параметров поведения пользователя во время виртуального интервью, а также выяснение, приводит ли использование виртуального тренинга к росту численности успешно трудоустроившихся безработных.

Финансирование

Исследование проведено в рамках проектной части государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации в сфере научной деятельности (Задание № 25.1815.2014/К от 11.07.2014 г. «Создание экспериментальных виртуальных моделей социального взаимодействия человека и психоинформационной среды в организации психологической помощи различным категориям населения»).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айсина Р.М., Суслова Т.Ф.* Современные методы и формы профессиональной ориентации и психологической поддержки граждан, стремящихся возобновить трудовую деятельность после длительного (более одного года) перерыва: методические рекомендации. М.: РГСУ, 2013. 154 с.
2. *Бандура А.* Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000. 320 с.
3. *Зинченко Ю.П.* Технологии виртуальной реальности в системе постнеклассической психологии // Мир психологии. 2013. № 1. С. 31–42.
4. Как пройти собеседование? [Электронный ресурс] // Mental Skills: сайт. 2009. URL: <http://www.mental-skills.ru/training/31/> (дата обращения: 25.10.2015).
5. *Нестерова А.А.* Социально-психологическая концепция жизнеспособности молодежи в ситуации потери работы: дис. ... докт. психол. наук. М., 2011. 525 с.
6. *Потыткова С.А.* Взаимосвязь социального интеллекта и адаптивности безработных на этапах поиска работы: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2011. 21 с.
7. *Anderson S., Winefield A.H.* The impact of underemployment on psychological health, physical health, and work attitudes // Underemployment: Psychological, Economic, and Social Challenges / D.C. Maynard, D.C. Feldman (Eds.). Chapter 9. N.Y.: Springer, 2011. P. 165–186. doi:10.1007/978-1-4419-9413-4_9
8. *Bell M.D., Weinstein A.* Simulated Job Interview Skill Training for People with Psychiatric Disability: Feasibility and Tolerability of Virtual Reality Training // Schizophrenia Bulletin. 2011. Vol. 37 (suppl. 2). P. 91–97. doi:10.1093/schbul/sbr061
9. *Efremova G.I., Aysina R.M., Maksimenko Z.A., Kolotilova I.V., Shagurova A.A.* Virtual Computer Technologies in Practice of Socio-Psychological Assistance toward the Unemployed People: Current State and Prospects of Researches // Asian Social Science. 2015. Vol. 11 (2). P. 262-269. doi: 10.5539/ass.v11n2p262
10. *Latham G.P., Budworth M.* The Effect of Training in Verbal Self-Guidance on the Self-Efficacy and Performance of Native North Americans in the Selection Interview // Journal of Vocational Behavior. 2006. Vol. 68 (3), P. 516–523. doi:10.1016/j.jvb.2005.11.005

11. *Persky S.* Employing Immersive Virtual Environments for Innovative Experiments in Health Care Communication // Patient Education and Counseling. 2011. Vol. 82 (3). P. 313–317. doi:10.1016/j.pec.2010.12.007
12. *Roelfsema P.R., Van Ooyen A., Watanabe T.* Perceptual Learning Rules Based on Reinforcers and Attention // Trends in Cognitive Sciences. 2010. Vol. 14 (2). P. 64–71. doi:10.1016/j.tics.2009.11.005
13. *Smith M.J. et al.* Virtual reality job interview training for individuals with psychiatric disabilities // Journal of Nervous & Mental Disease. 2014a. Vol. 202 (9). P. 659–667. doi:10.1097/NMD.0000000000000187
14. *Smith M.J. et al.* Virtual Reality Job Interview Training in Adults with Autism Spectrum Disorder // Journal of Autism and Developmental Disorders. 2014b. Vol. 44 (10). P. 2450–2463. doi:10.1007/s10803-014-2113-y
15. *Tay C., Ang S., Van Dyne L.* Personality, biographical characteristics, and job interview success: A longitudinal study of the mediating effects of interviewing self-efficacy and the moderating effects of internal locus of causality // Journal of Applied Psychology. 2006. Vol. 91(2). P. 446–454. doi:10.1037/0021-9010.91.2.446
16. *Van Hoye G., Lootens H.* Coping with unemployment: Personality, role demands, and time structure // Journal of Vocational Behavior. 2013. Vol. 82. P. 85–95. doi:10.1016/j.jvb.2013.01.004
17. Virtual Job Interview [Electronic resource] // Monster Worldwide: website. 2015. URL: <http://career-advice.monster.co.uk/job-interview/job-interview-questions/virtual-job-interview/article.aspx> (Accessed: 09.01.2016).

Efficacy of Virtual Communication Training for Psychological Support to Unemployed: Randomized Controlled Trial

R.M. AYSINA*,
Stavropol, Russia, reiner@bk.ru

Practice in job interview skills is an important step toward successful employment of unemployed. The purpose of the study was to assess the effectiveness of the virtual communicative training developed by us in interviewing skills training of the unemployed with the employer. Participants were randomized into control (n=16) and experimental (n=18) conditions. We have created software "Virtual Recruiter" that provides an experience with which job seekers can systematically improve their job interview skills and increase their confidence about going on job interviews. We assessed the efficacy of virtual communicative training in a randomized controlled trial. Both groups completed pre- and post-intervention role-play interviews and psychological willingness to job interview questionnaires. Experimental group participants significantly reduced their heart rates and significantly increased their psychological willingness to job interview on the role-play at follow-up compared with baseline ($p < 0,01$). Control group participants had no significant changes in their heart rates and their psychological willingness to job interview ($p > 0,05$). Future research may help to clarify whether this virtual communicative training is related to an increase in finding a job.

Keywords: virtual reality, unemployed, job interview skills, simulated job interview, psychological willingness to job interviewing.

Financing

This work was supported by The Ministry of Education and Science of Russian Federation and was prepared as a part of a state task in scientific research area: project № 25.1815.2014/K of 11.07.2014 "Creating virtual experimental models of social interaction between human and psychosocial information environment to organize psychological support for various categories of population"

REFERENCES

1. Aysina R.M., Suslova T.F. *Sovremennyye metody i formy professional'noi orientacii i psihologicheskoi podderzhki grazhdan, stremyashihsvya vozobnovit' trudovuyu deyatel'nost' posle dlitel'nogo (boleednogo goda) pereryva: metodicheskie rekomendacii* [Modern methods and techniques of career counseling and psychological support for job seekers who've been unemployed for a long period (more over a year): guidelines]. Moscow: Publ. RGSU, 2013. 154 p. (In Russ.).

For citation:

Aysina R.M. Efficacy of Virtual Communication Training for Psychological Support to Unemployed: Randomized Controlled Trial. *Sotsial'naiapsikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2016. Vol. 7, no. 4, pp. 117–131. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2016070408

* Aysina Rimma M. — PhD (Psychology), Leading Researcher, Laboratory of Virtualistics, North Caucasian Federal University (Moscow office), Stavropol, Russia, reiner@bk.ru

2. Bandura A. Teoriya social'nogo naucheniya. [Social learning theory]. Saint-Petersburg: Evraziya, 2000. 320 p. (In Russ.).
3. Zinchenko Y.P. Tehnologii virtual'noi real'nosti v sisteme postneklassicheskoi psikhologii [Technologies of virtual reality in system of post-nonclassical psychology]. *Mir psikhologii [World of psychology]*, 2013, no. 1, pp. 31–42. (In Russ., abstr. in Engl.).
4. Kak proiti sobesedovanie? [Elektronnyi resurs] [How to be successful in job interviewing?]. *Mental Skills: website*. 2009. URL: <http://www.mental-skills.ru/training/31/> (Accessed: 25.10.2015).
5. Nesterova A.A. Social'no-psihologicheskaya koncepciya zhiznesposobnosti molodezhi v situacii poteri raboty. Diss. dokt. psikhol. nauk. [The social and psychological concept of viability of youth in a job loss situation. Dr. Sci. (Psychology) diss.]. Moscow, 2011. 525 p.
6. Potutkova S.A. Vzaimosvyaz' social'nogo intellekta i adaptivnosti bezrabotnyh na etapah poiska raboty. Avtopef. diss. kand. psikhol. nauk. [Interrelation of social intelligence and adaptability in unemployed at job search stages. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Moscow, 2011. 21 p.
7. Anderson S., Winefield A.H. The impact of underemployment on psychological health, physical health, and work attitudes. In D.C. Maynard, D.C. Feldman (eds.) *Underemployment: Psychological, Economic, and Social Challenges. Chapter 9*. N.Y.: Springer, 2011, pp. 165–186. doi:10.1007/978-1-4419-9413-4_9
8. Bell M.D., Weinstein A. Simulated Job Interview Skill Training for People with Psychiatric Disability: Feasibility and Tolerability of Virtual Reality Training. *Schizophrenia Bulletin*, 2011. Vol. 37 (suppl. 2), pp. 91–97. doi:10.1093/schbul/sbr061
9. Efremova G.I., Aysina R.M., Maksimenko Z.A., Kolotilova I.V., Shagurova A.A. Virtual Computer Technologies in Practice of Socio-Psychological Assistance toward the Unemployed People: Current State and Prospects of Researches. *Asian Social Science*, 2015. Vol. 11 (2), pp. 262–269. doi: 10.5539/ass.v11n2p262
10. Latham G.P., Budworth M. The Effect of Training in Verbal Self-Guidance on the Self-Efficacy and Performance of Native North Americans in the Selection Interview. *Journal of Vocational Behavior*, 2006. Vol. 68 (3), pp. 516–523. doi:10.1016/j.jvb.2005.11.005
11. Persky S. Employing Immersive Virtual Environments for Innovative Experiments in Health Care Communication. *Patient Education and Counseling*, 2011. Vol. 82 (3), pp. 313–317. doi:10.1016/j.pec.2010.12.007
12. Roelfsema P.R., Van Ooyen A., Watanabe T. Perceptual Learning Rules Based on Reinforcers and Attention. *Trends in Cognitive Sciences*, 2010. Vol. 14 (2), pp. 64–71. doi:10.1016/j.tics.2009.11.005
13. Smith M.J. et al. Virtual reality job interview training for individuals with psychiatric disabilities. *Journal of Nervous and Mental Disease*, 2014a. Vol. 202 (9), pp. 659–667. doi:10.1097/NMD.0000000000000187
14. Smith M.J. et al. Virtual Reality Job Interview Training in Adults with Autism Spectrum Disorder. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 2014b. Vol. 44 (10), pp. 2450–2463. doi:10.1007/s10803-014-2113-y

15. Tay C., Ang S., Van Dyne L. Personality, biographical characteristics, and job interview success: A longitudinal study of the mediating effects of interviewing self-efficacy and the moderating effects of internal locus of causality. *Journal of Applied Psychology*, 2006. Vol. 91(2), pp. 446–454. doi:10.1037/0021-9010.91.2.446
16. Van Hove G., Lootens H. Coping with unemployment: Personality, role demands, and time structure. *Journal of Vocational Behavior*, 2013. Vol. 82, pp. 85–95. doi:10.1016/j.jvb.2013.01.004
17. Virtual Job Interview [Electronic resource]. *Monster Worldwide: website*. 2015. URL: <http://career-advice.monster.co.uk/job-interview/job-interview-questions/virtual-job-interview/article.aspx> (Accessed: 09.01.2016).

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

Разработка пробной версии опросника на определение переживания исключения из социальной системы

И.Ю. СУВОРОВА*,
Москва, Россия, i.suvorova89@gmail.com

В статье рассказывается об эволюции понимания феномена социальной эксклюзии и методах ее изучения в лабораторных условиях. До сих пор в экспериментах диагностика социальной эксклюзии была условной, опирающейся на внешние, косвенные факторы. Данная статья посвящена созданию пробной версии опросника на определение переживания социальной эксклюзии. Целью опросника является выявление переживания исключения из социальной системы в естественных условиях. Это необходимо потому, что ссылки только на внешние условия пребывания человека на периферии социальной системы бывает недостаточно ввиду необязательной связи между физической и психологической социальной эксклюзией. Выборка составила 53 человека. Надежность теста: $\alpha = 0,952$. Для оценки конструкторной валидности проверялось соответствие конструкторов составленного нами теста опроснику «Смыслжизненные ориентации» Д.А. Леонтьева. В результате была обнаружена сильная связь как внутри теста, так и между шкалами обоих тестов ($0,462 < r < 0,725$; $0,01 < p < 0,05$).

Ключевые слова: социальная эксклюзия, социальный конструкционизм, взаимодействие с социальной системой, депривация, создание опросника, надежность, валидность.

Введение

Социальное исключение, или социальная эксклюзия, является одним

из наиболее неопределенных с точки зрения феноменологии терминов в социальных науках. Первоначально социально эксклюзивными считались за-

Для цитаты:

Суворова И.Ю. Разработка пробной версии опросника на определение переживания исключения из социальной системы // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 4. С. 132–146. doi:10.17759/sps.2016070409

* Суворова Ирина Юрьевна – соискатель степени кандидата психологических наук кафедры социальной и дифференциальной психологии, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия, i.suvorova89@gmail.com

ключенные, дети-сироты, физически и душевно больные люди, люди, пребывающие за чертой бедности [19]. Подразумевалось физическое исключение из социальной системы, и вопрос имел исключительно социальный характер. Позже, с 2002 г., данный феномен начал вызывать интерес с точки зрения его психологической составляющей [10], что привело к изучению социальной эксклюзии в лабораторных условиях, где, с одной стороны, изучались нарушения идентичности и переживания, связанные с исключением, с другой, — психофизиологические механизмы социальной боли. Лабораторные условия в рамках социальной психологии сводились к наблюдениям за группой детей, которые в процессе игры не принимали некоторых сверстников. Анализировались психологические причины отвержения членов группы со стороны сверстников, а также реакция отвергнутых детей на свое исключение [13]. Психофизиологическое изучение социальной эксклюзии сводилось к погружению испытуемых в компьютерную игру «Кибербол (Cyberball)», имитирующую перекидывания мяча с другими игроками. Испытуемый не получал мяч и таким образом исключался из игры. В это время тестировалась его мозговая активность [14; 12]. Переход к эксперименту позволил расширить феноменологию социальной эксклюзии и изучить ее скрытые стороны, однако теперь, при перенесении результатов на генеральную совокупность, возникает вопрос, все ли социальные группы, отмеченные как социально исключенные, и только ли их участники переживают депрессию, тревогу и нарушение идентичности, как было выявлено экспериментально. Целью данной работы является

попытка создания опросника, позволяющего оценить на больших выборках степень переживания человеком исключения из социальной системы (ПИСС). И первым этапом является определение границ и механизмов феномена социальной эксклюзии с последующим формированием выборки и определением шкал опросника.

Авторство понятия «социальная эксклюзия» приписывается государственному секретарю правительства Франции Рене Ленуару, использовавшему этот термин для описания социального статуса французских иммигрантов. С тех пор социальная эксклюзия начала рассматриваться как любые лишения, препятствующие полноценному включению человека в систему социальных отношений [5], концепт, обозначающий современные формы социального неблагополучия и сдвига человека на социальное дно [16].

Взаимодействие человека с социальной реальностью в социальном конструкционизме П. Бергера представляется иерархической системой концентрических кругов [2]. Внешний круг представляет собой политико-юридическую систему, куда входят налоги, военная служба, повиновение законам. Этот круг самый большой и является наиболее сильным контролером социальных взаимодействий [15]. Данная сфера контроля строится по принципу распределения власти в рамках политического и идеологического контроля. Конструирование личностью социальной реальности на этом уровне распределяется по двум векторам: стремление получить награду в связи с соответствующим данной системе стилем поведения и стремление обладать властью в данной системе. Отталкиваясь от этого, А. Шнайдер и Х. Инграм

построили матрицу 2×2 , где выделили четыре группы людей по их способу взаимодействия с данным уровнем системы [17] (рис.).

Обеспеченные характеризуются непропорционально высоким поощрением в данной социальной системе и имеют доступ к власти. Оппозиционеры имеют влияние на социальную систему, однако не соответствуют ее требованиям. Такие люди имеют негласные поощрения и несут сравнительно незначительные потери в соперничестве с социальной системой. Зависимые стремятся соответствовать системе, однако не имеют доступа к власти. Такая группа людей получает сравнительно мало социального вознаграждения и несет незначительные убытки. Девиантные люди исключены из социальной системы, не вписываются в ее рамки, не имеют социальных поощрений и несут непропорционально большие материальные и моральные потери. Таким образом, ведущими характеристиками людей по критерию включенности–исключения из системы в данной модели являются доступ к ресурсам, отстаивание своих

интересов и вовлеченность в социальную жизнь.

В политико-юридическую систему, согласно П. Бергеру, входит еще одна большая система – система морали, обычаев и нравов. Эта система регулируется с помощью негласных правил, за соблюдением которых следят все члены общества, начиная с семьи. Далее идут более локальные системы, объединяющие ограниченные общности людей определенного сообщества. Это профессиональная система, куда входит соблюдение должностных инструкций, и круг личных контактов – семья, друзья [2].

Согласно модели А. Шнайдер и Х. Инграм, целевая группа представлена девиантами, людьми, не вписывающимися в систему, не имеющими социальных поощрений, несущими непропорционально большие материальные и моральные потери. Отражением социального исключения в сознании людей являются такие эмоции, как депрессия, стыд, агрессия [9]. Скорее всего, люди, находящиеся на периферии социальной системы и испытывающие депрессию,

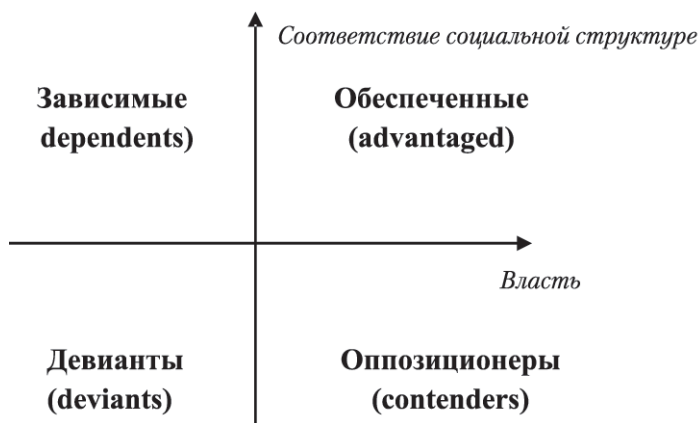

Рис. Матрица взаимодействия людей с социальной системой

не могут бороться за свое благополучие и отстаивать свои интересы. А. Син приводит пример психологического переживания социальной эксклюзии на основе бедности [19]. Сам факт нехватки финансов определяется как депривация, однако его следствием является чувство стыда из-за несоответствия социальным ценностям относительно финансового состояния. В постиндустриальном обществе, или обществе потребления, где статус человека определяется через количество материальных благ, бедность — это не только угроза физической жизни, но, и даже в большей степени, определенное психическое и социальное состояние, поскольку качество человеческого существования измеряется по стандартам достойной жизни, принятым в данном обществе [6]. Неспособность их поддерживать сама по себе является причиной стресса, страдания и унижения. Бедность поэтому означает ситуацию исключения из того, что признается нормальной жизнью. Другими словами, следствием ограничения материального благополучия является нарушение социальных связей [19]. Именно результат разрыва социальных и символических связей между отдельными лицами и обществом понимается как психологическая составляющая социальной эксклюзии [5]. Данный теоретический анализ позволяет обозначить активную вовлеченность в социальную жизнь, избегание вызовов, отказ от своих интересов и борьбу за ресурсы как основные шкалы, характеризующие социальную эксклюзию.

Дальнейшая работа над методикой ПИСС предполагает два этапа: создание и апробация пилотажной версии опросника (сравнение результатов пилотажного опросника с данными других

похожих опросников, экспертные оценки, др.) и составление итоговой версии опросника (корреляции с другими опросниками, вычисление валидности и надежности) [1].

Исследование 1.

Апробация пилотажного опросника и составление его итоговой версии

Программа исследования

Первый этап направлен на составление и апробацию пилотажной версии опросника. В теоретической части были выделены четыре вектора, по которым предположительно измеряется социальная эксклюзия: активная вовлеченность в социальную жизнь, избегание вызовов, отказ от своих интересов, борьба за ресурсы. Эти векторы легли в основу пилотажной версии опросника, состоящего из 56 вопросов: активная вовлеченность в социальную жизнь (1–15), избегание вызовов (16–30), отказ от своих интересов (31–45), борьба за ресурсы (45–56).

Для выбора наиболее эффективных вопросов было решено найти максимальные различия в ответах людей, исключенных из системы, а также людей, занимающих контрастно высокое положение в обществе (Mann–Whitney U-test).

Выборку составили 10 менеджеров дилерской компании ООО «Независимость» и 17 людей без определенного места жительства.

Результаты и их описание

С помощью критерия U Манна–Уитни было отобрано 30 вопросов, которые показывали различия в выборках с вероятностью $p \leq 0,05$: ($17 < U < 38$; $0,001 < p < 0,016$) (Приложение 1).

Последующий факторный анализ, проведенный на полученных 30 вопросах с целью выделения шкал, не дал удовлетворительных результатов, однако благодаря экспертным оценкам были выделены три группы вопросов. Экспертная комиссия включила четырех аспирантов кафедры социальной психологии МГУ им. М.В. Ломоносова (2 женщины и 2 мужчин) в возрасте от 23 до 26 лет. Процедура принятия решения представляла собой дискуссию, целью которой было оценить первоначально данные четыре фактора с опорой на выбранные 30 вопросов и распределить вопросы по шкалам. В результате дискуссии было выделено три фактора: «вовлеченность в систему социальных отношений», «готовность принимать вызовы» и «субъективная оценка принятия со стороны социальной системы» (Приложение 2).

Интерпретация и обсуждение

Полученные три фактора, «вовлеченность в систему», «готовность принимать вызовы» и «принятие окружающей средой», несколько отличаются от четырех изначально намеченных векторов: «активная вовлеченность в социальную жизнь», «избегание вызовов», «отказ от своих интересов» и «борьба за ресурсы». Однако некоторые шкалы, приведенные изначально, являются противоположными проявлениями одного и того же феномена. Например, избегание вызовов происходит в случае, когда человек отказывается бороться за ресурсы. Экстремальным проявлением данного феномена может быть отказ от своих интересов, когда их отстаивание является слишком затратным для человека. Это было продемонстрировано при опросе бездомных, когда люди не

смогли принять драматичные события прошлого (в основном, предательство родственников) и начать новую жизнь, а продолжают переживать свою слабость и обиду, все больше опускаясь на социальное дно. Поэтому шкалы «избегание вызовов», «отказ от своих интересов» и «борьба за ресурсы» правомерно были объединены в шкалу «готовность принимать вызовы».

Шкала «вовлеченность в социальную систему» осталась без изменений. В качестве новой шкалы было выделено субъективное восприятие принятия человека со стороны системы. В какой-то степени вовлеченность в социальную систему является отражением субъективного восприятия принятия со стороны системы. Выделение этой шкалы было сделано с тем соображением, что в некоторых случаях человек может чувствовать себя непринятым системой, но при этом активно бороться за право быть включенным в нее. В качестве примера можно привести референтные группы, к которым человек не принадлежит фактически. Острое желание включиться в группу, принятие групповых ценностей говорят о наличии сильных связей между человеком и социальной системой, что, по определению, противоречит феномену социальной эксклюзии. Таким образом, три шкалы пилотажной версии опросника на переживание социальной эксклюзии — «вовлеченность в социальную систему», «готовность принимать вызовы» и «принятие социальной системой» — отражают два локуса контроля над отношениями между человеком и окружающей средой, а также два вида активности — вовлеченность в существующую активность и борьбу за активность, которая на данном этапе является недоступной.

Выводы

В результате пилотажного опроса и последующего вычисления максимальных различий в ответах людей, исключенных из системы, а также людей, занимающих контрастно высокое положение в обществе, было отобрано 30 вопросов, разбившихся по трем шкалам: «вовлеченность в социальную систему», «готовность принимать вызовы» и «принятие окружающей средой». Разбиение вопросов по трем шкалам осуществлялось с помощью экспертной оценки, поскольку факторный анализ не привел к статистически надежным результатам. Причиной этому может быть малочисленность выборки. Поскольку экспертные оценки не являются достаточно надежным показателем, полученные шкалы нуждаются в дальнейшей верификации.

Исследование 2. Апробация опросника

Программа исследования

Дальнейшая работа над ПИСС заключалась в определении валидности и надежности выделенных шкал методом сравнения с результатами других опросников. Надежность теста рассчитывалась с помощью вычисления α Кронбаха, показывающей согласованность вопросов внутри теста. Для проверки конструкторной валидности [8] проверялось соответствие конструкторов составленного нами теста опроснику «Смысложизненные ориентации» Д.А. Леонтьева [4]. Тест СЖО имеет следующие шкалы: «цель в жизни», «процесс жизни», «результативность жизни», «локус контроля — Я» (ЛКЯ) и «локус контроля — жизнь» (ЛКЖ), и оценивает степень осмысленности и вовлеченности человека в жизнь, степень активности

человека в жизни. Шкалы опросника на переживание социальной эксклюзии — «вовлеченность в систему», «готовность принимать вызовы» и «принятие со стороны социальной системы» — описывают различные аспекты включенности человека в социальную систему, поэтому мы предполагаем, что между шкалами СЖО и опросника на определение социальной эксклюзии должна быть корреляция. Поскольку данные обоих тестов представляют шкалы рангов, для проверки их взаимосвязи был выбран коэффициент корреляции r Спирмена. Проведение расчетов по валидации методики предполагает наличие нормального распределения. Нормальность распределения проверялась с помощью теста Колмогорова–Смирнова.

Выборка составила 53 человека (студенты экологического факультета РУДН, 24 мужчины и 29 женщин в возрасте от 18 до 20 лет).

Результаты и их описание

Надежность теста: $\alpha = 0,952$, — что является очень высоким показателем внутренней согласованности вопросов.

Тест Колмогорова–Смирнова подтвердил нормальность распределения для каждой из шкал: вовлеченность ($p = 0,661$; $p > 0,05$), вызовы ($p = 0,837$; $p > 0,05$), принятие социальной реальностью ($p = 0,717$; $p > 0,05$), общий показатель включенности ($p = 0,943$; $p > 0,05$), цель в жизни ($p = 0,179$; $p > 0,05$), процесс жизни ($p = 0,738$; $p > 0,05$), результат жизни ($p = 0,457$; $p > 0,05$), локус контроля — Я ($p = 0,953$; $p > 0,05$), локус контроля — жизнь ($p = 0,706$; $p > 0,05$), осмысленность жизни ($p = 0,666$; $p > 0,05$).

Корреляция между шкалами теста на переживание социальной эксклюзии и шкалами СЖО дала высокие результаты (табл.).

Взаимосвязь между шкалами СЖО и ПИСС

СЖО \ ПИСС	Вовлеченность в систему	Готовность принимать вызовы	Принятие системой
Цель в жизни	$r = 0,579$ $p = 0,01$	$r = 0,489$ $p = 0,05$	$r = 0,505$ $p = 0,01$
Процесс жизни	$r = 0,748$ $p = 0,01$	$r = 0,757$ $p = 0,01$	$r = 0,575$ $p = 0,01$
Результат жизни	$r = 0,549$ $p = 0,01$	$r = 0,491$ $p = 0,05$	
ЛКЯ	$r = 0,462$ $p = 0,05$	$r = 0,462$ $p = 0,05$	
ЛКЖ	$r = 0,725$ $p = 0,01$	$r = 0,720$ $p = 0,01$	$r = 0,529$ $p = 0,01$

В таблице видна высокая корреляция между шкалами СЖО и тестом на изучение социальной эксклюзии, что говорит о выраженных пересечениях содержания СЖО и опросника на переживание социальной эксклюзии.

Интерпретация и обсуждение

Полученные данные свидетельствуют о высокой степени согласованности вопросов проверяемого теста. Отмечается высокая корреляция между шкалами СЖО и опросника на переживание социального исключения. Наиболее сильная связь была отмечена между вовлеченностью в социальную систему и готовностью принимать вызовы, с одной стороны, и процессом жизни и локусом контроля — жизнь — с другой. Вовлеченность в социальную систему и готовность принимать вызовы представляют собой два аспекта активного взаимодействия человека с социальной системой. Процесс жизни и локус контроля — жизнь отражают эмоциональную вовлеченность в настоящее и чувство контроля над ним. В отличие от остальных шкал СЖО, эти два пара-

метра отражают переживания настоящего. Видимо, активная вовлеченность в социальную систему связана в первую очередь именно с эмоциональным переживанием связей между человеком и системой в данный момент времени. Немного слабее выражена связь принятия социальной реальности с процессом жизни и ЛКЖ. Возможно, это объясняется тем, что принятие со стороны социальной системы хоть и отражает переживание отношения с обществом в настоящий момент, но является пассивным аспектом этого отношения. Немного слабее выражена связь вовлеченности в систему социальных отношений с целью и результативностью жизни. Шкала цель в жизни ориентирована на будущее, тогда как результативность жизни — на прошлое. Более того, говоря о каком-то результате, отнесенном к прошлому либо к будущему, шкалы в большей мере ориентируются на оценку человеком своей результативности в системе, а не на особенности отношений между человеком и социальной реальностью. Статистически значимая корреляция шкалы принятия соци-

альной системой с результативностью жизни и ЛКЯ отсутствует. Мы предполагаем, что это произошло по той же причине: обе шкалы опросника СЖО направлены на оценку человеком своего результата, отнесенного к прошлому, либо к будущему, тогда как шкала принятия со стороны социальной системы освещает совсем другой феномен.

Выводы

Составленный опросник имеет высокие показатели надежности и валидности. Однако при проверке валидности не все шкалы опросника коррелировали одинаково со шкалами опросника, являющегося проверочным. Причиной этому является разная степень соответствия шкал СЖО и опросника на определение переживания социальной эксклюзии. Так, самая сильная корреляция и самый высокий уровень соответствия шкал опросников наблюдается между шкалами «вовлеченность в социальную систему» и «готовность принимать вызовы» со стороны ПИСС и «процесс жизни» и ЛКЖ — со стороны СЖО. Несмотря на наличие сильной корреляции трех из пяти случаев между шкалой принятия и шкалами опросника СЖО, их содержание является различным. Для более точной проверки необходимо проверить взаимосвязь теста на определение социальной эксклюзии с другими опросниками, отражающими отношение человека к своему месту в системе социальных отношений. В целом же, результаты проверки опросника на надежность и валидность свидетельствуют в пользу возможности использования опросника как диагностического инструмента.

Заключение

Целью данной работы было создание опросника, позволяющего оценить степень переживания социальной эксклюзии. Процедура создания опросника проходила в три этапа: на первом этапе посредством анализа литературы были выделены четыре фактора, характеризующие людей, исключенных из социальной системы. Далее на базе этих факторов был составлен опросник из 56 вопросов. Целью второго этапа было отобрать вопросы, в наибольшей степени отражающие переживание социальной эксклюзии, и выделить новые факторы. Третий этап был направлен на проверку итогового опросника на валидность и надежность. В результате, опросник характеризуется высоким уровнем внутренней надежности. При проверке конструктивной валидности была обнаружена сильная корреляция между шкалами опросника на переживание социальной эксклюзии и СЖО. Все это характеризует опросник как надежный и валидный инструмент анализа социальной эксклюзии, однако существует ряд факторов, ослабляющих полученные данные и вынуждающих к проведению дальнейших проверок. Во-первых, это малочисленность выборки в первом и во втором исследовании. Именно это послужило причиной невозможности провести факторный анализ для выделения новых шкал в первом исследовании. Во-вторых, СЖО как опросник, на основе которого доказывалась валидность ПИСС, не отражает все аспекты, вложенные в определения переживания социальной эксклюзии. Следовательно, при предварительных удовлетворительных результатах ПИСС нуждается в дальнейшей верификации.

**ВОПРОСЫ, ИМЕЮЩИЕ НАИБОЛЕЕ ВЫРАЖЕННЫЕ РАЗЛИЧИЯ
МЕЖДУ МЕНЕДЖЕРАМИ И БЕЗДОМНЫМИ**

Вопрос, №	U	p	Вопрос, №	U	p
3	U = 20	p = 0,001	30	U = 34,5	p = 0,01
7	U = 26	p = 0,003	31	U = 37	p = 0,13
8	U = 17	p = 0,001	32	U = 26	p = 0,002
9	U = 38,5	p = 0,016	33	U = 25	p = 0,002
10	U = 34,5	p = 0,01	34	U = 25	p = 0,002
11	U = 25	p = 0,002	36	U = 24,5	p = 0,002
12	U = 24,5	p = 0,002	37	U = 26	p = 0,002
13	U = 22	p = 0,001	39	U = 36	p = 0,012
14	U = 26	p = 0,002	41	U = 17,5	p = 0,001
17	U = 33,5	p = 0,008	45	U = 37,5	p = 0,014
20	U = 31	p = 0,005	48	U = 25,5	p = 0,002
22	U = 33,5	p = 0,008	49	U = 32	p = 0,006
23	U = 24	p = 0,002	50	U = 25,5	p = 0,002
24	U = 29	p = 0,003	53	U = 32	p = 0,007
29	U = 29	p = 0,004	54	U = 29,5	p = 0,004

Примечание: $U < 45$ (при $n_1 = 17$, $n_2 = 10$); $p < 0,05$

**ОПРОСНИК НА ПЕРЕЖИВАНИЕ ИСКЛЮЧЕНИЯ
ИЗ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ (ПИСС)**

1	Я охотно вовлекаюсь в любые мероприятия и дискуссии	3 2 1 0 1 2 3	Я стараюсь избегать любой социальной активности и дискуссии
2	Обычно я полон энергии	3 2 1 0 1 2 3	Обычно я чувствую упадок сил
3	Я считаю себя неопытным и осторожным для того, чтобы принимать решения и выбирать жизненный путь	3 2 1 0 1 2 3	Я всегда самостоятельно выбираю свои цели и учусь на своих ошибках
4	У меня много социальных контактов	3 2 1 0 1 2 3	Я стараюсь не поддерживать ни с кем связь
5	Инициатива помогает мне пробиться в жизни	3 2 1 0 1 2 3	Любые мои попытки пробиться в жизни безуспешны
6	Иногда мне кажется, что лучше б меня не было вовсе	3 2 1 0 1 2 3	Я полон идей и решимости в их реализации
7	Взаимодействуя с социальной системой, я чувствую уверенность	3 2 1 0 1 2 3	Взаимодействуя с социальной системой, я чувствую страх и неопределенность
8	Я всегда борюсь за свои идеи	3 2 1 0 1 2 3	Идти против мнения большинства бессмысленно, гораздо эффективней понять, что хочет от тебя большинство
9	Я чувствую себя неудачником	3 2 1 0 1 2 3	Мне кажется, я родился под счастливой звездой
10	Окружающая меня реальность способствует достижению моих планов	3 2 1 0 1 2 3	Мой путь состоит из одних преград и разочарований
11	У меня всегда хватает сил для достижения поставленных целей	3 2 1 0 1 2 3	Я не вижу ни сил, ни возможностей достичь поставленные цели
12	Я чувствую отчаяние	3 2 1 0 1 2 3	Я полон решимости
13	Я всегда стараюсь внести свой вклад в любые социальные события	3 2 1 0 1 2 3	В случае участия в социальных событиях я стараюсь быть незамеченным
14	Мои мысли и идеи ничего не стоят	3 2 1 0 1 2 3	Я сам высоко ценю свои идеи и мысли и готов доносить их до окружающих
15	Мир отвергает меня	3 2 1 0 1 2 3	Мир меня слышит и принимает мои идеи
16	Я использую любые возможности для своего продвижения в обществе	3 2 1 0 1 2 3	Я считаю все свои попытки продвижения в обществе бесполезными

17	Я готов защищать свои интересы	3 2 1 0 1 2 3	У меня нет сил защищать свои интересы, я предпочитаю уйти
18	Меня никто не понимает	3 2 1 0 1 2 3	Многие ко мне прислушиваются
19	Мысли об активном участии в социальной жизни наводят на меня ужас	3 2 1 0 1 2 3	Активное участие в социальной жизни я считаю необходимым
20	Я смело иду к своим целям	3 2 1 0 1 2 3	Меня не пугают вызовы судьбы
21	Социальные силы, на пересечении которых я нахожусь, гораздо сильнее меня, и я чувствую себя пылью на ветру	3 2 1 0 1 2 3	Я чувствую в себе силы быть хозяином своей судьбы
22	В обществе я чувствую себя небезопасно	3 2 1 0 1 2 3	В обществе я чувствую себя вполне комфортно
23	Я довольствуюсь малым	3 2 1 0 1 2 3	Я всегда стремлюсь к большему
24	Я стараюсь как можно меньше взаимодействовать людьми, выходящими за круг моих близких и друзей	3 2 1 0 1 2 3	Я всегда стараюсь расширять список контактов
25	Ответственность висит на мне тяжелым грузом	3 2 1 0 1 2 3	Принятие ответственности является необходимым для дальнейшего продвижения
26	Мне неприятно думать о своем положении в обществе	3 2 1 0 1 2 3	Я доволен всем, что имею
27	Я положительно отношусь к конкуренции	3 2 1 0 1 2 3	Конкуренция пугает меня
28	В этом обществе я не могу найти себе места	3 2 1 0 1 2 3	Я нашел свое призвание и место в обществе
29	Я чувствую себя в тонусе и готов к неожиданностям, преподносимым социальной системой	3 2 1 0 1 2 3	Я чувствую подавленность и предпочитаю уходить от активного взаимодействия с обществом
30	Я считаю, что перекладывать ответственность гораздо безопасней	3 2 1 0 1 2 3	Я считаю, что уход от социальной жизни грозит социальными проблемами

Подсчет баллов

Шкала 1. Вовлеченность в социальную систему: 1R, 4R, 7R, 10R, 13R, 16R, 19, 22, 24, 26, 28, 29R, 30.

Шкала 2. Готовность принимать вызов: 2R, 5R, 8R, 11R, 14, 17R, 20R, 23, 25, 27R.

Шкала 3. Принятие социальным окружением: 3, 6, 9, 12, 15, 18, 21.

Шкала 4. Общий показатель включенности — сумма всех баллов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Базаров Т.Ю., Сычева М.П.* Создание и апробация опросника «Стили реагирования на изменения» [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 25. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 30.05.2015).
2. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. 323 с.
3. *Карандашев В.Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004. 70с.
4. *Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентации (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000. 18 с.
5. *Степанова Е., Ефлова М.* Социальная эксклюзия заключенных и экс-заключенных в России // Власть. 2012. № 1. С. 85–89.
6. *Студенна М.* Проблема социальной эксклюзии в постиндустриальном обществе на примере польских и украинских центров угольной промышленности // История и современность. 2010. №. 1. С. 190–201.
7. *Суворова И.Ю.* Применение теории динамики идентичности для описания взаимосвязи человека и социальной реальности // Пензенский психологический вестник. 2016. № 1 (6). С. 40–62. doi:10.17689/psy-2016.1.3
8. *Шамшикова О.Е., Волохова В.И.* Адаптация опросника «Границы в психике» Эрнеста Хартмана // Материалы II всероссийской научно-практической конференции «Развитие человека в современном мире». Новосибирск: Изд. НГПУ, 2011. С. 277– 87.
9. *Abrams D., Grant P.R.* Testing the Social Identity Relative Deprivation (SIRD) model of Social Change: The Political Rise of Scottish Nationalism // British Journal of Social Psychology. 2011. Vol. 51. P. 674–689. doi: 10.1111/j.2044-8309.2011.02032.x
10. *Abrams D., Hewstone M.* ESRC Seminar Series on Social Inclusion and Exclusion: Informing Policy through Social Psychology: Conclusion Report. University of Kent: Kent Publication. 2004. [Электронный ресурс]. URL: <https://kar.kent.ac.uk/41650/> (дата обращения: 14.08.2014).
11. *Crumbaugh J.C., Maholick L.T.* An experimental study in existentialism: The psychometric approach to Frankl's concept of noogenic neurosis // Journal of Clinical Psychology. 1964. Vol. 20. P. 589–596. doi: 10.11.1.505.6866
12. *Eisenberger N.I.* Social Pain and the Brain: Controversies, Questions, and Where to Go from Here // Annual Review of Psychology. 2015. Vol. 66. P. 601–629. doi: 10.1146/annurev-psych-010213-115146
13. *Hitti A., Mulvey K.L., Rutland A., Abrams D., Killen M.* When Is It Okay to Exclude a Member of the Ingroup? // Children's and Adolescents' Social Reasoning. Social Development. 2014. Vol. 23. Is. 3. P. 451–469. doi: 10.1111/sode.12047
14. *Macdonald G., Leary M.R.* Why does social exclusion hurt? The relationship between social and physical pain. / Psychol Bull. 2005. Vol. 131. Is. 2. P. 202–223. doi: 10.1037/0033-2909.131.2.202
15. *Pierce J.J., Siddiki S., Jones M.D., Schumacher K., Pattison A., Peterson H.* Social Construction and Policy Design: A Review of Past Applications // The Policy Studies Journal. 2014. Vol. 42. Is.1. doi: 10.1111/psj.12040

16. *Power A., Wilson W.J.* Social Exclusion and the Future of Cities. London: CASEpaper, 2000. 31 p.
17. *Schneider A., Ingram H.* Social Construction of Target Populations: Implications for Politics and Policy // *American Political Science Review*. 1993. Vol. 87. Is. 2. P. 334–347. doi: 10.2307/2939044
18. *Schwartz S.H., Verkasalo M., Antonovsky A., Sagiv L.* Value priorities and social desirability: Much substance, some style // *British Journal of Social Psychology*. 1997. Vol. 36. P. 3–18.
19. *Sen A.* Social Exclusion: Concept, Application, and Scrutiny. Manila: Asian Development Bank, Office of Environment and Social development, 2000. 54 p.

The development of trial questionnaire on social exclusion

I.YU. SUVOROVA*,
Moscow, Russia, i.suvorova89@gmail.com

The article describes the evolution of the phenomenon of social exclusion and methods of its investigation in laboratory conditions. To the best of our knowledge, the diagnostic of social exclusion has been primarily based on external factors till now. This article is devoted to the creation of questionnaire aimed to reveal the psychological experience of social exclusion in natural conditions. Such tool is necessary because it is insufficient to refer only to external conditions of personal exposure to the periphery of social system in order to estimate psychological exclusion, as physical and psychological exclusion do not always coincide. The reliability of our questionnaire is $\alpha = 0,952$. The validity of the tool was checked through the correlation with Leontiev's Test of Sense of Life Orientations. As a result, strong links were found between scales of both tests ($0,462 < r < 0,725$; $0,01 < p < 0,05$).

Keywords: social exclusion, social construction, interaction with social system, deprivation, creation of a model, reliability, validity.

REFERENCES

1. Bazarov T.Ju., Sycheva M.P. Sozdanie i aprobacija oprosnika "Stili reagirovanija na izmenenija" [Creation and approbation of the questioner "The styles of reaction to changes"]. *Psichologicheskie issledovaniya [Psychological investigations]*, 2012. Vol. 5, no. 25, pp. 12. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed 30.05.2015).
2. Berger P., Luckmann T. Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya [Social construction of reality]. Moscow: "Medium", 1995. 323 p.
3. Karandashev V.N. Metodika Shvarca dlja izuchenija cennostej lichnosti: koncepcija i metodicheskoe rukovodstvo [Schwarz 's questioner for study of personal values: the concept and methodological guidance]. Saint-Petersburg: Rech', 2004. 70s.
4. Leont'ev D.A. Test smyslozhiznennyh orientacii (SZhO) [Test of personal lifestyle]. 2-e izd. Moscow: Smysl, 2000. 18 p.
5. Stepanova E., Eflova M. Social'naja jekskljuzija zakljuchennyh i jeks-zakljuchennyh v Rossii [The social exclusion of prisoners and ex-prisoners]. *Vlast' [Power]*, 2012, no. 1, pp. 85–89.
6. Studenna M. Problema social'noj jekskljuzii v postindustrial'nom obshhestve na primere pol'skih i ukrainskih centrov ugol'noj promyshlennosti [Polish and Ukrainian coal

For citation:

Suvorova I.Yu. The development of trial questionnaire on social exclusion. *Sotsial'naja psikhologija i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2016. Vol. 7, no. 4, pp. 132–146. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2016070409

* Suvorova Irina Yu. — PhD student in the department of Social and Differential psychology, People's Friendship University of Russia, Moscow, Russia, i.suvorova89@gmail.com

industry as an example of the problem of social exclusion at postindustrial society]. *Istorija i sovremenost'* [History and Present], 2010, no. 1, pp. 190–201.

7. Suvorova I.Ju. Primenenie teorii dinamiki identichnosti dlja opisaniya vzaimosvjazi cheloveka i social'noj real'nosti [The application of Identity Process theory for description of personal-social relationship]. *Penzenskij psihologicheskij vestnik* [Penza psychological newsletter]. Penza, 2016, no. 1 (6), pp. 40–62. doi:10.17689/psy-2016.1.3.

8. Shamshikova O.E., Volohova V.I. Adaptacija oprosnika "Granicy v psihike" Jernesta Hartmana [The adaptation of Ernst Hartmann's questioner 'Boundaries of the mind']. Materialy II vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii "Razvitie cheloveka v sovremenom mire" [Proceedings of II All-Russian scientific-practical conference "Human development in the modern world"]. Novosibirsk. 2011, pp. 277–287.

9. Abrams D., Grant P.R. Testing the Social Identity Relative Deprivation (SIRD) model of Social Change: The Political Rise of Scottish Nationalism. *British Journal of Social Psychology*, 2011. Vol. 51, pp. 674–689. doi: 10.1111/j.2044-8309.2011.02032.x.

10. Abrams D., Hewstone M. ESRC Seminar Series on Social Inclusion and Exclusion: Informing Policy through Social Psychology: Conclusion Report. University of Kent: Kent Publication. 2004. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://kar.kent.ac.uk/41650/> (Accessed: 14.08.2014).

11. Crumbaugh J.C., Maholick L.T. An experimental study in existentialism: The psychometric approach to Frankl's concept of noogenic neurosis. *Journal of Clinical Psychology*, 1964. Vol. 20, pp. 589–596. doi: 10.1.1.505.6866.

12. Eisenberger N.I. Social Pain and the Brain: Controversies, Questions, and Where to Go from Here. *Annual Review of Psychology*. 2015. Vol. 66, pp. 601–629. doi: 10.1146/annurev-psych-010213-115146.

13. Hitti A., Mulvey K.L., Rutland A., Abrams D., Killen M. When Is It Okay to Exclude a Member of the Ingroup? *Children's and Adolescents' Social Reasoning. Social Development*, 2014. Vol. 23. Is. 3, pp. 451–469. doi: 10.1111/sode.12047.

14. Macdonald G., Leary M.R. Why does social exclusion hurt? The relationship between social and physical pain. *Psychol Bull*, 2005. Vol. 131. Is. 2, pp. 202–223. doi: 10.1037/0033-2909.131.2.202.

15. Pierce J.J., Siddiki S., Jones M.D., Schumacher K., Pattison A., Peterson H. Social Construction and Policy Design: A Review of Past Applications. *The Policy Studies Journal*, 2014. Vol. 42. Is. 1. doi: 10.1111/psj.12040.

16. Power A., Wilson W.J. Social Exclusion and the Future of Cities. Centre for Analysis of Social Exclusion. London: London School of Economics. 2000.

17. Schneider A., Ingram H. Social Construction of Target Populations: Implications for Politics and Policy. *American Political Science Review*, 1993. Vol. 87. Is. 2, pp. 334–347. doi: 10.2307/2939044.

18. Schwartz S.H., Verkasalo M., Antonovsky A., Sagiv L. Value priorities and social desirability: Much substance, some style. *British Journal of Social Psychology*, 1997. Vol. 36, pp. 3–18.

19. Sen A. Social Exclusion: Concept, Application, and Scrutiny. Manila: Asian Development Bank, Office of Environment and Social development. 2000. 54 p.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Хронотоп современного российского города.

Рецензия на монографию Н.К. Радиной

«Город в пространстве и времени: проблемы территориальной идентичности в контексте социально-экономических изменений».

Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2015. 344 с.

Н.Н. ТОЛСТЫХ*,
Москва, Россия, nnvt@list.ru

Рецензируемая монография подготовлена на материале исследования, проведенного в русле так называемых городских исследований (Urban Studies), где город выступает в роли объекта изучения, увиденного в разных предметных проекциях, в том числе и собственно социально-психологической. Ключевым для автора является понятие территориальной идентичности, рассматриваемой в качестве одной из составляющих социальной идентичности индивида.

Монография Н.К. Радиной подготовлена на материале исследования, проведенного в русле так называемых городских исследований (Urban Studies), весьма распространенных на Западе, но сравнительно немногочисленных в России. Исследование, о котором идет речь, как и большинство городских исследований, является междисциплинарным, где город выступает в роли объекта изучения, увиденного в разных предметных

проекциях, в том числе и собственно социально-психологической.

Ключевым для автора является понятие территориальной идентичности, рассматриваемой в качестве одной из составляющих социальной идентичности индивида. Осуществленное в рамках проекта Российского Гуманитарного научного фонда «Региональная идентичность в условиях социально-экономических изменений (на примере Нижегородской

Для цитаты:

Толстых Н.Н. Хронотоп современного российского города. Рецензия на монографию Н.К. Радиной «Город в пространстве и времени: проблемы территориальной идентичности в контексте социально-экономических изменений». Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2015. 344 с. // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 4. С. 147–152. doi:10.17759/sps.2016070410

* *Толстых Наталия Николаевна* — доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной психологии развития ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, nnvt@list.ru

области, 2002–2014 гг.)», исследование охватило ряд малых, средних и больших городов нижегородского региона, а также областной центр — город-миллионник Нижний Новгород, проследив те изменения территориальной (региональной) идентичности жителей этих населенных пунктов, которые произошли за первое десятилетие (точнее — за 12 лет) XXI века, отмеченного значительными трансформациями в политической, экономической, социальной жизни нашей страны.

Книга состоит из трех частей, каждая из которых имеет самостоятельное значение и, возможно, может представлять разный интерес для разных категорий читателей.

В высшей степени информативна первая часть — сравнительно небольшая по объему глава, в которой автор дает обзор той проблематики, которой были посвящены городские исследования, проведенные в разные годы в разных странах, включая и Россию, и приводит примеры наиболее ярких и значимых в контексте авторского исследования фактов, закономерностей, открытий, полученных в этих работах. Глава эта написана не только высокопрофессионально, но и просто увлекательно. Читатель, желающий познакомиться с этой, повторюсь, не слишком популярной пока у нас областью знания, увидит богатую палитру городских исследований и к тому же сможет значительно расширить свой словарный запас, познакомившись с терминами, которые используются именно в рамках городских исследований.

Вторая — основная и по объему, и по содержанию — часть монографии посвящена изложению эмпирического исследования, о чем подробнее — ниже. Наконец, третья часть, также весьма

значительная по объему, представляет собой Приложения, в которых приводится то, что автор называет «полевой материал» — истории, рассказанные в разные годы о себе жителями этих малых, средних и больших городов Нижегородской области в разговорах с провинциальными попутчиками, москвичами, иностранцами. Эти истории — избранные протоколы выполнения задания неструктурированного проблемно-ориентированного проективного интервью, моделирующего разговор в проезде. Думаю, эти рассказы о себе и своем городе людей, разных по полу, возрасту, профессии и социальному статусу, которые и сегодня читаются как любопытная беллетристика и могут интерпретироваться читателем, как ему вздумается, а не только в той логике, которую ему подсказывает автор монографии, с течением времени будут приобретать все большее значение как живые свидетельства того отраженного в человеческих нарративах хронотопа, той жизни, которая текла в провинциальном российском городке начала XXI века.

Но обратимся к основной части монографии. Для определения характера территориальной (региональной) идентичности жителей разных населенных пунктов и прослеживания ее изменений, произошедших за 12 лет, исследователями был разработан методический инструментарий, включающий три методики, которые позволяют выявить особенности трех, ключевых для данного исследования, измерений (уровней) территориальной идентичности, а именно социально-психологического, символического и социально-политического. Выборка составила 516 (2002 г.) и 366 (2014 г.) респондентов разного пола, возраста и места проживания.

Социально-психологический уровень изучался с помощью анкеты-опросника «Региональные приоритеты», состоящей из 25 утверждений, которые описывают возможные направления развития территории. Участники исследования заполняли анкету трижды, отмечая направления, значимые, по их мнению, для развития данного города: 1) с точки зрения всех его жителей; 2) для них лично; 3) как направления, привлекательные для активного персонального участия в их реализации. Использование различных способов математической обработки полученного массива данных позволило не только выявить возрастную, гендерную и региональную приоритетность различных направлений развития территории в их динамике, но также зафиксировать три в высшей степени любопытных показателя, если можно так выразиться, «второго уровня», а именно:

— коэффициент «городской солидарности» как меру сопряженности общих и индивидуальных предпочтений направлений в развитии города (соотношение выборов «важно для большинства жителей» / «важно для меня лично»);

— коэффициент «эгоактивности» (соотношение выборов «важно для меня» / «готов принять участие»);

— коэффициент «городского альтруизма» (соотношение выборов «важно для большинства жителей» / «готов принять участие»).

Важность анализа указанных коэффициентов Н.К. Радина обосновывает тем, что солидарность, альтруизм и эгоактивность, которые проявляются в контексте развития города, являются ключевыми показателями социальной интегрированности горожанина.

При всей вариативности значений этих коэффициентов в разных воз-

растных группах, в группах мужчин и женщин, у людей с разным уровнем образования, у жителей разных по численности населенных пунктов (что само по себе, несомненно, существенно для анализа территориальной идентичности) за 12 лет, разделяющих два исследовательских «среза», достаточно отчетливо проявилась общая тенденция к снижению значений всех трех коэффициентов (в сравнительно меньшей степени — эгоактивности), иными словами, падает социальная интегрированность людей, растет их аномия. Интерпретация и оценка этого факта — задача непростая. Н.К. Радина, привлекая для этого разные теоретические конструкции, в первую очередь, теории Э. Дюркгейма и Р. Мертона, приходит к неоднозначным выводам. «Если для Э. Дюркгейма, — пишет она, — аномия — результат разрушения или ослабления нормативной системы общества, то для Р. Мертона — конфликт, дисбаланс между культурными ценностями и санкционированным институциональными средствами общества, фактически условие социального развития. Следовательно, по Мертону, к проявлениям аномии можно отнести все формы социальной адаптации кроме конформизма» [1, с. 111—112]. Возможность дифференцированного анализа большого массива эмпирических данных приводит Н.К. Радину к выводу о том, что для объяснения разных полученных в исследовании фактов и закономерностей релевантными оказываются разные концепции аномии: «... Дюркгеймовская версия работает при объяснении возрастных различий, особенно на материале 2002 года, где определенно считывается “эффект когорты” и разрыв между возрастными группами как разрыв между поколениями. Мертоновская версия аномии более релевантна

для интерпретаций социальной дезинтеграции, обусловленной социальным неравенством (например, между территориями или профессиональными группами)» [1, с. 118]. Автор уклоняется при этом от прямой оценки — положительной или отрицательной — выявленных тенденций, предоставляя возможность читателям сделать это самостоятельно. Благо для этого у них есть все возможности: эмпирический материал представлен в книге настолько подробно и грамотно, что это позволяет читателю соглашаться или не соглашаться с авторскими его интерпретациями, предлагать свои объяснительные схемы. Например, с моей точки зрения, максимальная (по сравнению с другими направлениями развития города) готовность граждан активно участвовать в экологических программах может объясняться не экологичностью их сознания (как полагает Н.К. Радина), а просто их житейской мудростью и трезвым осознанием реальности: может быть, они и предпочли бы направить свои силы на борьбу с коррупцией, но понимают, что в нынешних условиях это и бесполезно, и небезопасно, а от защиты какого-нибудь сквера польза все же может быть.

Символический уровень территориальной идентичности изучался в проекте с помощью неструктурированного сфокусированного интервью «Мой город», построенного по принципу проективной техники Story Telling Techniques. В дополнение к классическим правилам исследователи включили параметр интенциональности рассказа, учета его адресата, слушателя (близкий–далекый–чужой). В соответствии с этим инструкция выглядела следующим образом: «Представьте, что вы — пассажир поезда, разговаривающий с попутчиком

из другого, обычного, нестоличного города. Расскажите своему попутчику о том месте, где вы живете, о своем родном городе, о своей “малой родине”». После такого рассказа инструкция менялась: «Представьте, что ваш попутчик вышел на ближайшей станции. Сейчас вы разговариваете с другим пассажиром, он из Москвы. Расскажите о своем городе попутчику-Москвичу». Третий рассказ о своем городе предназначался иностранцу. Я намеренно подробно рассказываю о примененной версии интервью, поскольку считаю ее в высшей степени креативной и интересной именно с социально-психологической точки зрения. Примеры аудиозаписей этих рассказов, как уже было сказано выше, приведены в книге в Приложениях.

Ключевым конструктом для интерпретации интервью явился конструкт «социальные представления», что и обусловило характер анализа материала. Не имея возможности в рамках краткой рецензии остановиться на всех нюансах выявленных социальных представлений о своем городе, приведу лишь итоговый вывод автора, связанный с учетом фактора интенциональности: «Провинциальным слушателям, которых считают более близкими («своими»), рассказывают истории, наиболее эмоциональные и личностно-ориентированные. Истории, придуманные для москвичей, в качестве отличительных особенностей характеризуются или москвофобией, или туристически-ориентированным взглядом на город. Истории для иностранцев интенционально более сложные. Иностранцев рассматривают и как потенциальных туристов, и как инвесторов, и как шпионов, и даже как некий идеал, который, если ему донести самые острые проблемы в развитии города, мо-

жет повлиять на позитивный исход в решении проблем» [1, с. 174].

Не буду специально останавливаться на представленном в монографии анализе социально-политического уровня территориальной идентичности, хотя бы потому, что основные его выводы были изложены Н.К. Радиной в недавно опубликованной в нашем журнале ее статье «Социально-психологический феномен “закрытости” М.Ю. Кондратьева: от “закрытой группы” к “закрытому обществу”» [2]. Отмечу только, что центральный для изучения социально-психологического уровня территориальной идентичности конструкт «закрытое общество» исследовался с помощью социально-психологической версии Техники репертуарных решеток Келли (ТРР), ориентированной на выявление идентификации жителей региона с представителями местной, региональной и федеральной власти. Теоретический анализ и интерпретация полученного эмпирического материала строились на трехфакторной модели отношений межличностной значимости А.В. Петровского в интерпретации для закрытых групп М.Ю. Кондратьева, с одной стороны, и концепции «закрытого общества» в изложении К. Поппера — с другой. Исследование выявило наличие основных маркеров закрытого общества

в сравниваемых группах респондентов при отсутствии выраженной динамики соответствующих показателей в 12-летнем интервале. Это приводит автора к выводу о том, что социально-экономические трансформации, произошедшие за этот период, по сути, не повлияли на модели властных отношений горожан Нижегородского региона, характерные для закрытого общества. И в 2002, и в 2014 году социально-политический уровень территориальной идентичности характеризовался типичными для закрытого общества маркерами: жестким разделением в сознании граждан на «низы» и «верха», поляризацией социальных отношений между группами, разрывом между приватным и публичным социальными пространствами, негативной оценкой власти всех уровней.

Уверена, что рецензируемая книга Н.К. Радиной может быть полезной и по настоящему интересной не только для профессионалов (социальных психологов, педагогов, политиков, политтехнологов, специалистов в области социальной географии, масс-медиа и др.), но и для всех тех, кого интересуют процессы, происходящие в нашем обществе, причем не только в столицах, но и в самых разных больших и малых городах нашей необъятной родины.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Радина Н.К.* Город в пространстве и времени: проблемы территориальной идентичности в контексте социально-экономических изменений. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2015. 344 с.
2. *Радина Н.К.* Социально-психологический феномен «закрытости» М.Ю. Кондратьева: от «закрытой группы» — к «закрытому обществу» // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 1. С. 45–58. doi:10.17759/sps.2016070104

Chronotope of the modern Russian city

Review of the monography of N.K. Radina “The city over space and time: the problem of the territorial identity in the context of socio-economic change”.

Nizhny Novgorod: DEKOM, 2015. 344 p.

N.N. TOLSTYKH*,
Russia, Moscow, nnvt@list.ru

The monograph based on the material, carried out in line with the so-called urban studies, very common in the West, but are relatively few in Russia.

This research like most urban research is interdisciplinary, where the city serves as a study object, seen in different subject projections, including the proper social and psychological.

REFERENCES

1. Radina N.K. Gorod v prostranstve i vremeni: problemy territorial'noi identichnosti v kontekste social'no-ekonomicheskikh izmenenii [The city over space and time: the problem of the territorial identity in the context of socio-economic change]. Nizhnii Novgorod: DEKOM, 2015. 344 p.
2. Radina N.K. M.Yu. Kondratyev's Social Psychological Phenomenon of “Closedness”: From a “Closed Group” to a “Closed Society”. *Sotsial'naiia psikhologiia i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2016. Vol. 7, no. 1, pp. 45–58. doi:10.17759/sps.2016070104. (In Russ., abstr. in Engl.)

For citation:

Tolstykh N.N. Chronotope of the modern Russian city. Review of the monography of N.K. Radina “The city over space and time: the problem of the territorial identity in the context of socio-economic change”. Nizhny Novgorod: DEKOM, 2015. 344 p. *Sotsial'naiia psikhologiia i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2016. Vol. 7, no. 4, pp. 147–152. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2016070410

* *Tolstykh Natalia N.* — Doctor in Psychology, Head of the Chair of Social Psychology of Development, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, nnvt@list.ru

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО» В 2016 ГОДУ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Толстых Н.Н. К 60-летию М.Ю. Кондратьева ..... № 1. С. 5–8

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Кривошеина И.В., Котов А.А.* Теория конструкторов разного уровня
Н. Либерман и Я. Троупа ..... № 4. С. 5–18
- Крушельницкая О.Б., Маринова Т.Ю.* О научном наследии
М.Ю. Кондратьева ..... № 1. С. 9–22
- Лабунская В.А.* Теоретико-эмпирические подходы к исследованию
отношения к этнодукизму ..... № 4. С. 19–33
- Литвинова Е.Ю., Киселева Н.В.* Структурная модель вовлеченности
обучающихся в непрерывное образование ..... № 3. С. 5–17
- Степанова В.В., Толстых Н.Н.* Междисциплинарные связи
социальной, возрастной и педагогической психологии:
ресурсы развития ..... № 1. С. 23–44

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Белинская Е.П., Дубовская Е.М.* Неполная семья как институт
социализации: взаимосвязь представлений матери о психологическом
благополучии ребенка и ее стратегий совладания с трудностями ..... № 3. С. 33–46
- Волкова Е.Н., Волкова И.В., Исаева О.М.* Оценка
распространенности насилия над детьми ..... № 2. С. 19–34
- Воскресенская Н.Г.* Влияние на выбор кинофильмов уровня
эмоционального напряжения зрителей ..... № 3. С. 121–134
- Головей Л.А., Василенко В.Е., Савеньшева С.С.* Структура
семьи и семейное воспитание как факторы развития личности
дошкольника ..... № 2. С. 5–18
- Головей Л.А., Савеньшева С.С., Энгельгардт Е.Е.* Структура
семьи и родительское воспитание как факторы интеллектуального
развития дошкольников ..... № 3. С. 18–32
- Зарецкая О.В.* Зависимость от компьютерных онлайн игр как
разновидность аддиктивного поведения ..... № 3. С. 105–120
- Колтачук Е.В., Вацков И.В.* Гендерные особенности переживания
неопределенности профессионального статуса в период взрослости ..... № 3. С. 47–59

Для цитаты:

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО» В 2016 г. // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 4. С. 153–156. doi:10.17759/sps.2016070411

<i>Лабунская В.А., Капитанова Е.В.</i> Самооценка и оценка внешнего облика членов студенческой группы как предикторы отношений межличностной значимости	№ 1. С. 72–87
<i>Лотарева Т.Ю.</i> Влияние стажа работы на жизнеспособность профессионалов социальной сферы	№ 4. С. 99–116
<i>Нозикова Н.В.</i> Доминирующие ценности семейной целенаправленности в зависимости от некоторых социально-демографических факторов	№ 4. С. 56–67
<i>Погодина А.В., Литвинова Е.Ю., Харченко М.А.</i> Компетентностный подход к подготовке организационных психологов в контексте реформирования системы высшего профессионального образования	№ 1. С. 108–122
<i>Радина Н.К.</i> Социально-психологический феномен «закрытости» М.Ю. Кондратьева: от «закрытой группы» — к «закрытому обществу»	№ 1. С. 45–58
<i>Рябиченко Т.А.</i> Ассимиляция или интеграция: роль ценностей «Самоутверждение»	№ 3. С. 93–104
<i>Сачкова М.Е.</i> Актуальный подход к исследованию статусных отношений в ученических группах в рамках научной школы факультета социальной психологии МГППУ	№ 1. С. 59–71
<i>Сидоренков А.В., Дорофеев В.А.</i> Соотношение групповой, микрогрупповой и межличностной идентичности работников в производственных группах	№ 3. С. 60–75
<i>Силина О.В.</i> Структура границ Я у детей 2–10 лет	№ 4. С. 83–98
<i>Собкин В.С., Калашникова Е.А.</i> К вопросу о педагогическом авторитете	№ 1. С. 88–107
<i>Суворова И.Ю.</i> Нарушение структуры социальной идентичности в результате социальной эксклюзии	№ 4. С. 34–55
<i>Тимошина И.Н.</i> Структура социальных представлений студентов о статусе современном обществе	№ 2. С. 51–64
<i>Уланова Ю.Ю., Василенко В.Е.</i> Проявления кризиса трех лет в связи с особенностями детско-родительского взаимодействия	№ 4. С. 68–82
<i>Федотова В.А.</i> Взаимосвязь ценностей и инновативных установок у представителей разных поколений россиян	№ 2. С. 82–92
<i>Филинкова Е.Б.</i> Типы перехода от исполнительской (педагогической) деятельности к управленческой	№ 2. С. 65–81
<i>Фролова С.В.</i> Социокультурная интегрированность образной сферы и социальное самочувствие личности как предикторы приверженности своей стране	№ 3. С. 76–92
<i>Храмцова И.И., Чуйкова Т.С.</i> Осознанное внимание и сочувствие к себе как предикторы стилей юмора в США и России	№ 2. С. 93–108
<i>Хухлаев Е.О., Шорохова В.А.</i> Социально-психологическое исследование религиозной идентичности у православной молодежи	№ 2. С. 35–50

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА

- Айсина Р.М.* Экспериментальное исследование эффективности применения виртуального коммуникативного тренинга в системе психологического сопровождения безработных ..... № 4. С. 117–131
- Дорошина Т.В.* Иппо-тренинг: социально-психологический тренинг с участием лошадей ..... № 3. С. 135–147
- Прозорова К.В., Григорян Л.К.* Социально-психологические детерминанты использования велосипеда как основного вида транспорта в российском контексте: проверка модели целенаправленного поведения ..... № 1. С. 123–139
- Хломов К.Д.* Социальные риски в контексте индивидуальных жизненных траекторий современных подростков ..... № 2. С. 109–125

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

- Григорян Л.К., Горина Е.В.* Факторный опрос: преимущества, область применения, практические рекомендации ..... № 2. С. 142–157
- Ильин В.А., Хрисанова Е.В.* К вопросу о методическом обеспечении исследований отношений межличностной значимости в воспитательных группах дошкольных образовательных учреждений .. № 1. С. 140–147
- Кочетков Н.В.* Социально-психологические аспекты зависимости от онлайн-игр и методика ее диагностики ..... № 3. С. 148–163
- Суворова И.Ю.* Разработка пробной версии опросника на определение переживания исключения из социальной системы ..... № 4. С. 132–146
- Суханов Е.П.* Когнитивная метафора как инструмент для изучения представлений о своей работе у различных профессиональных групп ..... № 2. С. 126–141

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Климова Т.А.* О создании секции театральной психологии и педагогики при Московском отделении РПО ..... № 1. С. 148–151
- Кочетков Н.В.* Первая студенческая конференция памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» ..... № 2. С. 158–161

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Денисенкова Н.С.* Развитие детей-сирот в условиях институционализации и в замещающей семье. Рецензия на книгу: «Проблема сиротства в современной России: Психологический аспект». Отв. ред. А.М. Махнач, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. 670 с. (Фундаментальная психология практике) ..... № 2. С. 168–172
- Дубровина И.В.* Достоинейший представитель отечественного психологического сообщества. Рецензия на книгу М.Ю. Кондратьева «Отечественное профессиональное психологическое сообщество». М.: Генезис, 2015. 176 с. .... № 1. С. 152–157

- Нартова-Бочавер С.К.* Отдаление без отделения. Рецензия на книгу Н.Е. Харламенковой, Е.В. Кумыковой, А.К. Рубченко «Психологическая сепарация. Подходы, проблемы, механизмы». М.: Институт психологии РАН, 2015. 367 с. .... № 2. С. 162–167
- Толстых Н.Н.* Хронотоп современного российского города. Рецензия на монографию Н.К. Радиной «Город в пространстве и времени: проблемы территориальной идентичности в контексте социально-экономических изменений». Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2015. 344 с. .... № 4. С. 147–152

АРХИВ. ВОСПОМИНАНИЯ

- Вачков И.В., Донцов А.И., Дубов И.Г., Петровский В.А.*
Михаил Юрьевич Кондратьев — ученый и человек ..... № 1. С. 158–170
- Кондратьев М.Ю.* Роль и профессиональные функции социального психолога-практика в общеобразовательной школе ..... № 3. С. 164–168
- Кондратьев М.Ю.* Цвет счастья ..... № 1. С. 171–173

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ

- «СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО» В 2016 г.** ..... № 4. С. 153–156

**INDEX OF ARTICLES PUBLISHED IN THE JOURNAL
OF SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY IN 2016**

For citation:

INDEX OF ARTICLES PUBLISHED IN THE JOURNAL OF SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY IN 2016. *Sotsial'naiia psikhologiiia i obshchestvo* = Social Psychology and Society, 2016. Vol. 7, no. 4, pp. 153–156. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2016070411

Международное научное издание
«Социальная психология и общество»
объявляет о подготовке тематического выпуска
«**Социальная психология и нейронауки**»,
планируемого к печати в 2017 г.

Выпуск будет посвящен междисциплинарным исследованиям,
находящимся на пересечении нейронаук
и социальной психологии.

Принимаются статьи на русском или английском языке,
оформленные согласно правилам публикации рукописей.
Адрес редакции: **spas2010@mgppu.ru**

An international scientific journal
«**Social psychology and society**»
is pleased to announce a call for papers for the special issue
on social psychology and neuroscience planned for 2017.
The issue will be devoted to multidisciplinary research combining
neuroscience and social psychology.
We will consider papers in both Russian and English prepared in accord
with the formatting guidelines of the journal.
Please send your manuscripts to the following
email address: **spas2010@mgppu.ru**

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Бюро в России
127051, г. Москва, Сретенка, д. 29, комн. 207
Тел.: +7(495) 608-16-27
+7(495) 632-95-44
Факс: +7(495) 632-95-44
e-mail: *spas2010@mgppu.ru*

Редакционно-издательский отдел МГППУ

123390, г. Москва, Шелепихинская наб., д. 2А, комн. 409
Тел.: +7(499) 244-07-06 (доб. 233)
e-mail: *k-409rio@list.ru*
Переводчик *З.З. Исхакова*
Корректор *Р.К. Лопина*
Компьютерная верстка: *М.А. Баскакова*

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

Russian office:
Sretenka st., 29, office 207
Moscow, Russia, 127051
Phone: +7(495) 608-16-27
+7(495) 632-95-44
fax: +7(495) 632-95-44
e-mail: *spas2010@mgppu.ru*

MSUPE Editorial and publishing department

123390, Moscow, Shelepikhinskaya nab., 2A, office 409
Tel.: +7(499) 244-07-06 (ext. 233)
e-mail: *k-409rio@list.ru*
Translator *Z.Z. Ishakova*
Technical editor *R.K. Lopina*
Maker-up *M.A. Baskakova*